

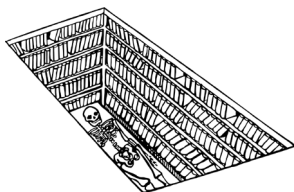
Герард Реве

**ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ
(1963–1980)**

*Перевод
Ольги Гришиной*

ББК 84.4 нид

Gerard Reve

Brieven aan mijn lijfarts

Редактор: Дмитрий Волчек

Обложка: Ольга Сазонова

Верстка: Сергей Фёдоров

Корректор: Кирилл Путресцинов

Руководство изданием: Дмитрий Боченков

*В оформлении обложки использована фотография
Эда ван дер Элскена «Площадь Ньивмарк
в Амстердаме», 1960*

© Veen, 1991

© Kolonna Publications, 2015

© Ольга Гришина, перевод, 2015

ISBN 978-5-98144-201-8

ОТ АВТОРА

Мое знакомство с амстердамским врачом Яном Г. – впоследствии д-ром медицины и, наконец, даже психиатром – произошло во время одной домашней драмы. Я изрядно выпил, Вими¹ – тоже, но, вероятно, меньше, чем я, и страсти недвусмысленно накалялись. 3

Не помню, было это в полдень или ближе к вечеру, но мне хотелось лечь, и я стал раздеваться. Ссора, однако, разгоралась. Полагаю, что это была моя первая белая горячка, еще сравнительно легкая. Я, голый, набросился на Вими с кулаками, но он умудрялся уворачиваться; я, ревя и завывая, принялся крушить бутылки, стаканы и всё, что можно было разбить.

Вими выскочил из квартиры и кинулся вверх по лестнице, а я запустил ему вслед чугунной сковородой с остывшим свиным рулетом. Кто-то – не Вими – вызвал жившего неподалеку врача, коим оказался Ян Г. Он прибыл на место очень скоро и по пути прихватил

1 Wilhelm (Wim) Johann Schumacher, первый возлюбленный Реве, роман с которым продолжался с 1956 по 1963 год (здесь и далее прим. пер.).

на лестнице и свиной рулет, и чугунок. Рулет был «еще отличный, в полном порядке», сообщил он, ставя чугунок на усеянный осколками пол нашего любовного гнездышка. У сковороды, к сожалению, откололось одно ушко, но ею еще вполне можно было пользоваться, особенно человеку бедному, а я был беден.

4 Я сидел, израненный всеми этими осколками, и трясся нервной дрожью. На вопрос доктора Яна Г. о том, что случилось, я ответил, что «хотел умереть». «Это всегда наилучший выход», – согласился тот, делая мне для начала две успокоительные инъекции. Я тут же поинтересовался, не слишком ли это много – два укола, и «не будет ли от этого вреда». Но он был занят – заклеивал мои многочисленные раны и порезы простым канцелярским скотчем. То есть никаких медицинских пластырей – всего лишь прозрачная липкая лента, которой для верности скрепляют плохо закрывающиеся конверты. «Если воспалится, зайдете», – пояснил он свой образ действий. – Теперь – под душ, без мыла, и в постель». Немного помолчав, он сказал: «И десять гульденов попрошу». Я ответил, что выпишу ему чек, но дело не прошло: «Нет, я предпочитаю наличными». Врач, желающий немедленно получить плату, как это возможно! Конечно, мои родители были провинциалами, но я-то родился и вырос в Амстердаме и пропитался амстердамским образом мышления – о нем позже – согласно коему «всё должно быть да-

ром». И врач, *гуманная личность*, стало быть, желающий своим трудом копейку зашибить, – просто стыд и срам! Я всё еще был в некотором роде социалист и, к сожалению, мы верим тому, что слышим ежедневно вокруг себя. (*Социалист – это человек, полагающий, что кто-то другой чересчур много зарабатывает*, по весьма меткому определению коллеги Херманса¹. Но не стану отклоняться.)

5

Я умудрился отыскать в разгроме бумажник и выдал доктору Яну Г. его десятку. Это было не много, даже тогда, – я говорю о временах тридцатилетней давности. Нашу Индию² мы о ту пору уже потеряли, но у нас всё еще была настоящая королева и христианское правительство. Как обстоит дело сейчас, всякий знает: неслыханно, сколько могут с тебя запросить за ничтожную услугу.

Когда в моем жилище воцарились временный порядок и покой, я задумался о неизвестном враче. Мое возмущение его «алчностью» сменилось восхищением: ни гроша не получишь, если долго будешь ждать. И много ли врачей в Западной Европе подобрали бы за тебя рулет и сковородку? Немного, решил я.

Но что меня восхитило больше всего, это использование канцелярской клейкой ленты вместо медицинских пластырей или бинтов;

1 Willem Frederik Hermans (1921–1995) – романист, эссеист и философ.

2 До 17 августа 1945 г. Индонезия была колонией Нидерландов.

должно быть, он человек нетребовательный, правдолюбивый, ему претит всякая роскошь, и к тому же преисполненный сознанием долга; иначе он не появился бы тут так скоро. Я решил сделать его своим домашним врачом, если его больничная касса может принять еще одного пациента, и у него не всё «забито», но это оказался не тот случай.

6 Ян Г. был моим лечащим врачом до самого моего окончательного отъезда из Амстердама. Я был душевно болен, страдал маниакально-депрессивным психозом – согласно собственному диагнозу, и к тому времени сделался уже наполовину или же законченным алкоголиком, с диагнозом или без. Ян Г. был человек в высшей степени психически неустойчивый, порой его терзали тяжкие депрессии, он всячески пытался получать радость от жизни, но это ему не удавалось, хотя он выходил из дому всегда этаким бодрячком. Я думаю, что на него давило тяжкое чувство вины, лишавшее его всякого счастья и удовольствия.

Трудяга, исполненный сострадания к своим пациентам, сам он в этой жизни был беспомощен. «Лишь тот может исцелять, кто сам болен», – как-то саркастически заметил он, – изречение, приписываемое им Гиппократу.

Он весьма почитал искусство и художников, что было для меня необъяснимо, ибо он совершенно не разбирался в искусстве и не интересовался им, будь то живопись, литература, музыка или театр. Возможно, его привлекал

асоциальный аспект «беспечного артистического народа». Он происходил из аморфной, совершенно бескультурной среды, но та среда, в которой он собирался жить и практиковать, «округа», была куда хуже: субкультура, населенная совершенно бесчувственными недочеловеками.

С женой и двумя детьми он жил в квартале красных фонарей¹, снимая крошечную квартиру, от которой, за вычетом приемной и кабинета, оставалось не более 30 квадратных метров жилой площади. Как мог он там работать, продолжать учебу и написать две научные книги (по которым защитил диссертацию) и после еще выучиться на психиатра-невропатолога, практически невозможно представить, поскольку он не переносил окружающего шума и периодически переутомлялся.

Но округа – сердце амстердамской проституции – его завораживала: на мой взгляд, фатальное тяготение к асоциальному. У меня создавалось впечатление, что именно публичных женщин и сутенеров он считал истинно успешными людьми. Впрочем, он был не единственный в Амстердаме, кто окружал это бесчеловечное ремесло романтической дымкой. Я имею в виду то дьявольское недоразумение, когда именуют «прогрессивным» то, что по сути является асоциальным, и «революционным» то, что является преступным.

1 De Wallen (de walletjes) – старейший знаменитый квартал в Амстердаме.

В какой степени подобная наивность привела его к гибели, мне трудно сказать. Не было бы лучше для него бежать из этого района, а лучше бы и вовсе из сего града обреченного?

Он бежал, в конце концов; но не из поименованного города: 13 декабря 1983 года он свел счеты с жизнью. Я вспоминаю его как хорошего – слишком хорошего – человека, внимательного врача и преданного товарища.

Г. Р.

«Благодать»¹, июнь 1991

1 «La Grâce» (фр.) – дом в деревне Поэт-Лаваль в департаменте Дром на юго-востоке Франции, купленный Реве в 1973 г.

Танжер, 17 августа 1963 9
Отель «Мамора», Рю де Пост, 19

От Герарда Реве, в ожидании Завершения Всего Сущего и Царствия, что не познает Конца, Врачевателю Я. В. Г. Да послужит Дух, что есть огонь и любовь, утешением Вам и Звездою Путеводной. Достойнейший Г.! Что касается меня, я бы перешел на «ты», поскольку, полагаю, второе личное местоимение отчуждает нас друг от друга. Хотя и осознаю, что подобная интимность нанесет ущерб тому в некоторой степени священному авторитету, который подобает иметь врачу у своих пациентов.

Я подошел к завершению моего путешествия и теперь, после 3½ месяцев пребывания за границей, собираюсь домой, ибо внезапно, впервые, в день моего прибытия в сей грешный, безбожный город, мною овладела такая тоска по дому, что я чуть не покончил с собой. Я пока еще не могу уехать, поскольку сижу в ожидании денег, которые выслал сюда

мой банк¹. Часть этих денег пойдет на плату за провоз моего ХМВ² плюс двух мест багажа, который я собираюсь отправить в Роттердам с грузовым судном, отплывающим 23-го. Тогда руки у меня будут развязаны, поскольку я мало-помалу оброс гораздо бóльшим количеством багажа, чем некогда вполне мог перевозить на мопеде; и, прежде всего, сие средство передвижения спустя год безупречной службы выказывает всё больше изъянов; в Нидерландах-то не катастрофа, но в больших переходах, разумеется, мука мученическая. (Прибыв на судне одного благодетеля в Лиссабон, я на мопеде спустился по побережью до Альмуньекара на Восточном побережье, примерно на полпути между Малагой и Альмерией, если я правильно себе представляю, потом назад, около двух месяцев провел в Альхесирасе, где мне понравилось, и, наконец, переход сюда, поскольку решил, что надо бы посмотреть Танжер, ибо когда еще такая возможность представится).

Со всякими намерениями здесь осесть покончено. Ни в Испании, ни в Африке ци-

1 См. прил. 1 в конце книги («Письмо в мой банк» от 8 августа 1963 г.) Один пассаж из этого письма, вкуче с фрагментом из романа «Ближе к Тебе», послужил поводом для печально известного «Ослиного процесса» (см. речи Герарда Реве на суде в «Митинном журнале» № 66, 2013).

2 Мопеда. Halleiner Motorrad Werke (нем.) – австрийская историческая марка мотоциклов, мопедов и сервомоторов.

вилизованный человек жить не может. Эти земли – исключительно для богемы, фрустрированных художников, полагающих себя непризнанными и, прежде всего, для людей поверхностных, которые, даже прожив тут много лет, по-прежнему настаивают на том, что южанин смотрит на всё сквозь розовые очки и безмерно счастлив. Не знаю, возможно, эти 3–4 процента – слепцы, – потому что порой думаешь, именно таково их количество, – и счастливы безмерно: все эти хромые, диковинные полио- или спастиколические¹ чудища, трясущиеся и безумцы, лунатики, люди с руками как детские метелки, с конечностями, к которым Природа застенчиво приделала только штопорообразные указательные пальчики; женщины с полупроваленными носами, заклеенными куском лейкопластыря, с пустыми глазницами, не прикрытыми даже тряпицей, так что заглядываешь в крованистую мясную пещеру; или куры, которых перевозят, словно пучок редиски (связать охапку кур за одну ногу и дело с концом). А грязь! И немолчный гам. Всё в этой стране прогнило, заражено, и Смерть словно витает здесь в воздухе. Невежество населения делает практически невозможным любой контакт. И полиция буквально на каждом углу, на каждой станции, разъезжающая в каждом междугороднем автобусе, в каж-

II

1 От «spastic colon» (англ.) – синдром раздраженного кишечника.

дом вагоне поезда и т. д. А цены на продукты и другие товары, за исключением сезонных фруктов и в некоторых случаях одежды и обуви, примерно в 2½ раза выше, нежели в Нидерландах. Болезней я тут не цеплял, кроме, разумеется, дрисни, но она через месяц проходит, как только кишечник, наконец, нарастит, надо думать, стабильную флору испанских бактерий. Еще я ни с того ни с сего заполучил странную, похожую на нарыв болячку на моем Жезле; при эрекции она прорывалась и кровоточила. Я подумал: повезет, если живым останусь – в любом случае светит мне срочная ампутация. Я отправился паромом в Гибралтар и в итоге попал в амбулаторию Колониального госпиталя, где мне оказали весьма быструю и эффективную помощь. (Я в очередной раз убедился в том, что англичане, если поднапрягутся, способны весьма экономно обходиться со временем публики или пациентов: пример для Нидерландов.) Скажем, не нужно там ждать 3¼ часа, чтобы услышать, что размеры для твоего радикулитного бандажа можно будет снять только послезавтра. Нет, людей мгновенно, не теряя ни полминуты, рассортировывают по категориям: простая перевязка, пописать в пузырек, в приемную к доктору или что там еще. Заполняешь большую медкарту, а если сам не можешь, за тебя медсестра сделает (никаких таких секретов, как здесь, в Нидерландах, я имею в виду), и карту эту передают в каби-

нет доктора, который, с картой в руке, выходит и вызывает всех по очереди, так что вечный вопрос: кто последний? – тут отпадает. Доктор ставит диагноз, но сам больше ничего не делает, я имею в виду – для соскобов, разрезов, уколов и перевязок он направляет тебя с бумажкой в соседний кабинет – их три там, injection room¹, dressing room² и еще что-то, забыл. В приемной сидело человек двадцать, поскольку был понедельник, но уже через какие-то полчаса я вышел на улицу. Это было что-то не венерическое, сказал лекаришко, всего лишь невинная стрептококковая инфекция, если я его правильно понял; мне надлежало ежедневно смазывать Головку пенициллиновой мазью, и после того как испанская сестричка сделала мне впрыскивание стрептомицина, нужно было для этого приезжать еще четырежды. Всё это было совершенно бесплатно, и они даже хотели дать мне с собой стрептомицин, чтобы все последующие инъекции мне делал испанский врач в Альхесирасе, где я тогда обретался, но я не мог себе представить, что эти живодеры в состоянии с чем-то справиться; их здоровенные именные таблички со всяческими рассказами на них внушали мне слишком мало доверия. Уже очень скоро мне полегчало. Стало быть, я возвращаюсь. Больничную

1 Процедурная (англ.).

2 Перевязочная (англ.).

кассу я письменно предупредил, что выбываю из ее пациентов, с просьбой в случае вероятного возвращения разрешить мне вновь записаться. Думается мне, что это будет хорошо, и я очень хотел бы, чтобы ты снова стал моим врачом, поскольку я более чем доволен. Приступов страха у меня больше не бывает, или только очень слабые начальные. Полагаю, что стресс, сопряженный с пребыванием в чужой стране, и необходимость соблюдать бдительность, поскольку ни на кого другого рассчитывать не приходится, с этим как-то связаны, – так же, как в концентрационных лагерях у людей исчезала язва желудка и были редки случаи самоубийства. Но черт побери, сколько пользы принесла мне эта поездка! В сущности, я еще никогда не действовал самостоятельно, всегда опирался на других, или вечно меня поддерживала мысль о том, что кто-то есть рядом, и если что, он уже сообразит, что делать. Да, только теперь, почти в сорок лет, я, кажется, повзрослел. Нет, даже если из моего плана и не вышло ничего, я рад, что совершил это путешествие. Остаешься наедине с самим собой настолько, что в конечном итоге вынужден продумывать некоторые вещи вплоть до их последствий. Прежде всего избавляешься – из-за страха перед всем тем, что тебя окружает и грозит конкретной опасностью, – от мелких страхов, вроде того, что о тебе думают другие, и т. д. Таким образом я наконец

смог принять решение приступить к написанию пророческой книги, с высшей степени демоническим смыслом, – я уже годами об этом мечтал. И знаешь, что еще столь целительно? То, что хорошо понимаешь ничтожность человеческого существования в таких странах, как эта, и что становишься мудрее, скептичнее, но, к счастью, не циничнее. Ну вот, всё отлично. Я буду здесь через пару дней, D. V.¹, не более. Надеюсь к концу месяца снова очутиться на Аудезейдс Ахтербургвал². Подпишись на «Тираду»³: всем людям умеренно оплачиваемых свободных профессий нужно на нее подписываться, потому что больше некому. Господь наш Иисус Христос, царь вселенной! С любовью, сердечно,

Твой благ. пац.

Герард.

-
- 1 Deo volente (лат.): «Если угодно будет Господу» (Иак. 4: 15).
 - 2 Улица и канал в районе Валлена, где жили в то время Реве и Гротхёйзе.
 - 3 В этот период Реве работал в редакции «Тирады». В «осеннем номере» 1963 г. (№ 80–82) он опубликовал «Письмо, найденное в бутылке», позже включенное в кн. «По дороге к концу», с отчетом о своих испанских приключениях.

Амстердам, 21 ноября 1963
Эрсте Розендварсстрат 9, наверху

Дорогой доктор,

16 Я переехал уже некоторое время назад, но не очень помню, общал ли тебе об этом. Больничную кассу Амстердама я поставил в известность, что хотел бы по-прежнему лечиться у тебя, и мое желание было удовлетворено. Не так часто я болею, а уж когда заболеваю, это порой весьма занятно. Квартирка у меня маленькая, но весьма благоустроенная. У меня всё в порядке, но ты всё же зайди как-нибудь, если будет время и окажешься неподалеку. И дай знать, если хочешь экземпляр «По дороге к концу» (сборник писем, в СТОА)¹ – за так; или ты уже купил?

С. пришлось долго вглядываться, но в конечном итоге он обнаружил у меня *Fremdkörper*² в роговице и вырезал его чем-то вроде фруктового ножичка. Милейший человек. У меня после этого долго были сильные боли, но от недуга я избавлен. Это была, как я и предполагал, песчинка, со страшной силой влетевшая в глаз (недель пять–шесть назад, как он определил, и был прав). Здоровье – наивысшее богатство. И т. п.

1 Серия эссеистических и автобиографических книг СТОА существовала в изд-ве Ван Орсхота с 1959 по 1969 гг.

2 Иностранное тело (нем.).

Тут со мной Жюстин; Вими оставил себе Дениз¹. Вими сегодня именинник, я вечером нанес ему деньрожденный визит. Призовой Жеребец² – такая лапушка. (Помалкивай об этом, ибо он – иностранец и при малейшей инсинуации может распроститься со своим видом на жительство.) Я попросил Р. подыскать мне нового дружка, но пока что с этим глухо.

Дух, который есть огонь и Любовь, да послужи тебе утешением и Звездой путеводной. 17

Твой преданный пациент, l'Auteur Soleil (la littérature c'est Moi)³.

Герард Реве.

*Чейз, Саути Грин, Сибл Хедингем,
Эссекс⁴, 20 февраля 1964*

Достопочтенный Г.,

Зови меня просто Герардом, а я ведь не знаю, или забыл твое имя, короче, если снова крепко дернуть, станет ясно, что я имею в виду. Я уже

1 Justine, Denise – кошки Реве.

2 Имеется в виду «М.», новый любовник Вима Шумахера, ради которого он в 1963 г. расстался с Реве.

3 Писатель-солнце (литература – это я). Ср. изречение короля-солнце Людовика XIV.

4 Поместье «Лондонского друга П.»: (Daniel Pickering (Perkin) Walker (1914–1985) – английский историк, автор нескольких работ по оккультизму в европейской истории.

четыре дня – как стеклышко и ничего особенного не замечаю. А всё потому, что сижу тут один, за исключением выходных, да и прижмист я, самому-то раскошелиться; я имею в виду безумно высокие налоги.

18 На прошлой неделе стояла премерзостная погода, чуть выше нуля, мокрый снег, град и т. п. Сегодня хоть подмерзло, и солнышко вышло бодрое. Через неделю буду дома. Сейчас слишком занят, чтобы куда-то выходить, но будешь поблизости, забегай.

По ночам мне иногда делается страшно, когда один. На сто верст ни души, но каждые пять минут то дверь скрипнет, то замок заскрежещет. И днем тоже – я имею в виду, Страхи и Галлюцинации: вчера видел Зверя с человеческими ушами, сидел в какой-то корзине на Дереве. Дай Бог, чтобы всё обошлось. С любовью, твой
Герард Реве.

*Тилбург¹, 29 апреля 1964
Отель «Риш», номер 33*

Дорогой Ян,

Буквально на бегу – краткий привет, потом убегаю читать лекцию – в 8:30, для местного кружка женщин-врачей, – так, кажется. Рас-

1 Тилбург – городок на юге Нидерландов, в провинции Северный Брабант.

пинался сегодня с 10 до 12:30 и с 2:30 до 6:30 перед двумя группами юных семинаристов и верующих. Публику эту прощупать трудно, реагируют вяло, и мало спонтанной реакции. Но всё прошло нормально. Теперь, стало быть, третий заход. (Удалось часок прикорнуть).

Колено Виллема¹ снова совершенно в порядке, какое счастье. По-прежнему следую твоей диете. Первая неделя прошла легко, вторая труднее. (Два вечера не удержался и выпил). Теперь, на третью неделю, чувствую себя как никогда хорошо и ощущаю загадочный прилив энергии. Выгляжу по-другому, и желудок, конечности, весь организм как-то быстро подтянулись. Поначалу весил 82 в одежде, сегодня – 73½. Бесконечно благодарен тебе, что ты столь внимательно подошел к туманно выраженному желанию. Я выпиваю где-то 1–1½ литра простокваши в день, в поездки беру ее в двух бутылках из-под «Гролша»², и пластиковый стаканчик.

Я уже много лет не чувствовал себя таким освобожденным, таким просветленным и здоровым. С любовью к вам всем (спасибо за открытку).

Герард.

-
- 1 Willem Bruno van Albada (Тигр, Тигра) – возлюбленный Реве в 1963 –1974 гг.
 - 2 Grolsch – голландское пиво, выпускается в т. ч. в стеклянных бутылках с керамическими откидными пробками.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел, Фрисландия,
21 октября 1964*

Дорогой Йохан,

Мы – за то, чтобы отобедать у Яна Монтейна¹. Я позволю тебе после 28-ого или зайду. Жаль, что он так переживает по поводу этого плей-20 боя Тома², хотя он представляется мне человеком самостоятельным и психически вполне независимым. Кроме того, он – Скорпион, что делает его сильным и воинственным – будем надеяться, что его Марс стоит в своем знаке.

А еще я бы попросил тебя взглянуть на виллемов уд – я, по крайней мере, думаю, что дело в обычной эрекционной уздечке. Я думал, что он в частном порядке с тобой проконсультировался, а потом воспользовался своей утрехтской студенческой страховкой, чтобы где-то это подрезать и перекроить. Он малость

1 Jan Montyn (1924) – художник. В начале Второй мировой войны добровольно вступил в немецкие военно-морские войска, затем воевал на Восточном фронте. После войны, как коллаборационист, не был принят прежним окружением, вследствие чего испытывал сильный душевный кризис, из которого выбрался благодаря тому, что стал писать картины.

2 Tommy Gerrard, друг Яна Монтейна. О его смерти и кремации Реве рассказывает в «Письме, написанном ночью» (см. книгу «Ближе к Тебе»).

стыдлив и чопорен и, следовательно, человек, который не выпендривается и не задирает нос, а простыми словами говорит, что и как должно быть сделано, – всяко лучше, чем какой-нибудь елейный подхалим. А еще бывают врачи, которые считают, что если нет прямой опасности для жизни, то можно и потерпеть – уж тебе ли не знать, что это за типы. Желаю тебе много сил и здоровья. Столько народу сидит в депрессии – Ван Орсхот¹, я и почти все мои корреспонденты. Так что – наилучшие пожелания от Виллема и писателя-гражданина Герарда.

21

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел, Фрисландия,
6 ноября 1964*

Дорогой Йохан,

Огромное спасибо за обе посылки с витаминами и за письмо. У этих таблеток очень хороший эффект. Между тем, после шести дней абсолютного воздержания от алкоголя, я опять немножко принял, и несколько дней подряд всё было отлично. (Днем бутылочка вина, ночью – рюмка-другая – в постели с книжкой). Но позавчера вечером, в 7:30, нагрянули к нам

1 Издатель.

два ученых хулигана из Неймегена, а у нас уже гостили два человека. По доброте душевной я их впустил, и вот целый вечер потом мне пришлось выслушивать, какой я мудака, мещанин и т. д. (Я запретил им шуметь ночью – люди тут ложатся в 9 и встают в 6 утра). Наконец, между 3 и 4 (мы здорово насосались), у меня случился приступ *delirium clamans magni furoris*¹, и я выгнал их из дому в студеную ночь. Бардак, ибо они постучались к ближайшему соседу и т. д. Короче говоря, они убрались. Мне бы надо поосторожнее, а то еще прирежу кого-нибудь. Но эти типы довели меня до белого каления. Я хочу, чтобы люди умели себя вести, придерживались нормальных правил гражданского приличия и как можно меньше изображали из себя бог знает что. Я имею право на домашний покой и неприкосновенность личной жизни, полагал я. Что за негодяи. С теми двумя гостями, которые приехали раньше, мы проводили приятные дни, ну, сам знаешь, ничего особенного, – прокатиться куда-нибудь, по лесу погулять, пикник на скорую руку с бутылочкой винца или рюмкой недорогого коньяку; дома – уютная беседа, на ужин – стамппот² или курочка, стаканчик другой пропустим и на боковую.

1 «Делириум без границ», или «бред, рыдание, великая ярость» (лат.).

2 Традиционное голландское блюдо – пюре из картофеля и овощей, иногда с кислой капустой, салом и копчеными колбасками.

Я написал Яну Монтейну слова ободрения и, как явствует из его ответа, они его поддержали.

Мы где-то числа десятого снова в Амстердаме, примерно на неделю. Надеюсь, он придет к тебе, показать свою картину. С любовью к вам обоим, и приветы от Герарда.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 31 января 1965*

Дорогой Ян,

Мы очень тронуты, но в то же время ужасно переживаем по поводу твоего взноса за вентилятор. Мы эти деньги отложили до лучших времен, пока не подыщем и приобретем нужное устройство.

Мысль о смерти Томми неотвязно преследует меня. В довершение всего я получил длинное письмо от его матери (после того, как мне позвонил его отец), на которое я добросовестно попытаюсь ответить.

Я планов самоубийства не строю, – потому, видимо, что жизнь меня мало интересует, и не предъявляю непомерных требований ни к Богу, ни к ближним своим.

Прилагаю два входных билета на Форум¹. А также, в строжайшей секретности, письмо

1 См. прил. 2.

матери Тома, для ознакомления, и копию моего ответа, сохранишь в своем Архиве.

С любовью от писателя и гражданина
Герарда.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 15 февраля 1963*

24

Дорогой Ян,

Как я и опасался, Виллем слишком мало вкусил тепла и покоя, поскольку внезапно, за несколько часов, в четверг ночью серьезно занемог и стал задыхаться. В полчетвертого утра мы попробовали добраться на машине до врачей. В Блаухаусе никто не отворил, в Фолсгаре врача не было, и в конечном итоге мы (простояв 1½ часа в трех километрах от Снека, без горючего) попали в больницу Св. Антония в Снеке, где с нами обошлись чрезвычайно мило и в течение получаса (вызвав специалиста) вскрыли Виллему нарывы и уложили в палату. На следующее утро его прооперировали и вырезали гланды. Да, конечно, очень болезненно, но он доволен и удивительно быстро поправляется: послезавтра утром, в среду, его уже выписывают. В четверг вечером мы возвращаемся в Амстердам, до вечера субботы или до воскресенья. Я дам тебе знать.

Если ты на выходные куда-нибудь уезжаешь, верни мне тогда, пожалуйста, эти два билета¹ (на Розендварсстрат), а то у меня их не много.

Как славно, что ты уделяешь столько внимания А. ван Д. (Оно ему сильно помогает, и он об этом отзывается очень растроганно и почтительно.)

С любовью к вам всем, твой
Герард Реве.

25

*На борту теплохода «Беатрикс»,
Гарвич, 7 апреля 1965*

Дорогой Ян,

Скоро прибываем в Хук ван Холланд, но мне сразу же нужно в Роттердам, читать лекцию² в студенческом клубе. Посему сообщаю тебе, для полноты картины, эту кучу сведений относительно ноги Виллема. Опухоль в колене и болезненные судороги в ступне, из-за чего он через пять–десять минут уже не может ступить, остались у него после так называемого «гриппа», державшегося три–четыре дня; но, в сущности, это был не грипп, поскольку у него не было высокой температуры

1 Вероятно, речь идет о съемках телепрограммы «Ну надо же, опять, какое совпадение!».

2 См. прил 3.

и пульс не превышал 120–130 ударов, из носу не текло и т. д. Это что-то другое, но что? У меня какая-то штука, которую я почти с полной уверенностью полагаю триппером, хотя с большим трудом и в очень малом количестве могу выдавить гной. Но я узнаю прежние симптомы: горло побаливает, в носу необычно жесткие струпья. Может ли триппер гнездиться в суставах? Мы предоставляем друг другу доступ во все мыслимые отверстия, тайные или нет, стало быть, заражение могло произойти неортодоксальным путем. (Кстати, это не тот случай, что с тем речным шкипером, у которого был застужен мочевой пузырь¹ – хороводиться потихоньку от партнера не в наших правилах).

Я приду к тебе на прием как можно скорее, правда, в Амстердаме буду, надо думать, не раньше пятницы. Но надеюсь, что мой хрен к тому времени не отвалится.

Если можешь, постарайся излечить Виллема в одно касание, он тут сидит с машиной, набитой вещами, рассадой, и всё это нужно отвезти во Фрисландию.

Со стрептофилловым и сердечным приветом вам обоим,
Остаюсь писатель и гражданин
Герард Реве.

1 Среди пациентов Гротхёйсе был шкипер речного судна, который, заболев гонореей, лгал жене, что застудил мочевой пузырь.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 17 мая 1965*

Дорогой Ян,

Спасибо за письмо, и открытку, и рецепт, в котором я более не нуждаюсь. А вот в Амстердаме, когда вернусь, хотел бы тебя попросить снова мне его выписать, по крайней мере, если таблетки еще будут годными; хочу иметь про запас, чтобы тут, в Греонтерпе, в течение года опять начать ими пользоваться.

27

Мне нужно здесь, через пару дней, выработать какую-нибудь разумную диету, – я хочу остаться при этом весе, ибо очень хорошо себя в нем чувствую и не утомляюсь. Теперь я без одежды вешу 68 (а прежде 77). Итак, что-то около 12½ процентов веса потерял. Могу выяснить, какое это облегчение для мышц и кровообращения, 1/8 тела долой.

Прилагаю причитающееся тебе письмо¹. Последняя, третья, значит, лекция прошла очень хорошо, только вот в этой гостинице, где до двух ночи продолжался бал или нечто вроде, я не слишком выспался. Мое новое письмо о путешествии закончено², начерно, это было большое развлечение и удовольствие.

С любовью от нас обоих. Твой писатель
и гражданин
Герард Реве.

1 Письмо матери Тома.

2 «Письмо, написанное в ночи» (см. «Ближе к тебе»).

Дорогой Ян,

28 Сердечное спасибо за обе диеты. Я разные перепробовал: извлек их из самой по себе ценной книги Эрика Линдлера «Ешь и худей»¹, а еще сам составил для некоторого количества толстяков, порой с ошеломляющим результатом. Теория, фундаментально весьма верная и остроумная (благодаря его открытию, что люди, питавшиеся сырыми корнеплодами, шпинатом, редисом и т. д., гораздо быстрее худели, нежели истинные «постники»), имеет один недостаток: меню, столь насыщенное витаминами и минералами и, таким образом, содержащее минимальное количество калорий, достаточно объемисто, и желудок таким образом *остается в прежнем размере*, из-за чего через несколько часов после приема пищи тебя одолевает неутоленный, дикий голод.

Я придумаю что-нибудь в пределах 1000 калорий.

Советую тебе при этом лечении пить поменьше кофе или совсем не пить, потому что он пробуждает голод. Таблетки – очень голод утоляют, в первую неделю – точно.

Меня просто поражает твой вес. Меньше всего ты производишь впечатление человека

1 V. H. Lindlahr. Calorie countdown; the easy way to eat and reduce (1962).

тучного, скорее – худощавого, я бы тебе на вид более 75 кг. не дал. Но ты выше меня, полагаю, и твое лицо невротика, естественно, также создает иллюзию снедающей худобы. Короче, что больше всего тебе понравится, это загадочный прилив энергии, проистекающий из твоей диетической пилюли.

Больше у меня никаких особых советов нет, кроме того, что неплохо бы вечером съесть пару сырых морковок или редисок, чтобы утром этот запас клетчатки помог проснуться. 29

Сообщи мне через недельку, как дела. Знаешь, что поразительно? Что химию тела можно предсказать с точностью до десятка граммов, точь-в-точь как время усвоения человеком рюмки крепкого алкоголя равно где-то минуте. (Реакция, разумеется, обусловлена совершенно индивидуальными свойствами). Так что, если следовать диете, ты должен в день сбрасывать ровно 250 г., и это совершенно точно. (Взрослому, выполняющему легкую работу, требуется ± 2500 калорий; 250 г. веса тела [жир] $\times 9$ к. [кол-во калорий на 1 г. жира] = 2250 к., + 250 к. простокваши = 2500 к.

Ну вот, достаточно. Иду в постель. Покрасил двери (в зеленый), две входные, просто прелесть. С любовью ко всем вам,

Герард.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбригсерадел (Фр.), 7 июня 1965*

Дорогой Ян,

30 Спасибо за письмо. Мне кажется, это не мелочь, такая учеба при всей твоей напряженной работе¹. Ты уж поосторожнее, не перерабатывай. Энергии-то самой по себе тебе не занимать, думаю я.

Если ты продолжил лечение, должен к этому времени уже добиться значительного результата. Я не расслабляюсь и слежу за тем, чтобы не переваливать за 70 кг., что не так уж трудно. По-прежнему исполнен энергии, встаю порой в четыре, в полпятого вместо семи. Две водосточные трубы, в общей сложности 13 м., требуют починки, и размытая \pm 15-летней протечкой восточная стена должна быть основательно отремонтирована. Я в один день приладил новые (серые пластиковые) трубы, на следующий день положил кирпичи – за один раз, работал 16 часов подряд, ибо на то, что хорошая погода долго продержится, полагаться нельзя. Результат отличный, и трубы теперь отводят воду на 100 процентов в дождевую цистерну, а не как раньше – 60–80 процентов в фундамент дома. Я мало какую физическую работу люблю, хотя руки у меня растут откуда надо, но кирпичи класть, – хотя

1 Гротхёйзе изучал философию в Утрехтском университете.

это и тяжело, и трудно – дает мне нечто вроде ощущения, что я созидаю, испукляю что-то.

Мое новое письмо о путешествии получилось примерно в двадцать пять печатных страниц и выйдет в июньском номере¹. Возможно, это лучшее из того, что я написал.

У Виллема случился небольшой рецидив «футбольного колена», к счастью, продолжалось это всего несколько дней, поскольку он немедленно стал давать ноге как можно чаще и больше покоя в правильной позиции, с поддержкой.

Я написал это письмо в дюнах за деревней, лежа на солнышке. Приветливый, однако назойливый коняга наступил на мои солнечные очки. Через неделю, думаю, будет установлен твой вентилятор. (Мы уже обзавелись рамой с круглым отверстием.) Это письмо я отдаю А. и П., отправят в Амстердаме. С любовью к вам всем от Виллема и писателя-гражданина Герарда Реве.

*Отправлено с Эрсте Розендварсстрат 9
Амстердам С, 9 июня 1965*

Дорогой Ян,

В понедельник, 14-го, я приезжаю в Амстердам дня на два–три, по делам – редакционным, зубо-врачебным и нотариальным – и было бы

¹ «Письмо, написанное в ночи» было напечатано в «Тираде» в июне 1965 г.

весьма полезно, если бы ты к прилагаемому рецепту добавил новый, – если страховка позволит, желательно на 120 штук. Я успешно сохраняю вес, не превышая 70 кг, но в Амстердаме, когда принимаю пилюли, не пью ни капли, кроме простокваши. А если у меня их не будет, опять безвольно опускаюсь и дойду до горячки. Знаешь ли, что это лечение – потрясающее оружие в борьбе с Королем Алкоголем? Я вообще могу обходиться без выпивки, вероятно, благодаря бензедрину. Эта деловая поездка опять обернется ничем, стоит мне нырнуть в стакан, а я этого не хочу. Замечательно, если ты сможешь выписать мне новый рецепт – для быстроты и надежности прилагаю готовый конверт – и я обнаружу его по приезде и немедленно схожу в аптеку, – я был бы чрезвычайно признателен.

С наилучшими пожеланиями, твой писатель и гражданин

Герард Реве.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел, Фрисландия, 20 июня 1965*

Дорогой Ян,

Большое спасибо за оба рецепта. Я пробыл в Амстердаме всего три дня и выжал из них все необходимые дела, которые ждали уже месяцами: зубной, нотариус, два издателя, коллекцио-

нер, пара редакционных заседаний, посещение отца. Все тянулось гораздо дольше, чем я планировал. Я бы и хотел зайти, но зачем звонить и обещать, если не получится; а просто звонить и отвлекать тебя тоже смысла никакого.

Осмотрительное применение такого курса лечения, например, недельку, от случая к случаю, при напряженной трудовой деятельности, которая делает жратву и выпивку соблазнительным развлечением, – очень целесообразно и полезно. Я по-прежнему питаюсь хорошо и основательно, как всегда, только ем поменьше. Внимательно слежу за питанием Виллема; он ежедневно ест сыр, яйца и/или мясо, в обед и/или вечером – стакан портвейна, утром – добрую миску йогурта и, разумеется, вдоволь сырых или свежесваренных овощей плюс картофель. Он очень хорошо выглядит, душка этакий.

Интересно, как тебе понравится «Письмо, написанное в ночи». (На следующей неделе выходит «Тирана», но она всегда запаздывает.) Там всякое о Томе и его Гибели.

На сем – с любовью ко всем вам, Тигра и Герард.

P. S. В этот четверг я собрал «Ито»¹; огромный успех, высасывает весь пар из кухни в считанные минуты. Когда холодно, мы открываем люк в комнату, и он бесплатно нагоняет в кухню теплый воздух.

1 Вентилятор фирмы Itho; Ян Гротхёйзе пожертвовал для установки этого вентилятора в Доме «Трава» некую сумму (см. письмо от 31 января 1965 г.; ср. тж. Ян Гротхёйзе, «Слуга двух господ», 1966.)

Амстердам, 4 октября 1965
Эрсте Розендварсстрат 9 II
Тел. ***

Дорогой Ян,

34 Я так давно не отвечал на твое длинное письмо не потому, что не придавал ему значения, но потому, что снова пришлось разбираться с кучей всякой ерунды. Настало время, и снова возник вопрос о заявке Виллема на медицину, в Амстердаме, – на учебу, я имею в виду, это не просьба о выделении лекарств, – и теперь, после того как мы месяц бомбардировали власти, второй раз повторный отказ от комиссии по распределению студентов, ошибочный, и в последний момент – допуск. Как же я плохо пишу. Всю эту неделю, то есть не в выходные, я в Амстердаме, читаю лекции в Делфте, Амстердаме, Утрехте и Хорне¹. (В четверг, слава богу, ничего.)

Надеюсь, у тебя всё хорошо, и ты не перерабатываешься.

Будем надеяться, ты сможешь вылечить Виллему воспаленное горло. Температура его колеблется между 37,5 и 36,5, что не так уж страшно, однако, по-моему, не очень хорошо. Выслушай его хорошенько, ибо он все-

1 См. прил. 4.

гда так скуп на просьбы о сочувствии врачей, ничего у него никогда не болит и т. д. (У него уже несколько дней болит животик, ухо и т. д.) Мне кажется, это может быть обычный грипп – надеюсь, ничего похуже.

С любовью ко всем вам, гражданин-писатель

Герард Реве.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 16 января 1966*

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твою заботу, меня она очень тронула. Бандероль дошла нормально, Виллем завтра отвезет рецепт в Амстердам. Да, я день-другой чувствовал себя неважно, но в последние пять дней выпивал примерно две рюмки крепкого плюс два небольших стакана пива, и всё вечером. (В третий день выпил больше, слишком много, вообще говоря.) Подозреваю, что опять придется мне вытаскивать себя из Бездны. Одиночество отнюдь не терзает меня, и проблема моя абсолютно не в том, что «никто меня не любит» и т. д. Это, скорее, настоящий экзистенциальный кризис. Курьезно то, что такие рецидивы у меня всегда случаются, когда я чувствую себя лучше некуда, но не тогда, когда я должен выгреш-

бать против течения. На 75 с. в «По дороге» я описывал такие непреодолимые искушения¹. На одно из них я поддался и написал главе департамента Искусств письмо с обращением «Старая Мышь»². И гляди-ка: через десять дней он отвечает, что мне присуждена стипендия на 1 год, в 6000 гульденов. (Сестричка Й. М.³ из Г. говорит, что я теперь должен разок попробовать «то, другое», у «Симона де Вита», но я не уверен, что смогу за это получить у них нечто вроде скидки, очень мне это надо.) Книга закончена⁴, оттиски исправлены. Мои ожидания были слишком высоки, а теперь я вижу, что вновь не получилось у меня книги, которая сделает ненужными все остальные, которая спасет человечество и у самого Господа Бога, когда он станет ее читать, слезу вышибет. Но она, думается мне, лучше, чем «По дороге».

1 Имеется в виду с. 79 русского перевода, пассаж в конце «Письма из Амстердама», о котором говорит Реве: «Дурацкие искушения, сродни моему многолетнему и совершенно неукротимому соблазну начать каждое письмо властям с обращения „Старая Мышь!“ или выставить напоказ свой хрен у „Симона де Вита“, etcetera и ad infinitum. («Симон де Вит» – популярная до 80-х сеть супермаркетов в Нидерландах.)

2 См. прил. 5.

3 Josina Wilhelmina Louisa (Josine) Meyer (1896–1991) – одна из сестер Мейер, эссеистка и астролог. Сестры Мейер жили в Греонтерпе.

4 «Ближе к Тебе».

Эти розовые сердечки, которые нужно ломать пополам, чтобы исцелить собственное сердце, мне очень помогают. Взбадривают, но у меня сложилось впечатление, что они содержат нечто успокоительное.

Ужасно мне интересно, как будет продаваться новая книга. (Неудача, после «По дороге» [$\pm 40\ 000$] явно немыслима, но мне бы больше хотелось, чтобы было продано 80 000, чем, скажем, 60 000). 37

Как видишь, я еще вполне в своем уме. Иногда подумываю отправиться в путешествие на недельку, совершить паломничество в Фатиму¹, но мне кажется как-то нечестно без Виллема. Он ужасно милый, и ему приходится много от меня терпеть.

Заканчиваю. Меня ждет гора корреспонденции; боюсь, что еще несколько недель просижу за ответами.

С любовью ко всем вам,
Виллем и
Герард.

P. S. Был рад узнать, что А. стало намного лучше.

1 Т. е. к Богородице Фатимской в Португалии. Это паломничество он совершит в июне 1966 (см. «Письма к образованным рабочим»).

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 21 января 1966*

Дорогой Ян,

38

Большое спасибо за рецепт, который ты опустил в почтовый ящик на Эрсте Розендварс-страт. Посылаю тебе сжатый отчет о положении дел. Наступило некоторое улучшение. Я не пью до наступления темноты и в последние дни не превышаю полулитра. Хотелось бы меньше, если получится. Розовые сердечки я принимаю по половинке, где-то в середине дня. (Утром насасываюсь кофе, по вечерам в большинстве случаев не чувствую ни усталости, ни подавленности.) Думается мне, что мало-помалу дело движется на поправку. Что очень важно: это когда есть работа. Интересно, как тебе понравится новое письмо о путешествии. Думаю, что оно появится только в начале февраля, поскольку завтра я получаю корректуру, и дней десять на печать и переплет уйдет как минимум. Я по-прежнему нервничаю по поводу книги: в смысле, как она будет воспринята. С финансовой точки зрения это очень важно, ибо «По дороге», «Вечера» плюс другие, хотя и продаются по-прежнему бесперебойно, полноценных доходов больше не приносят. (У меня приличные задолженности, и хотя они могут подождать этак год или дольше, всё же хотелось бы вновь увидеть высокие тиражи.)

Надеюсь написать тебе снова через день-другой.

С любовью,
Виллем и
Герард.

Амстердам, 17 марта 1966 39
Дюббелмондехоф 2 II

Дорогой Ян,

Получил немалое удовольствие от твоей книги¹, которая, наконец, была извлечена на свет божий из хаоса в коробках. Мне она показалась куда более трогательной и человеческой нежели довольно дешевая, незамысловатая выпечка Алберта Мола². Я как-то совершенно не думал о том, что в этом обществе – которое ты описываешь, я имею в виду – все основные проблемы человеческих отношений не отличаются от проблем в другой среде, в крайнем случае они просто принимают более ярко выраженную и опрощенную форму.

1 См. прил. 6.

2 Albert Mol (1917–2004) – популярный писатель, кино- и телеактер, не скрывавший своей бисексуальности. Речь идет о его книге «Что я вижу?.. Беседы с блондинкой по имени Грит. Излияния одной женщины о жизни в Амстердаме» («Wat zien ik... Gesprekken met blonde Greet. Ontboezemingen van een vrouw uit het Amsterdamse leven»).

Мы очень довольны этим жильем: большая трехкомнатная квартира, очень светлая, с хорошим видом и всем мыслимым комфортом и тишиной. (Уже двенадцать дней прошло, а мы всё еще не слышали ни соседского телевизора, ни радио!) Как возможна такая роскошь за 93 гульд. в месяц – для меня загадка. Кроме собственно квартиры (с большой кухней и большой ванной, в которой душ + лавет¹), у нас имеется чердак и большая кладовка внизу. Автоматические выключатели, повсюду розетки, стальные рамы, которые можно сложить и раздвинуть, если хочешь посидеть на солнышке, как на террасе. Никаких проблем с парковкой. Такого не бывает.

Днем

Кучу работы переделал, но всё не так безнадежно, как в той дыре на Эрсте Розендварс-страт. Спасибо за твое письмо, Виллем только что принес мне его наверх. Разумеется, ты получишь экземпляр, но книга еще не вышла. (Завтра? В среду?) Придется поволноваться, будет ли она популярна на книжной неделе. В ближайший понедельник, 21-го в 8:55 вечера, сможете увидеть меня по телевизору (2-й канал). (Читающий поэзию в белых «Ризах», или «Униформе тропического врача», в *Carré*.)²

1 Нечто среднее между раковиной и ванной; устройство, популярное в 50-60 гг., прежде всего в социальном жилье.

2 Театр в Амстердаме. Имеется в виду запись легендарного вечера «Поэзии в Карре» (28 февраля

На продажи еще не вышедшей книги пожаловаться не могу: из тиража в 14000 уже заказаны 7200.

Заходи к нам. Это недалеко, и здесь, по крайней мере, можно машину поставить.

С любовью к вам,

Виллем и

Герард.

P. S. Моя борьба с К. А. протекает славно: позавчера пара бокалов вина, вчера совсем ничего. Я в эти дни больше не напиваюсь, а от стаканчика, уместного по времени суток, могу, наконец, снова испытывать удовольствие, радость, эйфорию, расслабление вместо Ярости, Печали и безмерной Меланхолии. Скоро снова с полной отдачей засяду за работу. Ко мне вернулись задор и радость жизни.

41

[Вероятно ± май–июнь 1966]

Дорогой Ян,

Сей лимонный сок – Последний Образчик Мочи Тигры. После этого она снова посветлела, моча, я имею в виду. Он ничего не чувству-

1966 г.), организатором которого был Симон Винкеног. «Нъиве Роттердамсе курант» (НРС) писал о костюме Реве: «Он вышел в незапятнанно-белом, закрытом до горла одеянии, точно современный священник». «Телеграф» охарактеризовал его платье как «форму тропического врача».

ет, то есть никакого жжения, но мне сдается, что эта моча до самого конца должна быть ровно светло-лимонного цвета и не мутнеть ближе ко дну. Посмотри, что там за научные твари сидят, ибо не должно их там быть, убить их всех надо, потому что иначе неправильно.

С любовью от твоего
Герарда.

42

Приложение: Образец мочи Тигры.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 9 июня 1966
Дюббелмондехоф 2 II*

Дорогой Ян,

Надеюсь, у вас всё хорошо. У нас в общем и целом всё в порядке. Книга раскупается как горячие пирожки, примерно по 175 в день. Приближаемся к 35000. Я подозреваю, что раз она столь длительное время хорошо распродается (через неделю будет три месяца) – еще какое-то время прочно продержится на рынке. Виллем бодр и здоров, но я считаю, что он недостаточно много работает, готовясь к своей пропед. в сентябре¹. Меня это несколько заботит. Я порой выпиваю больше, чем следовало бы, но такого ада, как прежде,

1 Пропедевтика, вводный курс.

мы не испытываем. Не забыть про пилюли. Теперь – очередной «сухой» период, сегодня – третий день. Это всегда будет борьбой, я думаю и сдаюсь перед фактом. Я – предрасположенный к искусству, экстатический человек, который не может жить без хмеля, хотя эти его виды (религиозный, сексуальный и алкогольный) – заменяют друг друга или чередуются.

Квартира в Осдорпе нас вполне устраивает. Она практичная, просторная, почти звуконепроницаемая, и можно прожить без автомобиля. Но писать там, как я собирался, время от времени чередуя ее с Фрисландией, я, наверно, не смогу: вид, пусть довольно унылый, всё же недостаточно декадентский, и все это стекло в фасаде, хоть и приятное глазу во всех остальных отношениях, нервирует меня и досаждают: возникает впечатление, что за мной шпионят. Для пребывания по разным делам это великолепная квартира, и Виллем может тут прекрасно заниматься, то есть не хуже чем где бы то ни было.

У меня новый мопед, *Batavus Bilonet*; в хорошую погоду я могу на нем куда угодно, хоть в Амстердам – за четыре часа, что не так уж и плохо, поскольку на машине, через Велсертуннель¹, занимает 2¼–2½ часа. Я много бываю на улице, лежу на побережье Зейдерзе, загораю и пишу письма, – это тоже, и стал совсем коричневый, что мне всегда дает ощущение

1 Velsertunnels – сеть туннелей под Североморским каналом (*Nordzeekanaal*).

здоровья, энергии и пластичности. Я поднимаюсь в 4–5 утра и около 9–10 вечера ложусь. Спать дольше не получается, да и чувствую, что не надо мне это.

44 Чтобы не забыть: можно мне штук 120 алоэ-бенз.-люм. пилюль? У меня от предыдущего рецепта (9 декабря) осталось еще штук 60, я, стало быть, их с толком расходовал. Они превосходны, если денек попоститься на фруктах и простокваше и не пить алкоголя – они, кстати, плохо сочетаются, это уже не раз было замечено, так что я никогда не комбинирую одно с другим – и помогают при тупиковых ситуациях в работе.

Что ты думаешь о запасе таблеток рефью-зала? Или это психологически неправильно?

Но эти бенз.-как-их там, я бы хотел штук 120, мне тогда в этом году больше ничего не потребуется.

А можно принимать вино или крепкое анально, чтобы закосеть побыстрее и повернее, и желудок не испортить? Или нужно это дело с коричневым сахаром?

Я с ближайшего воскресенья снова в Амстердаме, 16–27 в Англии, потом снова пару дней в Амстердаме. (Когда мы там, тебе, разумеется, всегда будем рады, даже и без предупреждения).

В понедельник я на телевидении, по 2 каналу, в «Из Бельвию»¹.

1 «Uit Bellevue» (Театр «Бельвию» в Амстердаме. В 60-е годы его залы служили телестудиями. В те годы

Тигра бухтит по поводу мути в его моче. Я сказал: или к урологу, или прекрати стонать. Здоровье – наивысшее богатство. Я дергаю штуку и т. д. теперь с частотой в семь–девять раз в день, чаще, чем когда-либо в жизни. Подозреваю, что это чрезвычайно хорошо для здоровья, во всяком случае я от этого не устаю и у меня в воображении возникают весьма художественные картины, которые я могу использовать.

45

С любовью ко всем вам, твой
Герард.

*Госпиталь Вильгельмина, Ассен,
14 августа 1966
Палата 8, отделение E¹*

Милый Ян,

В пятницу утром у меня случился делириум в поезде Утрехт-Леуварден/Гронинген. Поэтому я не пересел в Зволле, а остался в другой секции поезда. В Бейлене я вышел и попросил о помощи. Тамошний врач направил

Реве регулярно участвовал в программе «Из Бельвию», выступая с чтением своих произведений). 13 июня 1966 Реве сделал рекламу работам своего друга, художника Франса Лодевейка Паннекука (см. «Митин журнал» № 66).

1 Срочное психиатрическое вмешательство.

меня в Ассен. Мне предложили выбрать между курсом отвыкания или сразу таблетками с резкой отменой алкоголя. Я выбрал последнее: теперь я знаю, как выглядит Ад. Никогда больше. Я хочу избавиться от этого, навсегда.

Ничего не присылай – я имею в виду, коньяк мне тут ни к чему. А лучше 1–2 гросса¹ пerryшек Perry & Co «Balance Spring pen» No 120 EF (extra fine points). Ты их закажи, их не везде сейчас найдешь.

С любовью ко всем вам от вашего Запойного, но всё же очень милого и славного Медведя Герарда.

*Отделение E, Госпиталь
Вильгельмина, Зейдерзингел 1, Ассен,
17 августа 1966*

Дорогой Ян,

Из-за того, что я в течение двух дней необыкновенно мало выпивал, у меня случился приступ абстиненции в поезде на Север. Благодаря этому я попал в эту больницу, где мне очень хорошо. Мне можно утром и вечером выходить на прогулку, в субботу и воскресенье на целый день домой, и потом каждую неделю на день по выбору к Вазалис (г-же д-ру Дроглевер Фор-

1 Двенадцать дюжин.

таюн-Ленманс¹), она живет в ± 30 км отсюда. Я добровольно отдался на 36-часовое лечение абстиненции, вместо прохождения трехнедельного курса отвыкания. Теперь я глотаю пилюли (растворимую версию) и намереваюсь совершенно отказаться от алкоголя, ибо он меня засасывает. Через пару месяцев посмотрим, как со мной и что, но так, как сейчас, дальше нельзя.

47

Как долго я должен буду пробыть здесь, не знаю, но предполагаю, что еще дней четырнадцать. В основном, я доволен. У меня отдельная палата, здесь никогда не шумят и за мной очень хорошо ухаживают. Врач-психиатр², под чьим командованием я нахожусь, прилагает много труда и порой сидит у моей постели до половины первого ночи, беседуя со мной. Человек с совершенно иной картиной мира, нежели моя, но не набитый дурак. По его мнению, всё биологически и физически предопределено – а он не материалист – тогда как, по-моему, всё предопределено мистически и религиозно. Ракеты на Луну – внушительны и омерзительны, но в сущности ничего не значат. Разговаривать с кем-нибудь – всегда лучше, нежели совершенно ни с кем не иметь ни единого контакта. Кроме того, у него осмортительное и всё же довольно развитое чувство юмора. (Выражая настойчивое желание

1 М. Vasalis (Margaretha Droogleever Fortuyn-Leenmans) (1909–1998) – психиатр и поэтесса.

2 Д-р Ленстра (прим. Реве).

иметь свободу передвижения, я привел ему пример Ван Гога, – тому доктор в психушке тоже разрешал ежедневные вылазки, чтобы рисовать; он рассмеялся.)

Посылать спиртное не имеет смысла, как ты понял. Надеюсь, у тебя был целительный отпуск. С любовью ко всем вам от вашего Сидящего в клетке Певца

48

Герарда.

[Сентябрь 1966]

*Греонтерп, Пост Аудега Веймбритсерадел
(Фрисландия)*

Дорогой Ян,

Сердечное спасибо за скорую отправку рецептов. (Я с некоторого времени завел себе календарный штампель.)

С моим рассудком всё хорошо, но руки и ноги подчас не слушаются. Прежде всего, ноги, – когда поднимаюсь по лестницам, они порой подкашиваются. Руки иногда трясутся, так что приходится быть осторожным с кофе. Как ты думаешь, у меня в нервной системе какие-то необратимые повреждения? Если это так, то я с этим смирюсь, ибо моя работоспособность, умственная энергия и талант не затронуты, и я, вероятно, за это последнее предупреждение должен заплатить по всем векселям.

Есть у тебя идея? Готовы две энцефалограммы. Первая показала отклонения, но нормальной энцефалограммы ни у кого не бывает. Доктор уверяет меня, что эти отклонения связаны исключительно со злоупотреблением алкоголем.

Воздержание мне нравится. Чувствую, что словно заново родился. И ничуть меня не волнует, что другие пьют. (Дома всем наливаю от души, кто чего хочет). 49

Как ты полагаешь, плавать – это полезно?
С любовью ко всем вам от Тигры и
Герарда.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фрисл.),
2 октября 1966*

Дорогой Ян,

Большое спасибо за письмо и рецепт. В середине прошлой недели почти с часу на час стала проходить дрожь, тряска, головная боль и головокружение, так что всё еще чувствую себя возрожденным.

Я по-прежнему не пью, но таблетку принимаю не всегда, ибо не требуется – глотаю ее только когда предвидится нечто сулящее возможный соблазн. Воздержание дается без труда, и мне хочется продолжать так и дальше.

Возможно, моя мания преследования и другие страхи были связаны со злоупотреблением алкоголем.

У меня теперь остается много денег. Из того, что я заказывал, примерно $\frac{3}{4}$ выливалось в мою собственную глотку, это я такой вывод сделал сейчас.

50 Теперь залезаю в койку. Я сегодня очень плотно поработал над переводом спектакля¹ и здорово продвинулся. С любовью ко всем вам от Тигры и Герарда.

(Второпях)
Амстердам, 24 октября 1966
Дюббелмондехоф 2 II

Дорогой Ян,

Ожидаем вас, как вы знаете, вечером в день вынесения приговора² (четверг 3 ноября) здесь, на Эйнваудиге Инстёйф.

1 Пьеса английского драматурга Чарлза Дайера (Charles Dyer, 1928) «The Staircase» («Лестница») была поставлена Нидерландской Комедией в 1967 г. под названием «De Trap». Нидерландская версия спектакля была напечатана в изд-ве «Вен» («Veep») в 1989 под названием, которое предпочел Реве: «Стричь и брить» («Knippen en scheren»). См. прил. 7.

2 3 ноября 1966 Реве предстояло вести свою защиту в суде Амстердама по делу т. н. «Ослиного процесса»

Разумеется, это наглая попытка, но в другой день мне было бы трудно что-либо организовать.

С любовью от Тигры и
Герарда.

P. S. По-прежнему сухой закон.

51

*Амстердам, 2 декабря 1966
Дюббелмондехоф 2 II*

Дорогой Ян,

Спасибо за письмо. Мы остаемся в Амстердаме до полудня среды, потом возвращаемся, так что, если будешь разъезжать по округе, загляни к нам на пару чашек крепкого кофе.

Мне кажется, это разумно – оставаться дома и расслабляться, если возможно. В последнее время у меня складывается впечатление, что практически все напряжены, устали, раздражены и нередко их посещает Меланхолия. У Тигры всё в порядке, у меня тоже. Алкоголь утратил для меня свое очарование, да и не по вкусу он мне больше, убеждаюсь в те

(обвинение Реве в «поношении и богохульстве»). Суд объявил, что имело место богохульство, но не поношение, и освободил Реве от дальнейшего судебного преследования (см. «Митин журнал» № 66). Как Реве, так и прокурор подали кассационную жалобу.

редкие моменты, когда прикладываюсь. Перед свадьбами или вечеринками всё так же принимаю таблетку. Многие над этими пилюлями издеваются, но они вытащили из ямы неисчислимое количество народу. Теперь я вспомнил, но у меня не так много их осталось – можно мне еще рецепт на рефьюзал (без определенной даты)? Вкладываю конверт – сэкономит писанину, поиски адреса и т. д.

Погода не оправдывает ожиданий. Хочется, чтобы этот дурацкий вой ветра прекратился наконец.

Теперь иду покупать кучу безвкусного стекла (стаканы для виски с этикетками различных марок) – в огромном дворце самообслуживания «Альберта Хейна», где гномики распахивают перед тобой дверь и играет тихая музыка.

С любовью ко всем вам, твой
Герард.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел (Фр.), 22 апреля 1967
Дюббелмондехоф 2 II*

Дорогой Ян,

Через пару недель, как только закончу некое задание¹, буду опять писать определенное ко-

¹ Вероятно, «Четырнадцать офортов Франса Лодевейка Паннекука: разъяснение для рабочих Герарда Корнелиса ван хет Реве» («Митин журнал» № 66).

личество писем и обстоятельно поведаю тебе о жизни художника-созидателя. Я не соблюдаю сухой закон, но можжевеловой или какого-либо иного крепкого со времен делирия не употребляю. Остаюсь при одной-двух бутылочках красного в день, что, возможно, и многовато, но мне от этого очень хорошо. В данный момент я, впервые за месяцев восемь, начал безалкогольный курс на фруктах и простокваше. Был бы весьма признателен тебе за рецепт на 120 этих твоих бенз.-ал./люм.-пилюль. (Без даты. У меня есть календарный штампель). Ты знаешь, что я их в высшей степени редко принимаю, самое большее раз-два в год.

53

Далее, хотел бы с тобой посоветоваться по поводу незначительного наружного геморроидального узла, – он не больше зернышка и почти не досаждаёт, но и не исчезает уже месяца три-четыре, так что, боюсь, без хирургического вмешательства так он и останется. Он не может быть вызван любовными сношениями, ибо знаю, что за последние семь-восемь лет никому не предоставлял доступа к моему Тайному Отверстию. Диета у меня также здоровая, с большими отходами, так что, полагаю, причиной его является нервность и напряжение. Существуют ли какие-либо свечи или мази, более сильно и быстро действующие, нежели обычные (которые не способствуют исчезновению узла) и общеупотребительные? Пусть

даже болезненные: *pour un plaisir, mille douleurs*¹.

У нас тут было несколько приятных днейков, но, в основном, стоит собачий холод, потому что ветер никак не уляжется.

«Летний Дворец» Тигры почти готов, и садик вокруг него по большей части возделан и засажен.

54 Летом или осенью приступлю к книге, которая сделает все остальные книги излишними. Беспокойство, сопряженное с подобным начинанием, уже сдает меня.

С любовью от Тигры и меня ко всем вам.
Твой

Герард.

Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия
4 сентября 1967. Телефон ***

Дорогой Ян,

Не мог бы ты во вторник 17 октября с. г. найти себе за мой счет подмену и поприсутствовать на заседании суда (дело о богохульстве, касационная жалоба)? Оно начинается в 10:40, и может – с перерывами – продлиться часов до 3 дня. Я чувствую себя усталым, весь на не-

1 За наслаждение – миллион терзаний (фр.).

рвах, и твое присутствие, с набитой сумкой, меня очень бы поддержало, а ты, может быть, еще и поразвлечешься¹. (Я могу позаботиться о пропусках для некоторого ограниченного, но основательного количества людей.)

Надеюсь, что у вас был целительный отпуск. Наверняка стояла страшная жара, но если по ночам делалось прохладно, это, должно быть, было приятно. Что касается меня, телесно я в полном порядке, но всё еще очень тяжело в духовном отношении. Тигра относится с большим пониманием и терпением, он – великое утешение в жизни. Знаешь, что я замечаю: что приступам страха способствует Алкоголь, но причинно они напрямую не связаны. И всё же сейчас всё лучше и разумнее организовано, чем раньше. Клянусь хлоралгидратом, что мне сейчас лучше чем когда-либо. Либриум² для меня бессмысленен – даже если я не забываю о предосторожности, согласно которой требуется абсолютное воздержание от алкоголя – и название кажется мне довольно странным для лекарства, от которого у меня кружится голова. (Ты можешь узнать, что означала та ассенская башкограмма?)

В четверг приезжаю в Амстердам, и хотел бы нанести визит вежливости. Думаю,

1 Реве предстояло самому вести свою защиту на этом процессе.

2 Хоралгидрат и либриум – снотворные и седативные средства.

что страдаю от обычного серьезного невроза и нервного истощения. Утром, впервые за несколько недель, позвонил мой отец, и тут же мы с ним разругались. Тебе много сквозь чего приходится пробиваться, больше чем мне, но ты психически не так быстро заболеваешь и оправляешься от этого благодаря телесному изнеможению, что, разумеется, куда здоровей.

Не существует более форм, которые могут даровать всецелое утешение своею красотой. Католицизм – лучше, чем ничего, но всё же сделался весьма тонким и трезвым. Всё, что меня интересовало: мариология, мистика, песня и танец, заменено на работу с молодежью и укулеле [...] (Был бы я папой, Домашним Животным тоже можно было бы в церковь.)

Помоги мне запомнить, что я прошу о рецептах (без даты) на хлоралгидрат (ты находишь, что ± 1000 cc [литр] в месяц оправдано? Я – да) и на две ампулы сомнибарба. Я их еще не использовал, но хотел бы иметь две в резерве, или одну хотя бы, потому что я, терзаемый страхами, не решался их использовать, боясь, что останусь ни с чем.

С любовью ко всем вам, ваш писатель
и гражданин

Герард Реве.

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия
11 октября 1967, 7:25 утра*

Дорогой Ян,

У меня всё в порядке, но ты вот вчера говорил о чем-то вроде «ухудшения, психического»¹. Я вечно занят своим геморроем, прыщами, желваками, нервными припадками и триппером, и у меня чересчур магическое мышление¹ для того, чтобы даже представить себе, что ты можешь заболеть, не говоря уже о депрессии. Я, конечно, прошел через иные горести, и если тебя утешит, можешь со мной говорить о чем хочешь, – я всегда к твоим услугам, в любой день и в любой час.

57

Я подозреваю, однако, что ты со своими эмоциональными проблемами обращаешься пусть не с грубым или дешевым, а, возможно, чуть слишком рациональным оптимизмом. Как тебе нравится такая фраза, вдруг.

Ну же, крепись. Ночной отдых, ешь в свое удовольствие, простая, романтическая музыка, и веди Дневник. Любить – означает страдать.

¹ Магическое мышление – характерная для примитивных ступеней развития человека и общества вера во всемогущество мыслей. Суть магического мышления состоит в убеждении, что мысли всемогущи и способны сами по себе менять физическую реальность.

С любовью, второпях, ибо почтальон может прийти в любой момент. А он забирает почту раз в день. Твой

Герард.

Дюббелмондехоф 2 II, Амстердам 18

30 октября 1967

58

Дорогой Ян,

Прилагаю суждение консультационного бюро. Думаю, что мы на сем и удовлетворимся. У меня всё еще повышенная (36,3–37,6) температура, но это может быть из-за напряжения. Кроме того, я в последние дни постепенно начинаю чувствовать себя бодрее и менее усталым. Наверно, это был депрессивный период плюс какая-нибудь легкая вирусная инфекция, вроде гриппа.

Ночью у меня вдруг оформилась идея относительно приговора, который, D. V., будет вынесен завтра¹: думаю, что Суд меня приговорит на основании «Письма в мой банк», но в отношении пассажира из «Ближе к Тебе» оправдает. Суд укажет на то, что пассаж в «Диалоге» не очень органично проистекает из остального текста, в отличие от «Ближе к Тебе»,

¹ Верховный суд Амстердама 31 октября 1967 г. объявил, что поставленное в вину не доказано, и освободил Реве от судебного преследования.

а в приговоре прозвучит, что имеется различие в том, принадлежит ли текст целиком книге или напечатан в газете как совершенно отдельное, независимое высказывание. Не знаю, как я пришел к этому предвидению, но завтра посмотрим. В любом случае, таким образом будет максимальный шанс на кассацию для обеих сторон. Мне страшно любопытно.

С любовью от нас к вам всем, ваш
Герард.

59

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 14 ноября 1967*

Дорогой Ян,

Пишу тебе, поскольку немного беспокоюсь, как твои дела. На празднике по поводу моего оправдательного приговора ты показался мне глубоко подавленным, хотя с виду был весел и общителен. Я тебе позвонил, ибо сегодня ночью приснился мне сон, который, возможно, как-то связан с тобой, и был он неблагоприятный. В нем присутствовал врач лет шестидесяти–семидесяти. (Возможно, мой психиатр двадцатилетней давности, д-р С. Й. Схюрман¹, которому я очень благодарен.) В любом случае я рад, что ты жив.

¹ Д-р С. J. Schuurman (1898–1979) – врач-бактериолог, с 1939 г. психиатр, наблюдал Реве с конца 1945 г.

Мы должны многое обсудить. Думаю, что нам обоим это будет на пользу. Мы оба страдаем от одной болезни: формально мы признаем мир чувств, но не можем отдать-ся ему без разрешения разума. Я расскажу тебе о странных событиях – весьма чувст-венных, но и очень печальных – подтвержда-ющих то, что я, глубоко в себе, всегда знал:
60 истинную нехватку, невзирая на все благие намерения, человеческой любви. (Без милос-ти Господней мы были бы навеки потеряны.)
Ладно.

С Тигрой и его учебой всё хорошо. Что же касается меня: телесно у меня всё в порядке, в этом я уверен. Спокоен, ровен, не работаю как безумный, это верное средство. (И уме-ренно искать совета у бутылки). О твоих ли-тературных идеях тоже можем поговорить. В них что-то есть.

Я постоянно собираюсь приступить к боль-шой книге. Но социальная жизнь (ежедневно пол в коридоре завален письмами¹, и на не-которые ответить *необходимо*) требует массу энергии. С любовью к вам всем, твой
Герард.

1 Многие дома и квартиры в Голландии не имеют поч-товых ящиков, и почту просовывают в специаль-ную щель в двери.

Дорогой Ян,

Завтра, в четверг, я снова в Амстердаме, до Ночной Мессы включительно – в 2 ночи в первый день Рождества в Церкви Арона и Моисея, после сего мы с Лондонским другом П. отбываем в Р., переночевать у Покровителя Q.¹ До того я в твоём распоряжении. Скоро узнаю у Тигры, договорился ли он с кем-нибудь.

61

Ты можешь выписать мне еще два рецепта без даты? Один на хлоралгидрат, а второй на две ампулы? Тигра велел мне их использовать в мой день рождения, когда, по стечению обстоятельств, более-менее против моей воли, на другом дне рождения я выпил много вина и Виллем предстоящий вечер видел в мрачном свете из-за моего раздраженного настроения.

Теперь отправляю это письмо, чтобы ушло с дневной почтой. С любовью ко всем вам от твоего

Герарда.

1 Ludo Pieters (1921–2008) – «красный» (т. е. с придерживавшийся социалистических взглядов) «портовый барон», владелец доков и один из значительнейших меценатов и любителей искусства в Роттердаме, друг и покровитель Герарда Реве. Жил в деревушке Рон (Rhoon) в окрестностях Роттердама, где Реве был нередким гостем. Реве зашифровал его инициалом Q, не желая, чтобы стало известно, от кого время от времени получал деньги.

Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 17 февраля 1967

Дорогой Ян,

62 От всей души желаю тебе оздоровительного отпуска. А в остальном – знай, ты здесь всегда желанный гость. И для полной ясности добавляю: если уж так вышло, привози с собой кого хочешь.

Я обосновался тут со вчерашнего дня. Надеюсь, на четыре недели безвыездно. Я на грани срыва. Совету, который ты мне дал три-четыре месяца назад, мне надо было бы последовать раньше, но я попытался выполнить все текущие ангажементы¹, и, кроме одного–двух, мне это удалось.

Я по-прежнему пью только вино, и только вечером. Возможно, мне оно помогает – во всяком случае я от него хорошо сплю. Я и не знал, что можно сделаться таким усталым, нервным и чрезмерно чувствительным; иногда у меня в буквальном смысле подкашиваются колени. Я изо всех сил старался не давать волю своему холерическому темпераменту по отношению к Тигре, и это более-менее удалось. Жизнь с Реве, сам понимаешь.

1 Лекции по всей Голландии.

Спасибо за рецепт. Я порой целыми днями не прибегаю к этому средству, но иметь его под рукой – благо, всем бы посоветовал.

Зажги где-нибудь в церкви свечу для Лучезарной и Благословенной Девы, Которая всё знает и всё понимает: Мать Господа и всех нас. Купи из тех, что по гульдену – ты ведь неплохо зарабатываешь.

С любовью ко всем вам, ваш l'Auteur Soleil 63
Герард.

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 16 апреля 1968*

Дорогие Ян и Лен,

Прилагаю неслабую книжицу¹, которая отыщет путь в многочисленные гостинные.

Пасхальные дни, по нашему общему мнению, были очень приятными, и надеюсь, что и для вас они оказались некоторым отдыхом и развлечением. Жаль, что постель Яна была жестковата. У нас полно матрасов и других мягких вещей, так что в следующий раз мы сможем устроить постель лучше.

Я не хотел вчера надоедать тебе с рецептами, чтобы ты на целый день отрешился. У меня опять чесотка, несильная, и если я не скребусь,

¹ Ян Феккес, «Господь твоей тетушки, или Ослиный процесс Герарда Корнелиса ван хет Реве».

она не особо распространяется. Можешь мне что-нибудь прописать? Можно что покрепче, я ведь мажусь только в некоторых местах, так что лечение всего тела излишне. Выпиши мне без даты: у меня есть календарный штемпель.

64 А больше меня ничто не беспокоит, кроме убийственной Меланхолии. Если тебе известно средство, с помощью которого можно покинуть собственное тело и начать понимать язык Зверей, порекомендуй.

С любовью, от Виллема тоже. Твой
Герард.

*Гарвич, 13 июня 1968
На борту «Королевы Беатрикс»*

Мы вновь возвращаемся домой с весьма благотворных каникул, коим благоприятствовала чрезвычайно хорошая погода – мы провели десять дней у Лондонского друга П., в его поместье в Эссексе. Оно столь удалено от проезжих дорог, что не слышно ничего, кроме птиц и гула насекомых. К подобной ошеломительной тишине нужно привыкать. На второй день меня вдруг одолела такая усталость, что я забрался в половине четвертого дня в постель и лишь в половине десятого следующего утра восстал. Мне всё яснее становится, что я как можно меньше должен заниматься общественными делами и пытаться каждый

час отдавать работе. Так называемые прогрессивные идеи просвещенной молодежи преисполняют меня отвращением, и писанину так называемых мальчигов (за исключением некоторых почти тринадцатилетних) я читать не могу. Я – самый обычный романтический автор, рассматривающий Любовь, Страдание и Жертвенность как самостоятельные, независимые величины, а не как отвлеченные вибрации надстроечной Материи, согласно Теуну де Вризу¹. В сущности, совершенно удивительно, что рядом со мной в Нидерландах в этом смысле совершенно никого поставить невозможно, кроме Херманса, который, странное дело, совершенно не желает быть романтиком и отвергает всё, что не может быть рассмотрено или описано подобающим образом, и который, кроме всего прочего, неуважительно обо мне пишет². Мне очень любопытно, будет ли развиваться его работа или сделается еще более трезвой, как «Никогда больше не спать», через которую я продирался с трудом. Пунктуальное перечисление всех возможных неудач еще не означает искусство. Я могу в десять раз больше прочесть таких злоключений и несчаст-

1 Theunis Uilke (Theun) de Vries (1907–2005) – нидерландский и фризский писатель, известный в основном своими историческими и социальными романами.

2 Под псевдонимом «Анастас Прюдом С. Й.» Херманс совершил выпад на Реве в связи с его вступлением в Р.-К. церковь («Холандс Мандблад», «Подальше от меня» (август/сентябрь 1966)). См. прил. 8.

тий, если только чтение это увлекает, трогает и захватывает.

Надеюсь, что у вас всё хорошо. В целом у меня нет причин жаловаться. Что я осознал, так это то, что мне необходима физическая нагрузка. В Греонтерпе я еще какие-то кирпичи кладу, в Амстердаме плотничаю. Наши розы во Фрисландии в отличном состоянии, скоро зацветут.

Не понимаю симпатии к демонстрациям и строительству баррикад, прежде всего, когда эти движения не имеют определенной программы. Ведь это же абсурд, полагать, что скучноватое – согласен – развивающееся капиталистическое процветающее государство всеобщего благосостояния можно заменить на что-то иное, лучшее путем лишь какого-то хулиганства. Скучно наше общество, это точно, без публичных судов, как в Шанхае и Гаване. Я считаю, что эти провоцирующие беспорядки движения по сути своей на редкость непрогрессивны, – они примитивно-демократические. Кстати, не понимаю, почему всё это меня так занимает. (Я слышал нечто вроде того, что группа левацкой черни отняла и сожгла газеты у рассыльного «Пароля», по подстрекательству *Propria Cures*. Пугает и то, что *Propria Cures* защищает так называемые процессы и публичные экзекуции на Кубе и в Китае. У меня в некоторой степени чувство: сегодня «Пароль», завтра – мои книги.¹

1 См. прил. 9.

Возможно, я становлюсь параноиком.) Я, вероятно, еще на пару дней задержусь в Амстердаме и проведу несколько часов в зоосаду, который, как ты знаешь, дарует огромное утешение и покой.

Я хотел бы, чтобы жизнь моя была по возможности более простой, почти без разъездов. С любовью от Тигра-Тигра и Герарда Реве, известного на радио и телевидении.

67

Герард Реве.

P. S. Моя правая рука уже лучше, только немного нечувствительна.

«Le seul moyen de ne pas être malheureux c'est de s'enfermer dans l'art et compter pour rien tout le reste» (Flaubert)¹.

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 25 января 1969*

Дорогой Ян,

Надеюсь, у тебя всё хорошо, и неприятности со стариком-отцом ты немножко сумел уладить. Тут всё более-менее в порядке, хотя

¹ «Навсегда уйти в искусство и презирать все остальное – вот единственное средство не быть несчастным» (Флобер) (фр.). Возможно, Реве позаимствовал это высказывание из сочинения Марцела Эмантса «Слова», опубликованного в «Тираде» в ноябре/декабре 1966. Marcellus Emants (1848–1923) – романист, представитель нидерландского натурализма.

я по-прежнему возбужден и измучен. С конца января по конец февраля некоторые из моих планет стоят в неслыханно прекрасных аспектах, предвещая прежде редко даруемую способность писать. Я собираюсь этим воспользоваться и по возможности целиком погрузиться в работу.

68 По-прежнему не пью. Порой пробую, но всякий раз эффект скверный: вчера ½ бутылки, и чувствую себя ужасно. Теперь совсем воздерживаюсь, и, если предвижу, что придется бороться с желанием, не долго думая принимаю пилюлю. Алкоголь всё только ухудшает, и нельзя забывать о том, что любые спиртные напитки у меня прямо-таки ассоциируются с печальными, неудачными, исполненными чувства вины или деструктивными состояниями. Да, тихим теплым летним вечером, под цветными бумажными фонариками в компании истинных друзей пить хорошее вино, празднуя что-нибудь, но когда и где можно еще сидеть в саду тихими летними вечерами?

Мне нужно будет с тобой вскорости проконсультироваться по очень серьезному делу. Я намереваюсь зайти в среду, в приемные часы или после них, чтобы получить у тебя совет. Это касается того человека с *меланомой*¹. Да-да, представь: его глаз (зрячий) теперь ослеп, и его уже десять дней кряду тошнит (что-то

1 См. прил. 10.

с желчью, говорят), но ему продолжают облупать метастазы в паху! Предположим, что этот человек попросит оказать ему последнюю и крайнюю услугу, как я смогу это сделать? Можно ли что-то прописать, так, чтобы подозрений не возникло; я поставил бы ему на тумбочку в бутылке из-под тоника, или сам бы дал? Я больше не надеюсь на беседу с хирургом, или всё же попытаться?

69

Я не боюсь, что меня зацепят, но ни в коем случае не хотел бы втянуть кого-то другого в ненужную передрагу. Да и дело нелегальное: закон этого никогда не разрешит, но совести в определенный момент приходится вступать в противоречие с законом.

Он с изумлением упомянул о том, что «вокруг его постели всегда столько врачей стоят». Определенно, его должны продержат живым как можно дольше для чьей-нибудь диссертации.

В те полгода, когда я ухаживал за пациентами в лондонском The National Hospital For Nervous Diseases (неврологическая клиника)¹, мы приближали конец пациентов с метастазами тем, что вместо жидкой пищи (яйца, молоко, соки) давали только воду и соляной раствор, но записывали, что яйца и пр. мы им даем. Я очень принципиальный человек, мыслящий понятиями абсолюта: хочу иметь во всем твердую точку зрения, и чувствую се-

1 Ок. 1956 г.

бя вовлеченным во всё, и должен действовать. Но я сошлюсь на твое суждение и не желаю знать лучше, нежели ты. Это также что-то, чему я должен учиться: принимать чужое мнение.

70 Бог очень далеко, я полагаю. (Истинно Ты Бог сокровенный¹.) Я – очень грешный и совсем пропащий человек. С любовью и пожеланиями мужества, твой преданный
Герард.

*В ателье «Pati Et Contemni Ao Di 1968»²
Дом «Трава», Греонтерп, 25 февраля 1969*

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое терпение и усердие. Буря снова немного улеглась. С алкоголем вышеупомянутое имеет мало общего, думается мне: я просто не вполне в своем уме, и хватит об этом.

Прилагаю скромную книженцию – для чтения в алюминиевом брюхе летучей птицы.

1 Исаия 45: 15.

2 Страдать и быть презираемым от Рождества Христова 1968 (*лат.*) – девиз испанского поэта, христианского мистика, католического святого и учителя церкви Св. Хуана де ла Крус (1542–1591), начертанный Реве на фасаде дома «Трава» (см. «Brieven aan Bernard Sijtsma», 4 mei 1969).

Паральдегид¹, конечно, средство основательное, я вчера вечером заметил. В Верте лимбургском как-то привели мы в кафе лошадь и дали ей ведро воды с этим самым паральдегидом. Лошадь тут же свалилась спать, поломав при этом два столика. Полиция кафе закрыла. Карнавал. Незатейливая католическая радость. Жизнь – это то, что ты сам из нее делаешь!

71

Невзирая ни на что, я пребываю в хорошем настроении. Пришли мне открытку с Ослом: постепенно это переросло в традицию.

Мне, по сути дела, надо бы на подольше в отпуск – месяц или шесть–семь недель – в одиночку или почти; собирать валежник для камина, рано ложиться, самому готовить, и т. д. и т. д. Но вот вопрос: можем ли мы, невротики, когда-нибудь по-настоящему расслабиться? И всё же нам обоим становится всё лучше, по сравнению с тем, что было – психически; мне кажется, мы оба делаем успехи. Мы выкарабкаемся, я верю, хотя бы кое-как.

Мои очки для чтения меня устраивают.
С любовью, Тигр и
Герард.

1 Паральдегид – органическое соединение, бесцветная жидкость, растворимая в воде и органических растворителях. В фармакологии применяется как успокоительное, противосудорожное средство.

Дорогой Ян,

72

Наш рейс прошел довольно благополучно. Мы поочередно то жили в палатке, то останавливались в роскошных городских отелях (*Pousades* по-португальски, *paradores* по-испански), которые за весьма умеренную плату предоставляют невероятный комфорт. (Номер в 50 м² с ванной и туалетом, кипятилок, ежедневно свежие махровые коврики и т. д., за 15 гульденов, и со всей той едой и питьем, которые проходили через наши глотки, в целом, считая комнату, 50 гульденов.) Отличная система путешествий. Я вдоволь наглотался хлоралгидрата, ибо еще несколько раз нападал на меня Дьявол. Работает не покладая рук. Но у меня появились многочисленные хорошие идеи касательно моей работы, попытаюсь их воплотить.

Я охотно прочту твою диссертацию³, – на предмет знаков препинания, если ты думаешь, что я смогу заметить что-то, что ты пропустил. И не стесняйся, чепуха какая, что ты должен платить за издание – если только небольшую гарантийную сумму. Ван Орскот тебе что-нибудь путное посоветовал?

1 Парадор – испанское слово для отеля марки «люкс», обычно расположенное в каком-либо историческом здании (монастырь, замок и т.п.).

2 Oropesa del Mar – муниципалитет в Валенсии.

3 «Рабочая структура проституции».

Мы, возможно, будем тратиться больше на путешествия и тишину. В тот замок можно хоть год напролет, и там всегда будет красиво. Я уже вступил в Осень моей жизни. Но секретной Травки против меланхолии, конечно, не существует.

Испания обладает великой культурой, но и тут постепенно отравляют жизнь высокие рекламные щиты, закрывающие вид, жуткие телевидение в каждом кафе. «Le seul moyen de ne pas être malheureux c'est de s'enfermer dans l'art et compter pour rien tout le reste». Так сказал Флобер, и это верно. Но самому ему эта мудрость счастья так и не принесла. Корпел над каждым абзацем по 2½ недели, еще хуже, чем я.

Что-то мы много едим. Придется мне в Нидерландах несколько недель посидеть на простокваше и фруктах. А теперь ложусь спать. С любовью от Виллема и Герарда.

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 3 июня 1969*

Дорогой Ян,

Возвращаю твою рукопись. Я там в ней кое-что поправил, но, как видишь, не слишком много. Это очень интересно, то, о чем ты пишешь,

но пишешь ты ужасно небрежно. Возможно, твоя мысль опережает темп письма. Пары недостатков ты, на мой взгляд, можешь легко избежать. Ты пренебрегаешь формами глагола и частенько глагол единственного числа связываешь с существительным множественного числа и наоборот. Но самые важные недостатки – неясная связь между частями предложения: отсутствие сочинительных союзов, точки с запятой там, где они необходимы, вставные конструкции не выделяешь с помощью тире и т. д. Постарайся их избегать. Это не страшно, ибо содержание компенсирует всё, но ты должен давать себе передышку и пересматривать и заменять *одно* предложение на *другое*, прежде чем окончательно его записать.

А в целом, по-моему, не нужно тебе тревожиться. Работай себе спокойно и не мучайся ненужными сомнениями.

С любовью ко всем вам,
Тигр и
Герард.

Дом «*Pati Et Contemni*»,
26 сентября 1969
Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия

Дорогой Ян,

Я рад, что у тебя с Ван Орсхотом выходит толк¹. Он – по сути своей честный человек, но не деловой, старающийся всё держать в тумане, но, прежде всего, желающий за-получить тебя в свой штат придворных (он Лев). Если позволить ему это патриархальное отцовство, то скандал вспыхнет не сразу, но подчас я сыт по горло. Подталкивай его потихоньку к контракту и советуйся со мной.

75

Тигру сделали последний укол. Я предпочел бы, чтобы эта хворь была у меня, а не у него, ибо практически всякий блистательный предшественник ею переболел (Гейне, Бодлер и т. д.)².

С любовью от Тигра и твоего
Герарда.

1 Сначала диссертацию Гротхёйзе намеревался издавать Г. А. ван Орсхот, но в конечном итоге она вышла в издательстве «Ван Лонгум Слатерус».

2 Гейне, Бодлер, а также Ницше и Мопассан болели сифилисом.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел, Фрисландия,
4 марта 1670¹*

Дорогой Ян,

76 Я в совершенном восхищении от твоей книги. Знай, что я как раз собирался написать тебе позавчера, но тут пришло твое письмо. Твою подавленность я очень хорошо понимаю. Я всегда чувствую себя самым жалким образом тогда, когда что-то, над чем я долго и напряженно работал, удалось свыше всяческих ожиданий. Движение, динамика, борьба, всё вдруг позади. Поддайся же хорошенько этому гадостному настроению, но не наполовину: заляг в постель дня на два-три, как раньше – и совершенно правильно – делали отцы новорожденных.

Можешь ты мне толком объяснить, что ты, по сути дела, хочешь, чтобы стояло на обложке: я имею в виду, в чем заключается существенное отличие твоей книги от всех остальных предшествующих исследований?

Если тебе совсем неважно, приезжай сюда, отдохни пару дней.

Как много ты пьешь? Если ты остаешься при вине и не употребляешь ничего крепко-

1 Реве датировал письма как вздумается, «поскольку я, что касается моих воззрений относительно Бога, Милосердия и т. д., принадлежу не к этому веку, а ко второй половине 17 века».

го, соблюдаешь полноценную и разнообразную диету и спишь достаточно, то не скоро сорвешься. В минувшую среду наблюдавшая меня социальная сотрудница из Бюро по проблемам Алкоголизма освободила меня от контроля, как исцелившегося. И в то же время у девушки самой имеются проблемы – не связанные с алкоголем – о которых она хотела бы поговорить со мной. Интересно, что ее тревожит? С виду – милая, чувственная девица. Бог или Любовь, одно из двух. Меня не проведешь.

Как много ты принимаешь хлоралгидрата? Это неподобающее средство, но при избыточном приеме вызывает сильное утомление и потому иногда и депрессию, хотя агрессивность оно подавляет.

Я бы округи не боялся. Они книги не поймут, а ты им нужен. Если ты написал о них в хвалебных выражениях, они тебя примут за полоумного мудилу. Ты пишешь, что проститутка есть проститутка, так оно и есть, именно это они и хотят услышать, потому что уровень интеллектуальный и духовный у них чересчур низок для того, подняться над расхожим мнением. Но я думаю, что не можешь ты продолжать выполнять эту работу всю жизнь, в этом районе, в этом городском дурдоме, и не околеть.

У нас тут дивная теплынь, поскольку по всему фасаду – двойное остекление. Мы только слышим, когда буря ревет. Мой новый рабочий кабинет теперь выкрашен и оклеен

обоями – стараниями Тигры и Хенка¹ – юноши, который у нас недавно лечился и исцелен моим возложением рук от астмы. Мы с ним тем временем поженились и теперь живем втроем. Я и не знал, что такое в жизни возможно. Всё – дневные задания, всё распределение нашей жизни – теперь протекает гораздо спокойнее и гармоничнее. Новый Мальчик потрясающе энергичен и старателен.

Я заказал себе восхитительный дубовый гроб², из древесины толщиной в 4 см, по классическому образцу 17 в. Он весит примерно 170 кг, и два человека с трудом могут его поднять. Соседи пугаются до смерти, когда заглядывают к нам. Зло само себя наказывает. В гробу потом будет лежать моя Урна. (Гроб слишком хорош, чтобы опускать его в землю.) Он мне обошелся в 682 гульдена, включая НДС. Тигр собирается изготовить урну; он уже смастерил несколько великолепных вещей³. Хенк получит наверху ателье, в котором будет писать картины. Я работаю над новой книгой о тычинках и пестиках, ибо надо подзаработать бабок.

Теперь отправляю письмо. С любовью, и приветы Лен и твоим милым деткам от твоего

Герарда.

1 В 1969 к Реве и Тигру присоединился Henk van Manen, Мышонок.

2 См. роман «Циркач», гл. 6.

3 «Мальчишки» увлекались гончарным делом.

*Греонтерп, Пост Аудега
Веймбритсерадел, Фрисландия,
19 марта 1970*

Дорогой Ян,

Сегодня-завтра отошлю тебе твою рукопись. 79
Прилагаю копию моего текста для обложки. Оригинал я отослал Клюверу¹. Может быть, тебе этот текст пригодится. Концовка замыслена для того, чтобы простимулировать похотливого читателя.

Тут у нас всё довольно хорошо. Ну, конечно, понять повод всегда найдется. На позапрошлой неделе меня выписали из Бюро по проблемам Алкоголизма, как «исцелившегося». Я, однако, чувствую себя усталым. Теперь приучаю себя засыпать без алкоголя или снотворных, и у меня уже получается.

Оба Мальчика взяли на себя массу работы и оказывают мне больше покровительства, чем было бы по силам одному. Это не дорого, поскольку Хенку подходит вся одежда Тигра.

Сегодня вечером у меня четвертый урок вождения. Машины, я имею в виду.

С любовью от всех нас. Твой
Герард.

1 Издательство Kluwer.

80 После ...летнего¹ исследования окружающей обстановки, в которой он осуществляет ежедневную практику, родившийся в ...² в Амстердаме амстердамский доктор ооо Гротхейзе³ представляет в новом свете захватывающую панораму проституции в большом городе – предмет, к которому до сегодняшнего дня столь редко подходили без предубеждений. Писатель не морализирует, но и ни в коем случае не высказывает обеляющего суждения, которое в большинстве случаев зиждется на романтизированном непонимании. Он глубоко проник в осознание неизбежности проституции, с каковой точки зрения выступает в защиту более честного и реалистичного отношения правительства – в интересах всех причастных, прежде всего детей проституток; наряду с этим он считает проституцию «отдачей собственного тела всем и каждому, открыто, за деньги»⁴ – находящейся в противоречии с существенными элементами женского характера, такие, как стремление к заботе и привязанности. Проституция, согласно Гротхейзе, это схема поведения, ко-

1 В аннотации вставлено: 15-летнего.

2 1922 г.

3 Й. В. Гротхейзе.

4 Цитата из книги Гротхейзе.

торую ни одна физически взрослая женщина не сможет выдержать в течение долгого времени без ущерба своей личности.

Вывод д-ра Гротхёйзе основывается на избытке странного, вызывающего сострадание, прихотливого и ужасающего, но увлекательно представленного фактического материала, который трогает и захватывает даже далекого от науки читателя.

81

*Греонтерп, Пост Аудега В.,
Фрисландия, 30 марта 1970*

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое письмо и посылку с лекарствами. Я тщательно следую предписаниям и принимаю одну таблетку в день. Они довольно хороши, ибо это не может быть самовнушением, что утром я просыпаюсь отдохнувшим, весь день чувствую себя в форме и, если захочу, могу читать и писать без очков. Настроение мое тоже улучшилось: чувствую гораздо меньше тревоги, не таким затравленным и куда менее раздражительным.

Я немного беспокоюсь за тебя. Глубокий, освежающий и длительный сон и регулярное, целесообразное питание представляются мне весьма важными. После защиты диссертации тебе надо бы отдохнуть полгода, а то и год.

Твои домашние проблемы я примерно представляю. Лен – невероятно расторопная, практичная и старательная, и весьма существенно тебя оберегает. Проблема в том, что мы – мужчины, я имею в виду – требуем от партнера, чтобы он обладал разнообразнейшими качествами. Невозможно быть одновременно заботливым и беспечным, романтическим и трезвым, тираном и самой кротостью, и т. д. И прежде всего: знаем ли мы, ты и я, в сущности, чего мы хотим и чего нет? Я полагаю, что мне хотелось бы постоянства и мелкобуржуазного, прочно обнесенного забором места жительства, чтобы по вечерам собираться у собственного камина за бокалом хорошего вина. Искусство теперь делается для меня страстным любительством, без больших амбиций и жажды славы. Слава не значит ничего. Чего я желаю: хорошая работа; любовь; деньги.

Вчера мы, несколько утомленные, вернулись из Германии, где я выступал в Дармштадте перед четырьмя десятками слушателей. Получил за это 500 марок, плюс 213,70 марок от культурного атташе – возмещение расходов на транспорт и проживание. Спал посредственно, даже плохо, и слишком много ел, да еще и жирного. Однако мы привезли отличного вина.

Мы работаем не покладая рук – обшиваем дом панелями, красим. Я занимаюсь подготовкой к астрологически уникально хорошему времени для сочинительства, весь ближайший май и июнь.

Попробуй оставаться при вине, а крепкое запрячь подальше. Когда пьешь вино, всегда можно ограничить и оттеснить Короля Алкоголя без медикаментов или посторонней помощи, – как бы далеко ни зашло дело. При употреблении крепких спиртных напитков это гораздо труднее – из-за возбуждающего толчка, который всегда дает первая рюмка. Вино определенно меньше поработает.

Дай знать о себе. Тебе всегда здесь рады. По большей части мы дома, но на всякий случай проверь, письменно или телеграммой. С любовью к вам всем, Хенк, Тигр и Герард.

*Дом «Трава», 11 мая 1670
Греонтерп, Пост Аудега В., Фрисландия*

Дорогой Ян,

Я чрезвычайно польщен тем, что ты избрал меня одним из пары нимф¹. Я до сих пор был им только раз, лет семнадцать–восемнадцать назад, а то и больше, на защите Виллема Фредерика Херманса².

1 2 июня 1970 г. в Утрехте Гротхёйзе защищал диссертацию доктора медицины, на которой Реве был одним из паранимфов (свидетелей).

2 В.Ф. Херманс защищал диссертацию в среду 6 июля 1955 по теме под названием «Описание и генезис

Мы бы очень хотели, чтобы ты, в количестве одной персоны или более, появился у нас где-то на Троицу. Проблем с ночевкой никаких, только привезите пару матрасов или спальников.

84 Не мог бы ты прихватить с собой хлоралгидрат в кристаллической форме? У Виллема есть аптечные весы, так что он сам сможет сделать раствор. Тогда у нас будет в запасе пара пузырьков. Клянусь, что никогда не буду использовать больше чем 2 грамма в день (60 кубиков в 1/30 раствора), а именно 1/3 от максимальной дневной дозы. Хенку хорошо помогают таблетки. Он отлично подготовился к экзамену, и теперь, наконец, у него появилась уверенность.

Мы обшили и покрасили половину дома. Ты будешь поражен.

В эти дни, конечно, в городе будет душно и тесно, а здесь – чисто и холодрыга. Теперь-то здесь просто великолепно, но по вечерам приходится топить.

С любовью от Хенка, Тигра и Герарда.

рыхлых отложений поверхности и рельефа в Услинге (Люксембургские Арденны)».

Дорогой Ян,

Большое спасибо за письмо, а также за рецепты, которые, хотя и были отправлены раньше, пришли днем позже, т. е. сегодня. Вчера утром я собирался написать тебе ответ – посему измененная дата вверху – но мне становилось всё грустнее, потому что я так мало знаю и так мало могу помочь тебе. С тобой не всё в порядке, и нам нужно что-то делать. Приступив к письму и поставив дату, я выпил бокал красного вина. Через час литровая бутылка опустела, и после двухчасового сна я к вечеру прикончил второй литр. Дурной день, стало быть, – теоретически, ибо я нынче никогда не выпиваю более $\frac{3}{4}$ бутылки в день, и время от времени, когда нависает угроза, на пару дней сажусь на таблетки. Но это очень особенное, чистое выдержанное красное вино из Южной Афри-

85

1 На обороте первого листа этого письма написано рукой Реве: «10. Ich bin so grosz als Gott, er ist als ich so klein:/er kann nicht über mich, ich unter ihm nicht sein» (Я, как господь, велик. Бог мал, что червь земной. Итак: я – не под ним. И он – не надо мной (*пер. Л. Гинзбурга*) – стих из книги «Херувимский странник» (*Cherubinischer Wandersmann*) польского католического священника, врача и религиозно-мистического поэта Ангелуса Силезиуса (Силезского Ангела, собств. имя Иоханнес Шефлер) *Angelus Silesius* (1624–1677).

ки, которое в течение часа способно уложить тебя на обе лопатки, хотя и не вызывающее похмелья. Так что я опять сижу и пишу тебе письмо, бодрый, в восемь утра без четверти. Вчера утром Мальчики уехали, чтобы затащить на чердак лишнюю мебель в доме матери Хенка в Венендале, а на следующий день они поедут в Амстердам за покупками. Вернутся сегодня вечером, к ужину. Я рассчитал, что к тому времени снова буду на сухом режиме. Мое пьянство Мальчикам удовольствия не доставляет, поскольку очень часто обращается в дурную сторону, и я обычно делаюсь несносен.

Я часто думаю о твоей ситуации. Сам посуди, мы с тобой примерно ровесники и переживаем примерно одинаковый климакс – и я имею в виду это слово в гораздо более широком смысле, нежели чисто биологическом. Это – поворот жизни, и тому, кто не в состоянии изменить курс, он выходит боком. Штука в том, что твоя работа не оставляет тебе возможности для здорового размышления. Притом что такая работа невыносима, ведь она ничему не способствует. Это письмо дается мне с трудом, но я теперь попробую с самого начала растолковать дело, как я его вижу.

Моя жизнь была невыносимо тяжелой, и такова она по-прежнему, но в последние шесть-семь лет я начал понимать, что неразрешимые проблемы нужно по крайней мере стараться упрощать, прояснять их, чтобы продолжать

существовать с ними. Моя любовная жизнь и любовные стремления, возможно, еще более запутаны и безумны, чем твои, но мне удалось упростить проблему и дойти до сути: от бисексуальности к гомосексуальности, которую я исповедую открыто, и от бессмысленного блядования к солидным гражданским узам брака с двумя мальчиками. В какой-то период жизни я выбрался из вечной бедности в скромный достаток; не имел ни кола ни двора – и вот владею 150 м² земли и домом плюс 15000 м² без дома; жизнь то в городе, то в селе сменил на исключительно сельскую. Мою неразрешимую религиозную проблему я перенес в римско-католическую церковь, не только потому, что она может предложить мне некоторое блаженство, но потому что всё, что люди, у которых чересчур много свободного времени, веками полагали безумием, у церковников аккуратно разложено по ящикам, коробкам и шкафам; слишком долго было бы самому со всем этим разбираться; великие вечные истины там почти идеально облечены в слова. Мое паническое, изматывающее бегство от Смерти я заменяю попыткой допустить Смерть в мою жизнь, интегрировать ее. Получится ли всё, пойдет ли правильно – нужно подождать, но пока что, похоже, что я не схожу с ума, и даже могу писать.

Твоя ситуация кажется мне весьма нечеткой и неясной. То, чего ты достиг в социальной области, происходя из обычных ни-

щербодов без какой-либо интеллектуальной традиции, граничит с невероятным. Но жизнь твоя не упрощается. Ты ловко разобрался с некоторыми материальными проблемами, как, например, с этой жалкой квартиркой и с завершением диссертации. Ты весьма практичен, но, что касается духовного, чего-то ты не признаешь, что-то отрицаешь, уклоняешься от чего-то, что требует признания. Ты хочешь быть свободным, как ты часто признавался. Но существует ли она, свобода?

Я как-то скверно излагаю свою мысль, но, возможно, сумел приблизиться к тому, что имею в виду. Ты чего-то хочешь, к чему-то стремишься, но к чему? Ты пятнадцать лет был погружен в среду продажной любви и собрал уникальный материал. Теперь тебе нужно удалиться из этой среды. Так же, как и психически зрелая женщина не может выдержать жизни проститутки, так же и ты, как психически зрелый человек, не сможешь выдержать ежедневного общения с эмоционально аморфными людьми, которые только и думают тебя объегорить, оклеветать и обокрасть, и, сдохни ты хоть сегодня, они и глазом не моргнут. Пятнадцать лет – это слишком много. Пусть другие помучаются, а ты поищи регулярную работу, в университете, в каком-нибудь консультационном бюро, в поликлинике. Пенсия, определенные рабочие часы и т. п. А в свободное время ты сможешь работать над своим пониманием отношений между мужчиной

и женщиной. Или над книгой мемуаров: «Милый доктор, не делайте мне больно!» «Доктор на задворках», «Вот вам радушный доктор» и т. д.

Однако и практический намек. Если тебе совсем станет невмоготу, сбегай сюда. Что касается твоего отпуска: по различным неприятным причинам этим летом не всё у нас протекает синхронно. Мы только в конце августа отправляемся во Францию, в начале сентября должны возвращаться из-за отложенной ранее защиты хенкова зятя-астронома и потому что мне в конце сентября вновь сдавать экзамен по вождению (возможно, я тебе писал уже, что предыдущий я в самый последний момент провалил). 3 и 4 июля у нас гостят сестра и зять Тигра, 5 и 6 июля – мой старик. С 8 или 9 по 13-е у нас – вышеуказанный астрономический диссертант с женой, сестрой Хенка, стало быть; чрезвычайно милая девица, которая очень мне нравится, но она еще больший невротик, нежели Хенк и я вместе взятые. (Астма и бессонница.) С 20 по 30 июля включительно мы принимаем Лондонского друга П. Если желаешь полного внимания, покоя и избежать риска постоянно наткаться на кого-нибудь, то самыми подходящими датами будут 14–19 июля. (Ты можешь 13 июля приехать с Тигром из Амстердама, но тогда останешься тут без собственного автомобиля.) То есть так, стало быть: подыщи на четырех-пять дней недешевого заместителя.

Всё всегда идет по-иному, и у нас выпадают многие из намеченных действий. Хотя я последние недели написал несколько прекрасных страниц, работа продвигается медленно.

90 У тебя гораздо больше проблем, нежели я затронул. Несчастье в том, что ты – врач, что означает примерно следующее: Сам Господь Бог. Над тобой более – никого, вот что я хочу сказать. Ты не можешь растрачивать свои беседы и свою магию на себя. Разумеется, ты можешь выйти из своей приемной и крикнуть конвейеру «следующий», и вернуться к себе, но потом тебе придется опять делать это самому. В средствах, которые ты прописываешь самому себе, отсутствуют успокаивающие слова и треп, которые совершенно незаменимы и без которых ни одно лекарство не подействует. Думаю, что всё, что я пишу – бессмысленное всезнайство, но, видишь ли, это «честная попытка войти в твое затруднительное положение».

Дай знать о себе. С любовью ко всем вам,
Тигр, Мышонок и
Серый Волк.

P. S. Хорошенько заботься о своем телесном здоровье. Питайся вовремя и основательно. Не забывай о витамине В.

Возможно, твой желудок барахлит из-за этих твоих антинаучных хлораловых смесей.

Дорогие Ян и Лен,

Большое спасибо за письмо и рецепт, который, к счастью, мне не нужен, поскольку тут я прибегаю к хлоралгидрату в исключительных случаях. Нам тут хорошо, и мы очень рассчитываем на окончательные теперь планы строительства. Племянник нашей соседки Жермен, довольно искусный каменщик-любитель, дал весьма дельный совет. Он убедил нас класть камень только на высоту 20–30 см над почвой, а потом использовать общепотребительные здесь готовые полые бетонные блоки. Если фундамент уложен прочно и по отвесу, то остальное строительство – сплошное удовольствие. Теперь, после того, как мы убрали 8 кубометров строительного хлама из одной комнаты развалин (из других помещений нам предстоит в целом выта-

91

1 «Les Chauvins», или «Укромные Владения» в горах Южной Франции (департамент Дром, между городками Веск и Дьёлефи), которому он позже дал название «Notre Reine» («Наша королева» (*фр.*). Вторую пристройку, появившуюся десятью годами позже, Реве назвал «Альбатрос» (заимствование из стихотворения Бодлера).

2 На обороте первого листа этого письма почерком Реве: «Заметки к Письму. Жаба, плюнувшая в ухо пенсионеру, балка, машинист. (Кто несет балку для другого или если несешь для себя, вместо щепки получаешь в свой и т. д. Бородатая змея.)

щить кубометров 50), оказалось, что стены – неповрежденные, примерно в метр толщиной и, за исключением одного места, повсюду возвышаются над землей где-то на четверть метра. Лучше не придумашь. Нам нужно будет только убрать землю, сорняки и пыль из испорченных пазов и всё снова основательно заделать. Полы уходят в каменное основание сантиметров на 30. К середине будущего года стены и крыша с трубой в одной комнате будут готовы, так что у нас будет временное укрытие размером в 3×4 метра. Похоже, что тут можно всё сделать бетонное, и половые балки и половицы. Пока один этаж еще не готов, мы используем пол первого этажа в качестве крыши. Я хочу попробовать построить все совершенно без письменного разрешения и без спроса: никогда не знаешь, на что нарвешься. Я же восстанавливаю существующий дом, а не новый строю. Не думаю, что кто-то станет брюзжать по этому поводу.

Когда мы очищали первую подлежащую восстановлению комнату, Хенк наткнулся на 45-сантиметровую змею. Я с отвращением убил тварь, поскольку испытываю чрезвычайный интерес к змеям. Согласно биологическому справочнику и соседям – я засунул змею в банку со спиртом – это гадюка, а возможно, если верить Виллему, то и (молодая) асписовая гадюка, чрезвычайно опасная. Мы закупили в аптеке две упаковки сыворотки *моментального действия*, ну, ты знаешь, од-

норазовый шприц для немедленного применения, готовый к употреблению и стерильно упакованный. Подкожно. Если принять меры, можно пережить даже укус большой гадюки, но вот один пастух, сделавший себе укол высоко в горах, добрался до долины и там упал без чувств. Для нас опасность быть укушенными невелика, поскольку мы расчищаем руины в прочной обуви и плотных рабочих рукавицах.

93

Что касается фауны, тут слышишь замечательные небылицы. Один «машинист», пенсионер, строил себе дом; он нес на плече деревянную балку. А на балке сидела жаба, и жаба эта плюнула ему в ухо. Машинист-пенсионер этого не пережил. У ближнего соседа одна коза из стада совершенно не давала молока, хотя не была ни больной, ни старой, ни порченной: сосцы были в порядке. За ней несколько дней следили, когда стадо поднималось в горы, и выяснили, что она каждый день внезапно исчезала на час-другой. Она ловко умудрялась удирать от соглядатаев – до тех пор, как в один прекрасный день некий чрезвычайно быстрогой и упорный человек, целый день бегавший за ней по пятам, не обнаружил, что коза скрывалась в большой пещере и отдавала там молоко гигантской бородатой змее, которая ее высасывала «до кровищи».

Так жаль, что через неделю мы должны возвращаться. Следующей весной сможем побыть здесь подольше. Главное – в течение это-

го сезона подготовить элементарное погодоустойчивое жилое помещение.

94 Смотришь на все эти сделай-сам постройки и расстраиваешься: совершенно мастерская работа, но простая, сказочно красивая ферма основательно испорчена: безобразная наружная штукатурка, безобразная черепица, безобразные двери, безобразные кровати, лампы, зеркальные шкафы, безобразные обои, а великолепные старинные платяные шкафы гниют в сарае, кухонной пристройке или в гараже. Повсюду одно и то же. Повсюду пекут хлеб, что правда, то правда, но и глупость всё та же повсюду царит, всё та же безвкусица, всё так же спускают с трудом накопленные сбережения на барахло, которое даже не настоящий, хорошо сделанный китч. И ничего не поделаешь, и ничего никогда не исправишь.

И хворости примерно одни и те же. У каменщика в доме лет двадцать пять живет парализованный отец, за которым преданно ухаживают мать и дочь. Скелет, обложенный подушками и одеялами, который уже не может говорить и сидит с раскрытым ртом. Последняя стадия рассеянного склероза, я думаю. Едва мы уселись на стулья, как вошел на костылях человек лет пятидесяти, в очках с матовыми стеклами; под подбородком, справа, отвислая мясная громадина, которой там быть не должно, по моему мнению – дарованный Природою придаток. Существо это, наполовину наощупь, наполовину при помощи остав-

шейся щелки в заросших глазах на косо поставленной голове отыскало на столе хлеб, сыр и ржавый нож, и стало, бормоча что-то, набивать рот. И всё же это не столь ужасно, как в городе: здесь для такого рода аномалий есть время и место – тут люди не особенно друг другу мешают, и никто не торопится.

Сейчас Мальчики заберут письмо в долину. С любовью, Тигр, Мышонок и Серый Волк
Герард.

95

Лондон, 12 октября 1670

Дорогой Ян,

Мы втроем дней на десять в Лондоне, половину времени в деревне, в усадьбе Лондонского друга П., остальное время в его лондонском доме. Хенк видит Англию впервые, очень взволнован и в восторге. У него легкий бронхит – совсем без температуры – а у Виллема немного болит горло (38°), но, благодаря неслыханно прекрасной, летней погоде – и вечером, и ночью – всё хорошо, поскольку мы вовремя ложимся спать, отдыхаем и наслаждаемся вкусной едой.

В конце месяца едем во Францию. Мы можем жить в заложенном доме, весьма любезное предложение владельца. Сверх того, мы уже выставили на дом цену, на которую пока никаких реакций. Очень дельное предложе-

ние, но люди там неторопливые, консервативные. Однако то, что мы можем пользоваться домом, уже весьма важно. Примерно неделю спустя я там останусь где-то до Рождества, с добрым запасом продуктов и предусмотрев технические удобства. Процесс ускорился: я уже хочу действительно уехать оттуда, и, после долгих раздумий, мы нашли пристойный компромисс. Я страшно рад, ибо три недели назад у меня случился сильнейший приступ помешательства, сначала в доме, а потом я выяснял отношения с задними (заднепроходными) соседями. Они вдруг жутко перепугались, поскольку я действительно и буквально более за себя не ручаюсь. Сразу же издевательства (пробуждение в 5:45 поутру под бешеный грохот mopеда) прекратились. До тебя было не дозвониться, но Виллем с Хенком и соседом Х. меня одолели и уложили инъекцией.

Отныне я хочу, чтобы ты был моим врачом в частном порядке. Сидеть на амстердамской страховке, в то время как я официально проживаю во Фрисландии, больше нельзя. Теперь у меня здешняя страховка, и врач больничной кассы – очень разумный, серьезный и немного меланхоличный человек, который меня хорошо понимает, не пытается веселить и воображения у него нет. Почти то, чего можно желать. У него собственная аптека, и он прописывает всё, что угодно, и сидит в правлении больничной кассы. Не такой хороший, как ты, но что поделать.

Передавай привет Лен. Я еще должен поблагодарить ее за весьма ценные советы и французскую литературу. Ты – всегда желанный гость во Франции. С любовью, твой преданный и заботливый пациент
Герард.

Греонтерп, 17 октября 1670

97

Дорогой Ян,

Мы просто шокированы твоим письмом. «Мой врач лежит в Бинненгастхаусе, потому что хотел покончить с собой при помощи лимонного женевера и таблеток». Кто такому поверит? Какой такой лимонный женевер? Если я напишу рассказ, в котором кто-то пьет лимонный женевер, никто не поверит. Ты что, разрешил хозяину трактира разок-другой расплатиться натурой? Лимонный женевер! В голове не укладывается.

Хотел бы я хоть чем-то тебе помочь. Многое в тебе для меня загадочно. Откуда эти приступы? В любом случае, попринимай-ка рефьюзал. Алкоголь – смертельный враг меланхоликов и депрессивных. А если уж выпить невмочь, выпивай вечером бутылку красного. Испанская «Риоха» из «Алберта Хейна» весьма годна для питья: малость разбавлена водой, конечно, но хоть не отравлена синтетической дрянью.

Через несколько минут придет почтальон.
Лучше короткая весточка, чем ничего. С любовью от Мышонка, Тигра и Герарда.

98

Дом «Трава», 8 февраля 1971
Греонтерп, Пост Аудега В., Фрисландия

Дорогой Ян,

Надеюсь, что тебе получше. У нас всё сравнительно хорошо, хотя тьма что-то затянулась.

Не переживай особо из-за твоей сутенерской книжки¹. После блистательной книги о царстве блядей можешь немного попридержать коней. У меня масса идей относительно *мужественного* и *женственного*. Что касается «женственного»: неколебимо держись своего утверждения, что женщина хочет заботиться и *быть привязанной*. (Модные феномены вроде Чокнутых Минок² ничего не значат.)

Отчаянные письма из Шована, с моим комментарием, появятся в этом или следующем го-

1 Гротхёйзе в то время работал над книгой «Человеческие слабости сутенера». Амстердам, 1970.

2 Dolle Minas – возникшее в 1969 г. в Нидерландах феминистическое движение, названное по имени одной из первых голландских феминисток Вильгельмины (Мины) Друкер (Wilhelmina Drucker, урожденная Wilhelmina Elizabeth Lensing; 1847–1925, политик и писательница).

ду в «Атенеуме» Поллака и т. д., под изобретенным нами названием «Господь во Франции»¹.

Не можешь ли прописать мне еще 120 таблеток радости (бенз. + люм. + алоэ, ну, ты знаешь)?

Я в последнее время всё лучше и лучше сплю. Наша жизнь теперь, когда мы втроем, сделалась полнее и спокойнее, но также и гораздо эффективнее. Мы больше осуществяем намеченного.

С любовью от Тигры, Мышонка и Серого Волка

Герарда.

P. S. Могу я оставить эту жаровню² во Франции? Посоветуй. Мы через пару месяцев туда возвращаемся.

Венендал (Утр.), 19 мая 1971

Дорогие Ян и Лен,

Запишите наш новый адрес, по которому мы все трое поселились: ***лаан 34, Венендал. Номер телефона последует.

1 В этой форме проект не осуществился. Комментарий разросся в «Язык любви» (1972).

2 Гротхёйзе выслал Реве во Францию деньги для мангала, но Реве превратно понял из письма, что был выслан сам мангал (который было бы невозможно доставить).

Мы по различным причинам уехали из Фрисландии; главная же – в том, что это, конечно, сказочная дача, но для постоянного проживания она расположена слишком удаленно и изолированно.

Дом «Трава» выставлен на продажу. Кандидаты появятся. Через пару дней он станет открыт для посещений.

100 Попозже напишу еще подробное письмо. Я только что вернулся из В. (Фр.), и очень устал. С любовью ко всем вам,
Герард.

*Венендал (Утр.), 25 июля 1971.
Всё еще без телефона.*

Дорогие Ян и Лен,

Я слышал от Ханни¹, что ты немного обо мне тревожишься после вашего визита к нам, где-то с месяц назад. Возможно, и не безосновательно, но теперь всё гораздо лучше. Починки санитарного и обогревательного рода в доме закончены, и застекленная веранда, соединяющая дом с мастерской, тоже в полном порядке. Задняя комнатка наверху – теперь моя личная. Мне большая площадь не нужна, я запутываюсь в многочисленных шкафах,

1 Hanny Michaelis (1922–2007) – поэтесса, переводчица, в 1948–1959 – жена Герарда Реве.

столах, ящиках и папках. В комнате имеется горячая и холодная вода и газовый камин. Тут очень тихо. Вид на ангары, гаражи и крытые рубероидом сарайчики весьма вдохновляет.

Я подвожу баланс. Сплошные слезы, тут не поспоришь, но всё лучше, чем прежде. Теперь, когда повсюду современный комфорт, оказывается, что дом не так уж мал. Я вновь обрел здесь покой, бóльшую удаленность от мира, и в то же время могу отсюда в любое место – поездом, и вернуться в тот же день. Это совсем не то, что во Фрисландии. Там я начал чувствовать себя погребенным заживо. Мать Хенка обладает большим количеством великолепных особенностей: никогда не ноет и всегда в ровном настроении. Никакой работы не боится. «Нормальная» ли она женщина – большой вопрос, но мы с Хенком сами психопаты. О конечных вещах я с ней рассуждать не могу, но избави боже, если бы мог. А чего ж ты хочешь. Беспокойство, Меланхолия, затравленность и Преследование истекают из меня. Лучше, чем тут, мне нигде не будет. Собственная комната с водой и обогревом, и работа по дому, которую бесшумно делают для тебя, и никакого скулежа или ворчания, – такого в моей жизни еще не было. И Лес неподалеку, в котором можно бесконечно бродить.

Мы не продаем Дом «Трава», но поддерживаем его в хорошем состоянии, – мало ли, понадобится, да и в качестве капиталовло-

жения¹. С деньгами всё равно ничего не сделаешь. С любовью от всех нас. Ваш
Герард.

Потратился на: А. Пристойную одежду для Самого Себя; Б. На самописки, чтобы работать за пределами дома. Шариковые – вздор, никуда не годятся.

102

Венендал (У), 15 сентября 1971

Дорогой Ян,

Спасибо за оба твои письма и за прелестную открытку. Примечательно, что я позавчера и вчера очень часто и с некоторой тревогой думал о тебе, и еще более примечательно, что часами ломал голову над вопросом приобретения фургона – потом, когда-нибудь. Должен тебе сказать, что у нас есть вторая машина, для меня, светло-серый «Ситроен 400» (микроавтобус), в котором я езжу в лес работать до окоченения. Здесь, в радиусе шести–семи километров, есть сотни прекрасных мест, где можно спокойно остановиться в каких-нибудь десяти метрах от дороги, на усыпанных сосновыми иглами, вечно безлюдных стоянках. За целое утро до полудня проезжает пяток машин. Да, кабы я всё знал заранее, переку-

1 Дом впоследствии перешел к Тигру и Мышонку.

пил бы у тебя фургон и малость финансировал бы таким образом покупку твоего нового «Рено». «Ситроен А. К. 400», утяжеленная «почтовая утка», – мечта, не машина, в своей новой версии она мощнее и комфортабельней по сравнению с предыдущей, но из-за своей тонкой шкурки очень быстро выстывает. Для перемещений на недалекие расстояния, покупок и т. д. она идеальна.

103

Твоя проблема сравнительно проста, но не скоро решается. Ты – сверхчувствительный невротик, в точности как и я, и с точки зрения астрологии мы немного схожи. В городе больше не выносишь шума, толпы и поистине гнетущих известий, но существует ли альтернатива? Сляжешь тут сам, от всех этих аморфных, пассивных, полудебильных пациентов, а вырваться не можешь. Ищешь тишины, но не можешь прекратить общение с людьми. Работать в клинике, по четкому расписанию, для тебя было бы куда лучше, ты смог бы помочь гораздо большему количеству людей, и оставались бы еще определенные часы для исследований и работы над книгой. Но для тебя, подозреваю, это чересчур приземленно и не особо сопряжено с риском, не говоря уж о том, смог ли бы ты работать под чьим-нибудь началом.

Мне кажется, работа домашнего доктора слишком тяжела для одного человека. Тебе бы надобно еще двоих врачей: мужчину и женщину. Но тогда снизится зарплата, особенно

что касается незапланированных счастливых случаев. Настоящее существование, возможно, терпимо, если ты после каждого рабочего дня можешь отрешиться, я имею в виду, после приемных часов и вызовов всё от себя отодвинуть. Полагаю, что одно с другим связано, соответственно одно порождает другое: ты не работаешь над книгой, ибо пребываешь в сомнениях. Поскольку ты пребываешь в сомнениях, ты сваливаешь вину на бессознательного пациента-кляузника, какие существуют во все времена и во всех практиках, и невозможно их изничтожить, поскольку они для этого чересчур здоровы. Из-за этих сетований на шум и прочие тягости (вовсе не ирреальные) мечтаешь о новом, большем, утепленном и т. д. фургоне. Отчего бы не купить новый фургон, если можешь его оплатить? Вот только следующее: этот фургон ничего не решит, хотя поможет тебе удалиться от всего на длительное время. Но замена сама по себе не произведет существенных изменений. Ладно, что это я тут заврался: ты всё и без меня знаешь.

Кстати, я скоро буду рассматривать оборудованный под жильё фургон как единственное решение для людей, которым приходится жить и работать в городе и просто на плотно населенной территории. Горожанин уезжает, сходит с ума или превращается в какую-то вибрирующую, дебильную обезьяну. Нас ждут неслыханные вещи, многодневная городская

уличная давка и городская партизанская война, в которых бесплодные и паразиты пойдут в атаку на работающих, созидающих и мыслящих людей.

У нас тут всё отлично. Насколько поначалу мне всё казалось рискованным, настолько я сейчас доволен. Я думаю, что никогда в жизни мне еще так хорошо не работалось, и никогда не знал я подобного покоя и распорядка. Я совершенно не пью больше: просто-напросто забыл, что это такое! Ночью сплю средне или достаточно хорошо на 25 мг. «Сереста Форте». Это всё, что я принимаю в сутки. Но должен еще сказать, что из-за воздержания от всяческих лекарств (хлоралгидрат, неулептил¹) меня несколько месяцев терзали депрессивные страхи. Мальчики меня очень поддерживали, а здешний доктор хорошо помог. Поистине милый, толковый юноша. Никакого оптимистического базара, вроде «Выше голову!». Кажется, я тебе уже писал, что на мой вздох «Хорошего уже никогда не будет», он ответил: «Я, г-н Реве, тоже так думаю». Это меня сразу к нему расположило.

105

Тебе нужно вновь приняться за книгу. Ты боишься, что она не хороша, поскольку ты обнаружил и указал на то, что до тебя, похоже, никто еще не рассказывал. На тебя это нагоняет страх, так же как на меня – мой гомосексуальный ритуальный католический садизм.

1 Торговое название нейролептика перициазина.

Потом ты сможешь это оценить, но не в настоящий момент. Я нахожу очень знаменательным и трогательным место из Книги Бытия, согласно которому Господь лишь по истечении нескольких дней творения «увидел, что это хорошо». В момент самого сотворения Он наверняка испытывал сомнения, точно так, как Он в канун Своей смерти, и в Его смертный час сомневался в драме Человековоплощения.

Примись же снова за работу. Нечего тебе бояться сутенера. Он слишком глуп, чтобы что-то понять, и только возвысится в собственных глазах, будучи упомянутым и описанным. Предмет кажется мне достаточно неразработанным и потому очень трудным, но благодарным.

С любовью от нас четверых. Твой
Герард.

Венендал (У), 10 ноября 1971

Дорогие Ян и Лен,

Большое спасибо за письмо. Я очень рад, что вы оба преуспеваете и процветаете. Я хотел бы задать Лен несколько вопросов философского свойства, чтобы узнать, какой я системы придерживаюсь. Сам я думал, что это некая смесь Гнозиса и Католицизма.

Я купил фургон марки «Ситроен», его доставят недели через четыре. Белый.

То, что ты говоришь о «мужском» и «женском», неоспоримо. Женщина *выражает всё*. Выбирай одно из двух. Мужчина бесконечен, но за это расплачивается одним измерением: он – линия. Женщина – конечна, но у нее одним измерением больше. Психически женщина, вне всяких сомнений, справляется лучше, нежели мужчина. Я действительно замечал, что женщина устроена психически устойчивее и, что касается души, не так быстро гибнет, как мужчина.

107

Религия, конечно, внешне во многом отражает культуру, но в действительности общеизвестно, что с культурой она не имеет ничего общего, поскольку ни вымысла, ни иррациональной совокупности не выражает, говорит на другом языке. Официально мужчина превосходит женщину, а женщина достаточно мудра, чтобы позволить ему эту иллюзию. Официально Бог зовется «Всемогущий Отец, Создатель Неба и Земли» и т. д. В действительности Бог – всегда общедоступная Мать.

Ева – более чем хорошее соотношение. Кроме того, она имеет доступ к внеморальному, запретному и безграничному, и разговаривает со Змеем. Она приносит в мир грех, из-за чего человечество делается законченным целым, состоящим из белого и черного, дня и ночи, добра и зла и т. д. Опять же: консолидация единого целого.

«Вторая Ева», Мария, является миру безгрешной, и после смерти *телесно* возносится на небо. В Ней материя высвобождается, и прекращается вражда между душой и телом. И вновь: консолидация, через Женщину, плодов тысячелетних умственных мужских усилий.

108 Уникальный существенный вопрос творения – грех (или Смерть). Если в религии женщина этот вопрос истолковывает, владеет им и находит для него решение, то, конечно же, она должна принадлежать к истинному и первоначальному роду.

Содержание ее религии имеет научное подтверждение до тех пор, пока она является отражением психических процессов. Что-то я смутновато выражаю. Я имею в виду: история про рай и Телесное Вознесение Марии стара, как мир, и всегда и везде звучат примерно одинаково. (Дионис возвращает свою мать из мира мертвых и дает ей полубожественный статус небесной звезды! Ты знал об этом?)

Феминисты и Чокнутые Минки – ненормальные женщины, некие психические трансвеститы.

Женщина царствует, всегда, вечно, Женщина варит, печет и в конце концов подает на стол божественную стряпню Благодати. Если до ее сына не докричатся, всегда можно обратиться к Ней. Поэтому Римско-Католическая вера – вера истинная, такое у меня впечатление. Это женственная религия, и ее церковь именуется нашей *Матерью*.

В надежде, что смог послужить Вам предоставлением сиих сведений, остаюсь и т. д.

Заезжай(те) как-нибудь. (Но не в ближайшую пятницу 12-го.) Мне вечно нужна консультация. Еще придется несколько недель посидеть без машины, – переписываю одну главу¹ набело. Книга готова, если хочешь знать, но я недоволен, как и раньше.

Уже три месяца я не пью. Не принимает больше моя душа алкоголя. 25 мг. «Сереста Форте» в сутки – единственное лекарство. Тогда я сравнительно хорошо сплю.

С любовью от всех нас. Ваш
Герард.

Венендал (У), 29 ноября 1971

Дорогой Ян,

Примерно через неделю я ожидаю доставки нового «Ситроена». Не мог бы ты дать мне простой совет? Где мне ни в коем случае не стоит останавливаться ночью, а где наоборот, если я захочу спать в машине? Я не имею в виду географические названия, просто обычные указания. Какой обогрев самый лучший? Я начал с бутановой печки при хорошо раскрытых окнах, потому что эта печка еще со студенческих времен Хенка.

1 Из «Языка любви».

Теперь ты, вероятно, знаешь все плюсы и минусы жилого фургона. Один наш друг, начальник отдела кадров на «Хёхст»¹, собирается обить его изнутри изолирующим материалом. (Пенопласт, а кругом него твердый пластик.) Эта фабрика выпускает всяческие сорта пластмассы.

по С любовью, приветы также Лен и детям,
от нас четверых. Твой
Герард.

Венендал, 29 ноября 1971

Некоторые идеи насчет существа женщины и мужчины.

Я верю, что различие между гомосексуальным и гетеросексуальным человеком нигде существенно не проявляется. Сладострастие зиждется на другой телесной эстетике, но далее существенных различий нет, и в духовной структуре тоже. Гомосексуалист и лесбиянка – обычные мужчина и женщина, телесно и духовно. Предпочтение одного пола другому – дело второстепенное, хотя общество им весьма озабочено.

С этими умозаключениями согласуется тот факт, что гомосексуалист и лесбиян-

1 Ноеchst AG — немецкая химическая компания, выпускала химические волокна, пластмассы, лекарства и пр.

ка столь же сильно различаются по психике, как гетеросексуал и гетеросексуалка. (Лесбийская любовь – это нечто совершенно отличное от мужской однополой любви.)

О психической стабильности женщины: я получил наверняка несколько сотен писем от одиноких мальчиков и мужчин, исполненных жалоб на одиночество и вопросов, как быть дальше, как найти контакт и т. д., но еще ни одного письма от жалующейся на одиночество женщины, жаждущей обрести подругу. (И это при том, что мои корреспонденты на 78 процентов состоят из женщин!)

III

Спрашивай еще, что хочешь знать. С любовью.

Герард Реве.

Венендал (У), 15 декабря 1971
*Телефон *** (но только вам, по секрету)*

Дорогие Лен и Ян,

Большое спасибо за вашу открытку. Да, я получил гидрометр. Я забыл упомянуть его и поблагодарить вас. Между тем мы вмонтировали напольную печку¹. Проблема была найти монтажника, хотя бы одного в округе. Фирма «Ривьера» переехала из Амстердама в Бреде-ворт (Алтен). Из-за этого всё застопорилось.

¹ В фургоне.

Я хотел, чтобы они дали мне хороший адрес, иначе фигня получится. Печка (напольная печь фирмы «Делюкс») потрясающая. Она установлена прямо позади, рядом с колесной осью. Большой газовый баллон стоит слева от меня, позади, на деревянной подставочке, закрепленный ремнем. Я немедленно заказал разводку (Т-образную деталь с краном), чтобы там и готовить. Если вы когда-нибудь станете подумывать о другом фургоне, то не принимайте решения до того, как я посмотрю на него и проеду в нем. Он определенно будет менее экономичен, нежели этот ваш (1 на 8½), но то, что в нем можно будет стоять во весь рост, и раздвижная дверь – большие преимущества.

Мне нужно еще (распорядиться?) обить его изнутри, для изоляции.

Если буду знать заранее, когда вы заедете, то сообщу вам, да или нет. День и вечер воскресенья я посвящаю Ханни, она приезжает справлять здесь свой день рождения.

Вчера крепко выпили у Кармиггелтов¹, мда, многовато для нас. Я от этого только укрепился в своем убеждении, как правило ничего не пить. Так лучше.

Ну, возвращаюсь к своим баранам. С любовью, еще раз спасибо за всё, прежде всего

1 Тини и Симон Кармиггелты, друзья Реве. Симон (1913–1987) и Реве в течение нескольких лет вели оживленную переписку (см. «Письма Симону К.», Митин журнал, 2014).

за добрый совет. А то так и утопали бы в грязи, или пришлось бы покупать дорогой бензиновый огнемёт в качестве обогревателя.

Мне не нужно много тепла. 15° днем для меня вполне достаточно. Главное, не окоченеть.

До скорого, надеюсь. Твой

Герард.

Венендал (У), 2 февраля 1972

Дорогие Ян и Лен,

Как же у вас дела? Я надеюсь: всё в порядке. Я по-прежнему очень доволен моим «Ситрое-ном», который теперь обит изнутри, и на полу отличное изолирующее покрытие. Печь при не слишком сильном ветре держит тепло вполне прилично, даже при легком морозе.

Я много езжу на машине – работать, и несколько раз был на выходных в Верте (Л.). (И иногда на пару дней перед ними или оставался на день после выходных.) Мой адрес там: «Нъиве Маркт (самый центр), телефон *** (телефон тут, в Венендале: ***). Ты знаешь, где находится Верт? Примерно на пути из Эйндохвена в Мастрихт. (Амстердам–Утрехт–Ден Бош–Эйндохвен–Верт.) Е9. Я бы хотел как-нибудь с тобой на выставку в РАИ¹.

1 Выставка автомобилей, проходящая раз в два года в Амстердаме.

Я туда хочу в любом случае и смогу это скомбинировать с другими визитами в Амстердаме. Если ты всё же вечером отправишься из Амстердама автобусом, я тогда поеду сюда вместе с тобой, а днем вернусь поездом.

114 Работа движется очень хорошо. Тут слишком тесно и битком набито, в Венендале. Стоит за дверь выйти, как наткнешься на кого-нибудь. Но удивительно то, что я с этой теснотой сработался, работаю и буду работать. Через три недели у Полака и Ван Геннепа выйдет «Язык любви». Тем временем я уже наполовину продвинулся со следующей книгой¹.

Сообщи мне дату. В Верте – тишина и пространство. (Квартира в три этажа друг над другом, где днем никого, вечером один–два человека, к которым мне нет необходимости выходить.) У меня своя большая комната, совсем наверху. Соседей нет ни днем, ни ночью.

Я работаю утром и днем, или одно из двух, но никогда по вечерам. Если приедешь в Верт вечером, у меня всегда найдется время. Но иногда целый день не работаю. Четыре дня подряд не работать – мой абсолютный лимит.

Я больше совершенно не пью, ни капли, уже несколько месяцев, и живу без успокоительных, кроме 25 мг. «Сереста Форте». Потребовалось много времени для того, чтобы я начал думать и мыслить в три–четыре раза быстрее и интенсивнее. Я в состоянии запи-

1 «Милые мальчики».

сать лишь часть того, что в башке крутится.
Какое богатство, какая роскошь!

Продолжаешь ли ты работу над книгой?
Дай мне знать. Я позвоню тебе в любой момент,
когда захочешь, договоримся о встрече.
С любовью от всех нас к вам всем. Ваш

Герард Реве.

Верт (Л.), 15 июня 1972

Дорогие Лен и Ян,

Желаю больших успехов с твоей законченной учебой, Лен. Ты поистине заслуживаешь скромного лаврового венца от истории. Мать, жена доктора, да еще и ученая.

Пишу второпях. Я сейчас в завидной писательской лихорадке. Вчера закончил главу 8, в 16:45, а начал в 8:15 утра, тоже вчера, я имею в виду: целая глава за один день, стало быть.

Была депрессия, $\frac{3}{4}$ дня, или полдня, не более. Спустя $1\frac{1}{2}$ –2 года, благодаря стимулирующим и способствующим похуданию пилюлям радости (полагаю, что они содержат алоэ, люминал и бензедрин), которые принимаю по несколько штук в месяц, я почти выбрался из тупика. Ты не мог бы прописать мне еще 120 штук?

Потом, как закончу книгу, напишу тебе больше и подробнее.

Не падайте духом. Ваш королевский на-
родный писатель
Герард Реве.

Дьёлефи¹, 7 июля 1972

116 Дорогие Лен и Ян,

Я буду, D. V., в воскресенье утром между 11 и 12
пополудни к службе в В. (Пешком или на ав-
тобусе: DA 35-69.)

Если появитесь раньше, заезжайте наверх.
Не сворачивайте резко. И не в темноте.

У нас всё в порядке. Я невероятно много
работал и буквально не могу больше ни слова
написать, так у меня ооченели руки и паль-
цы. (Блаженная усталость это называется.)
Самая трудная работа сделана. Остальное –
собрать целое из некоего рода строительного
набора. Дурацкая возня в грунте позади. Моя
крепость – прекрасное основание для ваших
вылазок. Тут всё для вас есть, кроме санитар-
ных удобств. Воды достаточно. (Восемь 60-лит-
ровых бидонов.)

Glück auf². Будьте осторожны!

С любовью,

Герард.

1 Dieulefit – коммуна в Дроме.

2 Удачи! В добрый путь! (нем.).

Литература

Когда старого писателя Несцио¹ спросили о недавно вышедшей книге «Вечера», он вдруг сказал:

«Эта книга? Какая же это книга! Это не-книга!».

«Да, но всё же она тебя захватила, папочка», – возразила его жена.

«Это правда, – согласился он. – Чисто холера».

117

Верт (Л.) [начало апреля 1973]

Дорогие Лен и Ян,

(Ты не мог бы прислать рецепт на «Сересту»? Иначе придется мне 2½ часа просидеть в приемной.)

УГ². поначалу всё очень быстро ухудшалось, теперь помедленнее. Но, D. V., он в Страстную Пятницу может выписаться. Это определенно не радикулит, но и не прострел. Теперь ему делают горячие компрессы и массажи и к тому же проводят обширные анализы крови. Эти дикие, никакими наружными агентами

1 Nescio («Я не знаю» (*лат.*)) – псевдоним писателя и бизнесмена Jan Hendrik Frederik Grönloh (1882–1961).

2 Guus van Bladel (1931) – друг Реве, некоторое время Реве жил у ван Бладела в Верте.

не объясняемые кровоизлияния мне всегда казались странными: нечто вроде болезни живущего на пособие, но не то, что может иметь приличный человек.

Я мало-помалу начинаю опять писать. А что еще мне остается.

Зайди как-нибудь в «Попугай»¹ и поставь свечку.

118

С горячей любовью. Твой
Герард Реве.

Верт (Л.), 18 апреля 1973

Дорогие Ян и Лен,

Вещи пересекаются и расходятся в различные промежутки времени, что, вероятно, вам знакомо. Большое спасибо за твое письмо от 14-го и за рецепт. У меня тоже серьезные депрессии, но они выражаются в легкой агрессивности и в конце концов переходят в веселье. Я теперь более-менее пришел к заключению, что совершенно не вижу смысла в жизни.

У Г. дела неважные. Вы, наверное, слышали, что после Пасхи ему придется вернуться в больницу. Учитывая все симптомы,

1 Церковь во имя св. Духа Петра и Павла в Амстердаме, более известная под именем «Попугай» благодаря изображению попугая на фасаде.

я предполагаю, что это какая-то патология у него в голове, хотя это может быть чисто нервное.

Во вторник утром я уезжаю во Францию, один, попробую дней за десять–двенадцать достроить водяную цистерну. Мне нужно залить бетонный пол, поднять стены еще на 60 см (высотой уже в 1 м) и накрыть их бетонной крышей – она будет задерживать дождь, в результате чего навес – площадью в $\pm 4\frac{1}{2}$ м² – станет улавливать на 75 процентов больше воды. Всякие технические проблемы я решил, и если всё пойдет согласно ожиданиям, у меня еще этим летом будет собственное водоснабжение.

119

Я стараюсь не ломать голову: где жить, в конце концов, с Йозефом¹, и когда снова начать писать. Согласно моему гороскопу я должен писать до конца мая, но у меня не выходит. С 15 августа до конца сентября вновь наступит очень важный период для моего Искусства. Возможно, в предстоящие недели я опять стану писать прекрасные стихи.

Вчера заходила сестра Клейнен, измерила мне давление. «Думаю, что 135, – сказала она, – возраст плюс сто». Оказалось, что 125, возможно, потому, что я всегда жил спокойно и осмотрительно. А как твое давление? Ты плохо питаешься: в основном, мучное, не содержащее минералов, никаких фруктов, ни-

1 Josef Cals (1949), художник и скульптор. Роман с ним начался у Реве в 1972 г.

какой простокваши, чеснока, зато цельное молоко. Я дважды в день без проблем выпекаю из собственной задницы здоровенную говнюху. Шалю сам с собой пореже, нежели прежде, думаю, четыре–пять раз в день, а раньше девять. Семь, возможно, это число, к которому я должен стремиться, как к золотой середине. С любовью, ваш

120

Герард Реве.

«Благодать», 30 августа 1973

Дорогие Ян и Лен,

Как только я обустроился в новом доме, в «Шован» приехал каменщик и позавчера залил там домик бетонной крышей. Вот ведь как. Знал бы я, что «Шован» когда-нибудь будет доведен до ума, или Роже, сосед, предложил бы мне приобрести его старый дом, я бы, наверно, «Благодать» не покупал. И всё же хорошо, что купил, особенно для зимы. И досюда очень легко добираться общественным транспортом. Я тут и телефон поставлю. Всяким иудам мне сюда звонить из Нидерландов уж очень накладно.

Как тебе твое новое рабочее окружение, по-прежнему нравится? Надеюсь, но почти уверен. Впрочем, боюсь, что ты видишь и слышишь массу горестей, которым не помочь.

Ну, я-то рожден с психопатическим базисом¹. Я имею в виду, это въелось в меня намертво, и посему я от этого не страдаю. Я не чокнутый, я просто псих. Но я попросту записываю всё, что думаю, и получаю за это кучу денег. Когда ты, наконец, напишешь «Руки прочь, доктор»? Или я за тебя должен написать?

Я совершенно не пью, и мне это нравится. Теперь уже научно доказано, что алкоголь для меня губителен. Чем грубее и поверхностнее характер и личность, тем меньше вреда от алкоголя: тут уж нечего исказить, и вероятность возникновения серьезного конфликта, который может перерасти в злокачественный, также мала. Но для чувствительных невротиков с творческим началом алкоголь – сам Дьявол во плоти.

121

Я вчера много порушил и построил, и уже была отличная тяга, которая угрожала спалить весь дом, но мне удалось загасить пожар, так что деревенские ничего не заметили. (А то бы тебя сразу окрестили бы «этот придурок», «этот поджигатель».)

Примерно через неделю я снова на Родине, но ненадолго. Я серьезно подумываю прописаться здесь.

Йозеф завершил очередной холст, «Портрет Тигра», в Гааге, но я его еще не видел.

Знаешь ли, у Г. дела очень хороши, и он, судя по письмам уже в ближайший понедельник должен снова приступить к работе. И всё же

1 Так сказал психиатр в Ассене, в 1966 (прим. Реве).

я рад, что у меня всё еще в порядке, и я могу ходить в сортир без очков.

Когда я здесь, тебе всегда рады. Это прямо у дороги, километров 6 до Д.

С любовью,
Герард Реве.

122

ТАИНСТВО

*В бурном видении узрел я ночью,
Как Матерь Божия, вечная Дева,
Обнажалась в поле и отдавалась
Молодому солдату, тосковавшему по матери
И ни разу еще никого не познавшему:
Он был застенчив и беспомощен, но она,
Богоспасенная, Превозносимая,
Коронованная в веках,
Деликатнейше указала ему путь
Сквозь светлые заросли к глубокой своей
пещере.
Я слышал его краткий вздох, когда Она
сказала:
«Кусни меня вот тут»,
И девичьи упругие сосцы подставила
под нежный юный рот.
Он пил и пил, до крови.
Как сладко было с Ней ему лежать,
Она баюкала его.*

Герард Реве
2.8.1973

Дорогой Ян.

Какая же бурная жизнь у врачей и писателей! Пятно вокруг моего глаза прошло, а рак кожи около носа почти исчез. Возможно, это не паразитический нарост, и всё же какое-то воспаление. Здоровье – наивысшее богатство.

123

Что касается дел, а также продуктивности, у меня всё прекрасно, но в отношении Любви я всё еще страдаю. Невзирая на твой мрачный доклад, я нахожу, что ты стал здоровее и бодрей. Ты избавился от маниакального, а вместо него появилась здоровая боеспособность.

(Не мог бы ты прислать мне еще один рецепт на таблетки для снижения веса – ну, ты знаешь, бенз., люм и алоэ? Я чувствую себя достаточно здоровым, чтобы еще неделю посидеть на простокваше и сбросить несколько килограммов. От Горестей и нервов я набрал кило четыре.)

В великолепном новом еженедельнике «Дезе Век» должно появиться великолепное интервью¹, но в книжных его еще нет.

Приезжай с ночевкой, когда захочешь. С любовью, и от Г. тоже. Твой
Герард.

1 Петер Диллен, «Герард Реве счастлив. Троица воссоединится во Французских Альпах», «Дезе Век», 2 марта 1974.

Дорогие Ян и Лен,

124

Только что я был избран почетным председателем Секции *Union des Vieux De France*¹. Настоящим председателем меня было избрать нельзя, ибо я еще не достиг шестидесяти. Честь мне оказана потому, что я что-то такое прекрасное где-то сказал о старости и Смерти.

Когда же я снова увижу вас здесь? Тут же, в большом доме в долине, у меня электронагрев воды, электрическое отопление и электрическая же плита. Вчера я достроил маленький дом на горé. Как только я вмазал последнюю раму, и дом, значит, был закрыт со всех сторон – крыша, дверь, окна и т. д., с ужасным грохотом рухнула задняя стена старого дома Роже. Ведь вот же бывает. Новый дом получился очень уютным и милым. Дом, что внизу, нужен мне, в сущности, лишь для того, чтобы принимать гостей: у него, разумеется, то громадное преимущество, что до него можно добраться поездом и автобусом, который останавливается прямо перед дверью. И, возможно, я еще когда-нибудь женюсь. Хозяин постоянного двора, или, скорее, его жена, очень не прочь, чтобы я завел шашни с их – и впрямь премиленькой, чувственной шалуньей-дочкой лет пятнадцати. Они думают: крупный писатель, большая машина, большой дом (это правда, самый боль-

1 Объединения Пожилых Людей Франции.

шой и импозантный в деревне), большой счет в банке. (И они еще не знают, что моя Штуковина при ясной погоде и после употребления чеснока вымахивает до 18 см.)

Пришли мне хрени какой-нибудь. Пошарь в аптеке клиники. Есть ли у тебя какое-либо легкое снотворное, которым я смогу в свое время заменить «Сересту»? Мне кто-то дал могадон¹, но у меня от него депрессия, и тошнит слегка, и утреннее похмелье не проходит. Брось горсть бензедринчика в конвертик или коробочку. Только напиши, что это такое, и сколько там. Мне очень помогает весьма нерегулярное употребление тонизирующего, я на нем по несколько дней держусь: оно вызывает сравнительно продолжительные эффекты, которые держатся еще долго после того, как теоретически должны перестать действовать. Но мне приходится расходовать его весьма умеренно, потому что я сверхчувствителен к любым биологически активным субстанциям. (Однажды я принял $\frac{1}{4}$ пилюли, которые Роб Т² глотает по *три целых штуки* в день, и после этого шестьдесят часов не спал!)

125

Теперь у меня на горé есть вода. Цистерна не протекает, морозоустойчива, а в самом

1 Одно из торговых названий снотворного нитразепама.

2 Rob Touber (1936–1975) – телережиссер, постановщик «Большого Шоу Герарда Реве», показанного по нидерландскому телевидению 17 мая 1974. См. прил. II.

доме в стене есть небольшой насос. Вода хорошая, питьевая.

126 Лето здесь по-прежнему великолепно: то есть еще не жарко по-настоящему. В большинстве случаев тут в это время года для северянина чересчур знойно. Выпало необычно много дождя, к огромному удовольствию аграрного сословия, и всякий порядочный ливень в несколько миллиметров доставляет мне, с каждым мм, при площади дождеуловителя в 25 м², 25 литров воды. С каждого сильного проливного дождя я, стало быть, могу день или больше класть кирпичи и строить. (Я еще возвожу декоративные стены, выкладываю дом изнутри камнем и т. д.)

Что-то я надолго забросил Творчество. Теперь, когда наверху не осталось срочных дел, поработаю недельку над книгой¹. Я теперь корплю над 7-й главой, в которой лишаю невинности 14½-летнюю девицу. Вопрос таланта. В этой игре мне никогда не везло.

Да, когда я закончу эту книгу, то, считай, я чего-то добился в собственных глазах. «Милую жизнь» не рвут с руками, но расходится она довольно хорошо и регулярно. И это при том, что я не продал больше ни одной художественной книги, в целом, ты знаешь? Я имею в виду, мы теперь уверены насчет этих 20000 заказанных экз., которые больше не возвращаются из книжных магазинов.

1 «Циркач».

Скоро увидимся. Удачи. Не перерабатывай.
Я, в сущности, хотел стать врачом. С горячей
любовью. Твой
Герард Реве.

«Благодать», 2 июля 1974¹

127

Достопочтеннейший Коллега!

Если бы то, что ты пишешь, черт побери, было бы правдой! Ты, конечно, думаешь, что я тут целый день со своей хреновиной похоть тешу (чем я тоже занимаюсь), но я встаю в полшестого утра, пишу Прекрасное, пишу и читаю письма, хожу за покупками и строю и кладу кирпичи и таскаю их в гору с десяти-пол-одиннадцатого до заката. А тут ты еще. Еле на ногах держусь, ходить не могу, слишком выматываюсь, чтобы раздеться и умыться. А сна нет. Вот так.

«Здравствуйте, доктор!» (Из сборника В. А. Херманса)².

Был бы я врачом, а не писателем. Тогда спал бы хорошо.

Всего тебе. Твой
Герард.

1 См. прил. 12.

2 Отсылка к статье В. Ф. Херманса «Здравствуйте, доктор!» из «Садистской вселенной».

Дорогой Ян, дорогая Лен,

128

Сегодня утром одновременно получил оба ваши конверта. Мне уже немного получше. Я начал – медленно, но верно – обнаруживать связь между алкоголем и бессонницей. После того, как я перешел на абсолютное воздержание, пару ночей не спал, потом чуть-чуть, и постепенно снова стал больше и лучше спать. Вино – вещь коварная. Сначала спишь только после одной бутылки, потом тебе требуется 1½ и т. д., а потом нужно каждый вечер надираться до чертиков, чтобы поспать часа три–четыре. Это плохо. На следующей неделе я ожидаю гостей, то одних, то других, и, если наливаешь да сам выпиваешь, днем... Нет, я кран завернул. Поскольку у меня еще нет зависимости, чувствую себя как никогда хорошо. (Страдающий алкогольной зависимостью только где-то через год воздержания замечает некоторое улучшение психического состояния.) Я получил от *docteur hollandais*¹ антабус², к которому еще не прибегал, однако припрятал. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Деньги на покупку; вино хорошего качества; чертовски дешево;

1 Голландского доктора (*фр.*).

2 Дисульфирам – лекарственный препарат, применяемый при лечении алкоголизма. Одно из торговых названий – антабус.

никто тебя не контролирует; одиночество; периодические депрессии; я имею в виду, если сам жесткой рукой за руль не возьмешься, слетишь в пропасть. Французы – знатоки вина, но мы-то – пуритане, и оттого и спиваемся, и из-за этого французского алкогольного либерализма идем ко дну. Эти таблетки – очень эффективные. Секрет в чем: принять их рано утром и совсем чуть-чуть. Исход эффекта, примерно по окончании работы, весьма благоприятен. Огромное спасибо. Увидимся. Если меня не будет дома больше чем несколько часов, найдешь записку на двери.

Счастливого пути и наилучшие пожелания от вашего белого поэта города и деревни Герарда Реве.

*Верт (Л.),
31 октября 1974, четверг*

Дорогие Ян и Лен,

У меня ревматизм, подозреваю, что из-за открытого автомобиля, в левом плече и (ужасно больно вставать с постели) левой ягодице (сустав бедренной кости-таза?) Не пропишешь ли мне секретное средство? Кроме того, желательно получить новый повторный рецепт на «Сересту» 10 мг.

9-я глава «Циркача» готова в чистовике.

С любовью и наилучшими пожеланиями,
твой
Герард Реве.

Верт (Л.)

130 Дорогие Ян и Лен,

Усталый, но довольный, я вновь в Отечестве. Завтра уезжаю на неделю в Амстердам, поживу у Х., ***-страт 14, телефон (никому не давайте) ***.

Во вторник 11-го выступаю в Бейенкорфе с речью на открытии выставки о Кармиггелте¹, в 15 ч., кажется.

Я непременно зайду к вам, когда у вас выдаться время.

Пока не забыл: у меня опять новость, или, лучше сказать, очень старая новость. Помнишь, у меня лет этак пятнадцать назад страшно отекло лицо, и я, прикрывшись рукой, пересек улицу, идя к тебе за инъекцией адреналина? Ну так вот, у меня два раза это опять случилось: рожа опухла вдвое, жуткая чесотка, глаз почти не видать и т. д. Нервы, что еще, но всё же. Вреда никакого, но как я с такой рожей, если на Телящик нужно, или с речью где-нибудь выступать. Не найдется ли у тебя пары ампул, на случай необходимости?

1 См. прил. 13.

Это подкожно, если я хорошо помню. Или таблетки. Кто знает, может, оно совсем исчезнет, как только я заполучу ампулу и шприц!

Предварительный заказ новой великолепной книги «Я любил его» очень хорош: 18000 экз. Выйдет 20-го.

С любовью,
Герард.

Верт (Л.), 4 марта 1975

Дорогой Ян,

Не мог бы ты снова выписать мне 6 (шесть) ампул фенобарбитала? (Пять, как в прошлый раз, тоже, разумеется, хорошо, но в аптеку поступают упаковки по 6 (шесть), и если в рецепте указано 5 (пять), приходится одну извлекать и где-то хранить.) Я тогда опять на $\frac{1}{2}$, или на целый год, обеспечен. Дела очень хороши, но я в чудовищном напряжении, и порой не могу успокоиться и расслабиться. Написал финал ($\frac{1}{3}$) и начало ($\frac{1}{3}$) Двенадцатой (и последней) главы «Циркача» и теперь занят серединой. Победа не за горами, но порой я задыхаюсь, сыпь какая-то (всякий раз другая), явное свидетельство истерии, сильное повышение давления, – следствие нередких бессонных ночей. Бутылочка вина вечером когда помогает, когда и нет.

Книга «Я любил его», о которой сам я невысокого мнения, продается вполне прилично, и дело идет ко второму изданию.

132 Роб Т. был воистину без ума от тебя, еще и потому, что ты «ничего не нашел», думается мне. Меня тут в клинике с головы до ног исследовали, не считая ЭЭГ¹, которую сделали в четверг. Я – «очень сильный, очень здоровый мужчина с удивительно молодыми органами и с печенью в абсолютно оптимальном состоянии». Вот видишь. С любовью, твоей

Герард.

«Благодать», 25 мая 1975

Дорогой Ян, дорогая Лен,

Небывало поздняя весна тут. Всё еще не лето, но до странности прохладно, да еще и дождя выпало необычно много. Надеюсь, что в результате всего этого будет мягкий июль, поскольку в июле порой стоит невыносимая жара. Когда вы приедете? Я всё лето и начало осени проведу здесь, если не случится ничего из ряда вон выходящего.

Машинистка полностью перепечата-
ла «Циркача». Издатели ожидают как хоро-

1 Электроэнцефалография.

ших рецензий, так и весьма высоких продаж. Не мог бы ты прописать мне еще «Сересты» 10 мг.? И рецепт на какое-нибудь бодрящее. Ты сам знаешь, что мне нужно. Видишь ли, год назад Франс Паннекук презентовал мне пару дюжин, он их купил без рецепта, в Испании, они тогда еще продавались там легально. Роб Т. «одолжил», что называется, у меня почти весь запас, а дней через десять и еще попросил, а я ему сказал, что всё, нету больше. Мне кажется, что эту штуку можно глотать не чаще чем раз в неделю или в десять дней. Я уже с 1/4–1/6 таблетки целый день работоспособен и энергичен. Ты только рецепты посылай в приложенном конверте на адрес Г. Он всё это купит в вертской аптеке и привезет. Во Франции названия другие. (Рефьюзал тут называется *Espéral*, и т. д.)

Цокольный этаж – caves¹ то есть – теперь непроницаем для ветра. Я распорядился провести туда электричество и две аккумуляторные печи, – дорогая покупка, но использование окупается. (Тепло поступает от дешевого ночного тока и сохраняется в керамических жароустойчивых камнях.)

Когда же ты напишешь «Руки прочь, доктор!»? С любовью, ваш

Герард Реве.

1 Подпол (фр.).

Дорогой Ян,

134

Большое спасибо за рецепты и за позавчерашнее письмо. Я в любом случае буду тут числа 20-го, и надеюсь, что укладчик кафеля на нижнем этаже к тому времени управится. Сам выберешь, где тебе больше понравится: на горé или здесь, в долине. Можешь и там, и там.

Я очень устал, натаскался камней – в грядущий понедельник рабочие будут выравнивать дорогу.

Новая книга «Циркач» выйдет 1 ноября этого года.

С любовью. Выше голову! Твой
Герард Реве.

3 марта 1976, п/я Матрос Лис, С.

Дорогой Ян,

Я уже несколько дней как обретаюсь в Отчизне, и мне тут не нравится. Если сам невротик, как-то мало испытываешь потребность в целой культуре психопатов и невротиков. И в автомобиле познаешь одержимость нидерландца беспорядком и нетерпением. Француз – водитель жовиальный, порой может проделать «спортивную» выходку, но во Франции

я никогда не сталкивался с тем, что сзади начинают сигналить, если не срываешься с места в момент переключения на «зеленый».

Я больше не покупаю газет, ибо от всего того, что я читаю о национально-социалистической клеветнической кампании, мне кровь бросается в голову.

Сегодня еду с Матросиком Лисом¹ в Верт и останусь там всё воскресное утро. И следующие выходные предполагаю провести в Верте. Кроме того, в программе – посещение стольного города Амстердама.

135

Пустился ли ты уже в автомобильные скитания? Получила ли Полиция задание задерживать тебя с большими предосторожностями и не слишком громко с тобой разговаривать, а затрагивать лишь философские вопросы?

Я по-прежнему пью мало, и ничего, кроме красного вина. Снотворное принимаю только в исключительных случаях.

Если бы я не был писателем, стал бы врачом. Но только в этом случае. Врач и писатель разумеется, лучше всего, как Чехов, и Селин, и Г². (Ян Г. = четыре слога! Можно прославиться.)

1 Любимое прозвище Юпа Схафтхёйзена (Joop Schafthuizen, 1948) – последнего партнера Реве.

2 Кроме «Рабочей структуры проституции» и «Человеческих слабостей сутенера» Гротхёйзе опубликовал также сборник зарисовок «Слуга двух господ» (1966) и поэтический сборник «Сутенер и другие стихотворения» (1968).

Не мог бы ты выписать мне новый рецепт на «Сересту» 10 мг? И если можно, еще амфетамина 10 мг. У меня немного осталось, и я использую примерно 1/2 или целую в неделю, но в скором времени запас истощится, а я не знаю, пропишут ли мне его во Франции.

С любовью к тебе и твоим.

Герард Реве.

136

С., 7 марта 1976

Дорогой Ян,

Большое спасибо за письмо и рецепты. Прежде чем забуду: в ближайшие выходные мы не в Верте, а в Схидаме¹.

Сдается мне, у тебя кризис, который должен был начаться на сороковом году твоей жизни и который теперь проявляется – запоздало, но оттого и более тяжело. Мне кажется, что проблема тебе самому еще не вполне ясна, и ты, при всей твоей живости, один из самых закрытых людей, каких я знаю, что не облегчает обмен мнениями и чувствами с другими людьми. Совершенно определенно, что ты укоротил свою внутреннюю жизнь на десятки лет и лелеял чересчур рационально-социальную картину мира. И всё же ты многого

¹ Город и община Schiedam расположены на юго-западе Нидерландов, в провинции Южная Голландия.

достиг, и ты еще молод, предприимчив и энергичен – более, чем можно сказать о бесчисленных ходячих мертвецах – наших ровесниках, так что всё выглядит не так уж плохо.

Полагаю, что гнездится в тебе животный страх потерять человеческую благосклонность, возможно, потому, что у тебя чрезвычайно низкая самооценка. Ты слишком долго покупался на всяческую модную, квазипрогрессивную херню, принимая ее за истинную свободу, и никогда не мог поверить, что то, что твои собственные оригинальные, безумные или экстатические чувства и мысли могут иметь какую-то ценность. Кем или Чем ни была бы Истина, она ни в коем случае не рациональна и не материальна. Ложные пророки и клеветники наших дней думают иначе, но они не правы, ибо много их и слово за ними.

Не пей много и придерживайся вина.

По-моему, у тебя гораздо большая харизма, что касается дам, нежели ты предполагаешь.

Некогда, полагая, что можешь решить всё рациональным образом, ты избрал для себя весьма рассудительную женщину с мужским складом ума; а теперь у тебя появилась потребность в ком-то, кто представляет саму жизнь, а не теорию и логику. Возможно, ты считаешь, что должен выбрать «за» или «против» Лен, но тебе просто нужно продолжать признавать за Лен ее законное место, – пусть даже вы пережили вместе скверные времена, – но не требовать от нее того, чем она не облада-

ет и тем более не может дать тебе: безрассудный экстаз, в котором ты столь нуждаешься, но которого она не знает.

Делай, что должен, не ожидая от других письменного согласия. Если ты этого хочешь и веришь в это, действия твои верны.

138 В твоём кризисе я узнаю многое из своего опыта примерно десятилетней давности. Из него я – не то чтобы мало-помалу и не дешево отделавшись – в конечном итоге с победой выбрался, и не вижу, почему этого не может получиться у тебя. Стало быть: не вешай голову. Мужчина после сорока, у которого имеются проблемы, кажется мне интереснее, нежели иной, у которого всё отлично. Жизнь – сущий ад, и таковым будет до тех пор, пока существует вселенная. Утешение в том, что все несчастья – бесплатные, ничего не стоят.

С любовью, и до скорого свидания в Отечестве или во Франции. Твой
Герард Реве.

«Благодать», 3 октября 1976

Дорогой Ян,

Теперь, когда с деревьев опадает листва, многие выходят из равновесия. Я ем апельсины и ежедневно проглатываю ложечку рыбьего жира из пузырька с великолепной этикеткой,

на которой изображен норвежский траулер в бушующем море. Через два года и одиннадцать месяцев ожидания я получил телефон, и теперь до меня можно добраться автоматически. Номер – (75) ***. Это (75) – код района, охватывающий почти половину департамента (Дром = Реве). Поскольку я нахожусь в центре района, я могу звонить по местному тарифу во все инстанции, магазины, рестораны и службы, даже в Монтелимар и Дьёлефи. Я продвинулся до середины второй главы моей новой книги¹. Иногда увязую, иногда делаю рывок. Это, как всегда, вопрос терпения.

С Г. дело обстоит сложновато. С Виллеке² – «туда-сюда», и кровь и печень у него не в порядке. Будем надеяться, что это расстройство психического порядка, которое пройдет.

Матрос Лис всегда хохочет, когда я рассказываю ему о твоём энергичном выступлении во время моего делирия, в ± 1960 или 1961³. Ты уже приступил к книге «Руки прочь, доктор»? «Ну-ка, раздевайтесь» тоже славное название.

С любовью от твоего
Герарда Реве.

1 «Старый и одинокий».

2 Willeke Wulms, в то время партнер Ван Бладела.

3 См. предисловие Реве.

In re¹: здоровье – величайшее богатство.

Дорогой Ян,

140 Спасибо за твое письмо и графологическое об-
суждение. Я по почерку всегда могу опреде-
лить того, кого лучше было бы забить до смер-
ти, чем в живых оставить. Надменность может
распознать даже профан. Однако ремесло это
остается весьма субъективным, поскольку то,
что для одного можно истолковать как гениаль-
ность, у другого – слабоумие, хотя и на уровне.
(Например, отдельно стоящие буквы.)

Жаль, что тебе не удалось отдохнуть по-
дольше.

Я весь месяц – частично из-за непогоды –
проболел, или, в сущности, полуболел, и те-
перь тоже: какой-то ночной грипп, не жела-
ющий начаться. Вчера, наконец, был у врача.
Может быть, это и не грипп, а начало синуси-
та. Мне прописали невероятно много ампул,
распылителей, таблеток и порошков. Француз-
ские патентованные средства в большинстве
своем эффективны, потому что концентрация
в два-три раза выше чем в Лягушандии.

Между тем выяснилось: у меня чересчур
высокое давление, граничащее с настоящей *ги-
пертонией*, которую нужно лечить, и что мне
нужно сбавить вес на 10 процентов, если хо-

1 Относительно, к вопросу о (лат.).

чу ни на что не жаловаться. Я больше не курю, вино временно отставил в сторону, и уже через день после начала очень строгой диеты похудел на 1 кг. Я слишком грузен: с трудом выбираюсь из машины!

Первые 3–4 кило я сброшу быстро; дальше будет сложнее. Не выпишешь ли мне рецепт, как несколько лет назад, на те таблетки, которые содержат тонизирующее, успокоительное для желудка и алоэ? Они, вместе с фруктами и овощами, *очень хорошо работают, в то время как ты не испытываешь никаких неприятных ощущений.* Вышли, пожалуйста, рецепт Г¹, он тогда выкупит лекарства в вертской аптеке. (Во Франции аптекари больше пестик в руки не берут, разве что свой собственный. Видал ты когда-нибудь кухоньку французской аптеки: стенка (шелушащаяся фанерная подделка под плитку) над усеянным дырами кухонным столиком из терраццо 1908? Они анализируют мочу беременных и мочу на сахар, но, слава Богу, ничего не готовят. Я не капризен, но от такой кухоньки меня в дрожь бросает.)

На всякий случай я дал себя уколоть вакциной против гриппа. Ее здесь можно купить в любой аптеке за два гульдена двадцать, с датой и всеми указаниями. Некоторые вещи здесь особенно эффективны и рационально организованы.

1 Приписка Реве: «С датой, а то Г. их забывает, и начинается буча с аптекой».

А еще мне больше нельзя соли. Я никогда ничего не солил, но всё, что покупаешь тут в готовом виде, пересолено еще пуще чем в Нидерландах.

У Г. опять всё очень хорошо. Несчастлив в любви, но здоровье опять совершенно на прежнем уровне.

142 Я посадил две вьющиеся розы, одну в горшке во дворике, вторую в горшке у входной двери. Они называются *Dance de Sylphides*¹, должны быть очень морозостойки, карабкаются на 3–4 метра в год, и весьма обильно цветут маленькими, карминно-красными, плотными, нечувствительными к дождю цветками. Я ужасно люблю розы. Роза, как ты знаешь, символ Божественного Откровения и главным образом Божией Матери (*Rosa Inviolata*²). Не волноваться.

После периода продуктивности моё творчество несколько недель пребывало в застое.

Это первый славный день за несколько недель, после десятидневного сильного ветра при 2–3 градусах тепла. Мы немного приходим в себя, намаившись от холодов. (В настоящую бурю тепло в доме просто не удержать).

Между тем, с любовью, также от Матроса Лиса, твой

Герард Реве.

1 Танец сильфид (фр.).

2 Роза непорочная (лат.).

Дорогой Ян,

Поскольку мне никак не становится лучше, а также имеется сильное подозрение, что у меня *синусит*, который не желает протекать должным образом, я хотел попросить тебя выписать мне обычный рецепт на средство от синусита и переслать его Г., он тогда 10 декабря его привезет. Терапия, насколько я помню, состоит в глотании антибиотиковых бомбочек и дышании паром под полотенцем над кастрюлей воды, в которую накапаны секретные капли эвкалипта и т. д.

143

Здесь доктор – на хорошем счету, но я подозреваю его в склонности к гомеопатии. Ибо мне нужно впрыскивать себе в нос и рот экстракт из двенадцати различных видов дохлых бактерий. Всё из весьма сложной упаковки. Это всяческие латинские бактерии, стрептококк такой-то и такой-то «*coli*», «*Pneumonie B vulgaris CPN*» и т. д.

Стоит очень печальная пасмурная погода. Только что сбросили тонну (1000 кг) антрацита в нашу силосную яму у двери. Какие-то сомнительные времена. Эксперты (в числе коих генеральный секретарь иностранных дел в Гааге) посоветовали мне запастись дровами и углем, потому что может случиться краткий период нехватки газа в баллонах, а потом, естественно, он вздорожает, так же как и электричество.

Выдает ли мой почерк dementia græsox,
психопатический базис и т. п.?

Ты когда-нибудь имел дело с астрологией?
Многие отделы кадров больших предприятий
составляют гороскопы кандидатов. С любовью
от Матроса Лиса и твоего
Герарда Реве.

«Благодать», 13 января 1977

Дорогой Ян,

Не хочешь ли купить здесь дом? Г-н и г-жа В. переехали в Валанс¹ и хотят от этого дома избавиться. Это дом в ряду, пятый справа. При нем нет участка, только садик перед домом в несколько метров. Дом в отличном состоянии, у него новая крыша (меняли шесть лет назад). Попросят вроде бы quinze millions (150000 франков), но это, разумеется, чушь. Думаю, что уйдет франков за 100000. Если купишь не втридорога, не ошибешься, и потом всегда снова сможешь сбавить. Не думаю, что с этим нужно спешить.²

1 Valence – город и коммуна; административный центр департамента Дром.

2 Кажется, тут еще один дом продается. Да, только что по телефону подтвердили. Он побольше, в приличном состоянии, и стоит (запрашивают за него) 90 000 франков. (Уйдет, однако, за 80 000) (прим. Реве).

Завтра уезжаю в Париж, но числа 18-го вер-
нусь.

С любовью, твой
Герард Реве.

«Благодать», 15 марта 1977

145

Дорогой Ян,

Если не ошибаюсь, Страстная Пятница выпадает на 8 апреля, тогда на Пасху мы точно здесь.

Самое крайнее в конце марта придет подрядчик менять крышу дома и сарая. Работы ему, я думаю, недель на пять–шесть.

Я больше не курю, не пью и вешу 74 кг вместо 82, как два месяца назад, но продолжать так жить не годится. Обследование до операции показало, что давление у меня 90/130. Кажется, это недурные цифры. Операция прошла очень успешно.

Моя работа малость застоялась, хотя я сегодня нерешительно взялся за 15-ю главу.

«Культурный имидж» кажется мне особо зловещим, и наступление личностей нетворческих, преступных, безграмотных и паразитов (да плюс еще психопатов) – ужасающим. Кто через десяток лет сможет еще прочесть и понять книгу? Но полно об этом. Ты любишь преступления и аморфную мораль, я же чувствую в этом угрозу. Или, возможно, ты принуж-

даешь себя, в целях самонаказания, проявлять к этой шайке симпатию.

Интересно, как много автолюбителей пойдут голосовать за ден Эйла¹. До войны, в 30-х, были среди евреев те, что голосовали за Мюссерта² или даже были членами Национал-социалистического Движения. Ничего невозможного нет.

146 Надеюсь, увидим вас на Пасху. В добрый путь, и горячие приветы от Матроса Лиса и Герарда Реве.

«Благодать», 30 апреля 1977

Doctissime Amice³,

Если не забудешь – а если забудешь, не страшно, можешь и в Бельгии купить – прихвати пару литров старого женевера, всё будет оплачено мною полностью. Выбери самый дешевый и самый гнусный, это не для меня, а для моих

1 PvdA (Партия труда) – под предводительством Й. М. ден Эйла (Johannes Marten (Joop) den Uijl (1919–1987) – победит на выборах 25 мая 1977 с перевесом в десять голосов.

2 Anton Adriaan Mussert (1894–1946) – основатель Национал-социалистического движения в Нидерландах. В годы немецкой оккупации – глава марионетного правительства страны. По окончании войны был схвачен союзниками и казнен.

3 Просвещеннейший друг (лат.).

гостей. Зима кончилась, но только после того, как три дня бушевала буря при температуре –4 градуса, из-за чего погиб цвет на деревьях. Теперь на террасе кафе сидит всё больше народу.

Мое здоровье чрезвычайно поправилось. Похудание – с 81 до 74 кг – мне не понравилось, но я теперь привык к диете и не испытываю уже такого безумного голода, как прежде. Ем всё – кроме масла и сахара – но понемножку. Захвати тонометр, мне любопытно, всё ли еще у меня 90–130, как месяц назад в больнице.

147

Я дней четырнадцать сидел в ступоре над моей последней книгой, но подозреваю, что сегодня меня ждет удача.

Купил дня два–три назад красивую, почти новую плиту, славного размера, с совершенно неповрежденной внутренней отделкой – вертел и чугунная жаровня в безупречном состоянии – меньше чем за полцены новой вещи. В жизни порой случаются удачи.

Я, однако, как можно дольше буду избегать autoroute¹, стану ездить по дороге Утрехт–Эйндховен–Мастрихт–Льеж–Бастонь–Арлон–Верден–Коммерси–Нёфшато–Лангр.

Счастливого пути, и теплые приветы, также Лен, Отто и Теа, от Матроса Лиса и твоего Герарда Реве.

1 Автострада (фр.).

Дорогой Ян,

148

Сердечное спасибо за две бандероли *Frankfurter Allgemeine*, которые ты мне прислал – вторую я из-за забастовки получил только сегодня утром – и за пакет, переданный с Матросом Лисом. Положительно, чтение на несколько дней.

Я только что снова принял таблетку рефьюзала (здесь его именуют *espéral*), после одного сколь достопримечательного, сколь и печального инцидента, который, кстати, никак не связан с алкоголем (я был трезв). Некая дама чуть не наехала на Матроса своей *voiture*¹ на Place du Temple в Д. Матрос распахнул дверцу и обложил даму на роттердамском диалекте. Она – тощая феминистка лет пятидесяти – выскочила из машины, нагнала нас пешком и плюнула Матросу в лицо. Я ей за это несколько раз врезал по башке, так что ей, как выяснилось впоследствии, пришлось к *docteur*'у. Возникло скопление народу несколько неблагоприятного для нас характера. Мы сами отправились в жандармерию, где ко мне по той или иной причине относятся благожелательно. Сама эта тетка там, кстати, не появилась. Я сказал, что готов принести извинения и возместить расходы на врача, поскольку совершенно удовлетворенное созда-

1 Машиной (*фр.*).

ние предпочитаю латентной поджигательнице или разбивательнице стекол. Завтра жандармы должны зайти к нам, если возникнет необходимость в составлении протокола. Чтобы не подливать масла в огонь, я принял пилюлю, которую можно назвать великим изобретением и спасением утопающих, и сравнимую только с вмешательством Самой Матери Божией в мою пропитую жизнь, ок. 1967 или 1968.

149

Я много читаю о психологии лошадей: старые выпуски «Журнала Парапсихологии», примерно двадцатилетней давности, но предмет не устарел. Ну, с любовью от Матроса Лиса и твоего

Герарда Реве.

«Благодать», 11 июля 1977

Дорогой Ян,

Мы очень рады сообщению о завершении твоей учебы. Строго говоря, «étude» – женского рода, так что должно быть «étude finie», но кто это заметит, тот брюзга.

Если мы этим летом еще тебя увидим, я обратился бы к тебе с одной душевной проблемой, поскольку ты теперь настоящий психиатр, который всё знает и понимает, и может исцелить как душу, так и тело. Это касается одной почти пожизненной – в любом случае

полувековой – одержимости – о которой я почти никому не рассказывал, и которая отравила и продолжает отравлять значительную часть моей жизни.

Я время от времени сажусь за новую книгу, но порой работа стопорится и я впадаю в сильную депрессию.

150 Вместе с Матросом я завершаю строительство дома в Укромных Владениях. Наконец-то весь дом, включая кухню-лоджию, оштукатурен снаружи. Адская работа, которой я ужасно страшился. Я только потом узнал о существовании хорошего, отпугивающего насекомых крема для кожи. Во время работы я пришиб примерно 200 слепней на моем голом торсе, но успел получить без малого сотню укусов, что через пару дней вылилось в сильную температуру, суставы онемели, а правая рука плохо слушалась. Но через 1½ дня страдания прекратились. Не мог бы ты добыть мне еще рецептик на амфетамин? Я попрошу Г. забрать его в аптеке. Это есть и будет потрясающее средство вытащить кого-то из тупика, если принимать его от случая к случаю, а не регулярно.

Меня малость потряхивает – чересчур много вина было накануне вечером.

С любовью, от Матроса Лиса и твоего
Герарда Реве.

Огромное спасибо за экз. Ф. А. Я подумываю даже подписаться на нее, это потрясающая газета.

Дорогой Ян,

Спасибо за письмо и рецепт. Я, конечно, не могу ставить диагнозы, как врач, но как крестьянин и военный¹ скажу, что твои «жалобы на сердце» – душевного характера. Ибо: настоящие проблемы с сердцем проявляются во всем: головокружение, боли в желудке, стеснение в груди, одышка, боль в руке и т. д., – но, вообще говоря, никогда в самом сердце. И столь тревожащие некоторых «сердцебиения», например, не имеют большого значения. У тебя это – напряжение и тревога, а больше ничего. Ты же никогда не имел проблем с кровообращением?

151

Хорошо, что ты не куришь. И хотя ты пьешь, а порой и много, ты не истинный алкоголик.

Но весишь ты слишком много, и, что касается твоих привычек питания, тебе необходимо хорошенько двигаться. Я в этом отношении дам тебе подробный совет, не в качестве поучения, а в отношении диеты, вполне приемлемой и щадящей. Ты таскаешь на себе двадцать кило балласта. Избавиться от десяти кило – не такая сложная штука. Я вот сбро-

1 В 1996 г. Реве признался, что никогда не служил в армии и, следовательно, не был военным в Индонезии, как до того постоянно утверждал.

сил десятков, и теперь вешу 73 вместо 83. Дие-те я больше не следую, но ем, ограничивая себя, очень умеренно, и воздерживаюсь от соли, сахара и жирного. Голода больше почти не испытываю.

152

Я собираюсь подписаться на Frankfurter A. Z., но что же выясняется? Что вербовщик нового подписчика получает премию – подарок, в виде черт знает чего! Посмотри приложенный проспект и заполни на линии между стрелочками, которые я нарисовал, что ты хочешь получить. Если тебе ничего не надо из всей этой роскоши, поскольку уже есть всё и ты совершенно счастлив, впиши тогда для меня COLUMBUS HIMMELGLOBUS. Глобус, стало быть, со всеми звездами. Если получишь его и пожалеешь, что не заказал, оставь себе, потому что, если зажжешь у него внутри свет, произведешь большое впечатление на пациентов.

Я всё закончил в Укромных Владениях. Сегодня или завтра кладу последний цемент, дабы прикрыть там-сям уродливые места.

Надемся скоро увидеть вас. С любовью, и от Матроса Лиса, ко всем вам. Твой
Герард.

Дорогой Ян,

Желаем тебе и всем, кто тебе дорог, счастливого и плодотворного 1978. Пока не забыл: получил ли ты, в качестве премии за использование моего абонемента, светильник «Nächtlicher Sterrenhimmel»²?

153

Я почти дочитал основную работу Шопенгауэра *Die Welt als Wille und Vorstellung*³. Осталось еще пара дюжин заключительных страниц четвертого тома. Мне кажется, это грандиозно, и совершенно не так уж безумно сложно. Его называют «врач-пессимист среди философов», но на меня его видение действует определенно освобождающе.

Выпишешь мне еще один рецепт? Мы на пару дней ($\pm 16-22$ января) в Отечестве, и я смогу выкупить лекарства в Нидерландах. Мне они очень пригодятся, если понадобится проделать ударную работу, ну и просто для употребления, но не чаще раза в неделю. Большее количество и частое применение притупляет и гарантирует неизбежную депрессию на следующий день. Возможно, я тебя еще увижу, в другом случае как-нибудь на Пасху или на Троицу, здесь же.

1 Наверху письма аптекарские наклейки. Первая: «В. К./4-10-77/Амфетамин сульф. 5 мг/экстр алоэ 25 мг/фенобарб 25 мг/капс.» Вторая: «5-10-77/ Г.К. Реве/по одной раз в день».

2 Ночное звездное небо (нем.).

3 «Мир как воля и представление» (нем.).

Тебе в твоём деле и в этом чертовом городе ни из-за чего переживать не нужно: «Из всего явствует, что ничто ни на что не влияет». Шопенгауэр пишет: «Суэта и тяжкая работа человеческая (перевод Герарда Реве) более всего напоминает воздушный шарик, который из всех сил надувают всё больше и больше, отлично сознавая, что он вот-вот лопнет»¹. Он был не без «ай да я», но и юмором обладал немалым, и стиль у него – несравненный.

С любовью от Матроса Лиса и твоего Герарда Реве.

[Возможно 1978]

Никогда уже не уладится.
У меня психопатический фундамент.
Герард Реве.

[В зеркальном отражении] Никогда уже не уладится.
У меня, слава Богу, психопатический фундамент.
Герард Реве.

1 Ср. «А до тех пор мы с большим рвением и усердной заботой продолжаем свою жизнь, насколько это возможно, подобно тому как раздувают мыльный пузырь как можно дольше и больше, хотя и знают наверняка, что он лопнет» (пер. Ю. И. Айхенвальда).

Дорогой Ян,

Надеемся в ближайшее воскресенье быть в В'. Г. возвращается 31 марта в Отечество, и 2 апреля устраивает день открытых дверей на Ньиве ***.

Моя книга² закончена, сроки обговорены. В ней 28 глав (288 страниц) – самая длинная книга из всех, что я написал. «Элсевир» будет пытаться издать ее к Троице.

155

Ты не выпишешь мне еще два рецепта? Один на *Indocid*³, – он хорошо помогает Юпу от приступов ревматизма в плече. И против «синдрома шоферского плеча»⁴ тоже. И еще один на Амфетамин Суль 5 мг

Экст Алоэ 25 мг

Фенобарб 25 мг

Капс дтд № 60

Ависел 4

Капс № III

Д-р Гротхёйзе 17-1-78

1 В Верге.

2 «Старый и одинокий».

3 Одно из торговых названий индометацина (нестероидный препарат, производное индолуксусной кислоты). Оказывает противовоспалительное, обезболивающее и жаропонижающее действие.

4 Имеется в виду хроническое растяжение сухожилий руки.

Г-н Реве

1 ч день 1 капсула¹

Таким образом ты избавишь меня от необходимости переписывать все эти мудреные слова. Если этот рецепт выписывается чересчур часто – предыдущий амф/алоэ/и т. д. еще не закончился, но мы собираемся во Францию – я тогда выберу другую аптеку.

156

Ну, горячие приветы вам всем от Матросса Лиса и твоего Герарда Реве.

«Благодать», 2 июня 1978

Дорогой Ян,

Большое спасибо за письмо от 28 мая. Очень любезно с твоей стороны приехать в Схипхол². Я в последние дни очень нервничаю, но теперь, когда отъезд на носу – мы отправляемся в путь или сегодня вечером, или завтра утром – я начинаю потихоньку приходить в себя.

Я к тому же немного истощен почти двухлетними тяжкими трудами над книгой и роб-

1 Текст рецепта вновь состоит из двух наклеек.

2 В июне 1978 Реве вместе с Матросом Лисом совершает поездку по Индонезии (см. письма к Робу Ньивенхейсу, «Письма к образованным рабочим»).

ким ожиданием того, как она будет воспринята моей Возлюбленной Публикой. Были две недели неуверенности, но теперь, похоже, «Старый и одинокий» продается прекрасно, гораздо лучше нежели три предшествующие книги, и на меня за последние шесть–семь лет не обрушивалось такого бурного потока благожелательных отзывов. А деньги, как тебе известно, к деньгам липнут: если одна книга хорошо продается, то и на другие обратят внимание.

У тебя выработался человеческий почерк. Не будет ли от этого вреда?

Официальный отъезд – четверг 8 июня в 17:30. Это означает, что нам там нужно быть за два часа, то есть в 15:30 (в половине четвертого дня).

Мы не берем почти никакого багажа. Я оставлю машину поближе к В., в Бельгии, у автобусного концессионера «Хёхста». Под крышей и в безопасности.

Мы очень рады за Г., что он нашел такое выгодное жилье в Сингапуре и смог перетаскать весь свой скарб за весьма умеренную плату.

С любовью, также от Юпа, ко всем вам.
Твой

Герард.

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое письмо от 22 сентября, которое застало нас здесь по возвращении из Англии.

158 Пока не забыл: старик Ван Г. несколько лет назад беседовал со мной на твоей защите и сообщил, что некогда написал какой-то роман (на тему «весьма специфической проблемы», скажем так). И не хотел бы я его прочесть, ибо «может быть, еще кому-нибудь пригодится». Я сказал, да, но довольно туманно, поскольку башка у меня была другим заморожена, и в большой степени моей собственной «проблемой». Если эта рукопись всё еще существует и этот человек всё еще в своем уме и помнит о нашей беседе, тогда я весьма заинтересован. Это не должно быть нечто посредственное: либо полнейшая хрень, либо что-то весьма неординарное.

Тут всё довольно хорошо. Разные новые перестройки и новые удобства, всё, однако, очень полезное и способствующее отдохновению.

Мы будем рады видеть тебя здесь в любое время. Только дай знать заранее, до отъезда, потому что, возможно, в этом месяце или в следующем, собираемся предпринять увеселительную поездку.

Да, психиатрия кажется мне тяжким ремеслом, если подходить к нему серьезно и хо-

чешь добиться результатов с пациентами. Нужно самому быть душевно сильным. Ты сам – полупсихопат, но у тебя при этом всё же весьма сильные способности преодолевать несчастья. И, как ты знаешь, чувствительные люди, невзирая ни на что, сильнее других. «Чувствительные нервы – сильные нервы», поведал мне некогда один невропатолог. И это верно: невротик нередко умеет на удивление хорошо справляться с чрезвычайными ситуациями, в то время как «дюжий парень» рыдает, падает в обморок, обращается в бегство и т. д. Только «нервный страдалец» подходит на роль героя, думается мне.

«Старый и одинокий» выдерживает третье издание. Так вознаграждаются набожность, добродетель и самоотречение.

Дай знать о себе и прими наилучшие пожелания тебе и твоим близким от Юпа и Герарда.

«Благодать», 31 декабря 1978

Дорогой Ян,

От Г., после длинного и достаточно жизнерадостного письма из Сингапура я получил открыточку из Бангкока, где ему решительно не понравилось. Полагаю, что Таиланд из-за прибывающих целыми кораблями junk-

ies¹ с Запада стал малость сдержаннее по отношению к иностранцам.

160 Хочу изложить тебе одну проблему, возможно, ты сможешь помочь мне советом. Я что-то чересчур часто впадаю в чересчур глубокую депрессию, и даже порой подумываю уйти из жизни. Временами подобные мысли появляются у всех, и тот факт, что я пишу об этом последовательно, разумеется, добрый знак. Но мои навязчивые идеи и призраки прошлого иногда обретают угрожающие формы. Я почти не принимаю успокоительных – только в исключительных случаях – и не пью, или пью очень мало. Стало быть, это не проблема абстиненции, и речь также не идет о деформации личности, как во второй половине 60-х. (Для психиатра это двойная работа, почти непаханное поле, ибо у алкоголика, который еще и глотает таблетки, просто «не все дома», и до него больше не достучаться.)

И вот теперь хочу тебя спросить – возможно, это только оптимистические представления профана – не будет ли иметь смысла, если я в Отчизне² на пару дней лягу под наблюдение в клинику, или буду ходить туда каждый день, на какой-нибудь «решительный разговор», «наркоанализ» (?) или Бог знает что еще. Могут меня за несколько дней душевно подлатать? Я готов содействовать: во всяком случае,

1 Торчков (англ.).

2 Мы, D. V., в конце января едем в Нидерланды (прим. Реве).

я не имею никаких умышленных деструктивных возражений против терапии. Я, собрав всю силу воли, хочу попытаться всё рассказать и всё поведать, даже такие вещи, о которых никогда ни с кем не говорил. Может быть, окажется, что душа моя – огромная руина, и меня навсегда упекут, ради публичной безопасности и народного минздрава. А может быть, смогут как-то меня просветить.

161

Единственное, что мне нужно здесь, это пара тонизирующих таблеток, чтобы проснуться и запеть. Если у тебя есть они под рукой, пришли мне в конверте, но так, чтобы они не прощупывались.

Никаких поводов для паники.

Как тебе понравилось в Бангкоке?

Наилучшие пожелания всем вам в 1979
от Матроса и твоего
Герарда.

«Благодать», 6 января 1979

Дорогой Ян,

Мне чрезвычайно помог твой немедленный звонок после моего письма. В настоящий момент дела неплохи. Я порой выпиваю чересчур много вина, но как только начинаю перегибать палку, просто пару дней принимаю пилюли.

Спасибо за твою открытку из Бангкока, она пришла сегодня утром. Письма еще нет, но наверняка придет в понедельник.

162 Я ужасно рад твоему предложению и приступил к поискам пристанища в Амстердаме. Очень вероятно, – но я еще жду его ответа – я смогу остановиться у Вима Б., биолога¹, он живет на ***грахт. Он днем работает в Артисе², и я могу ходить за покупками и готовить для него. Его милый дружок через 6¾ лет совместных радостей и горестей его покинул. Мы, Вим Б. и я, как-то давно попробовали попрактиковать мужскую любовь в постели, но внезапно нас обоих разобрал хохот, так что это дело отставили. Милый, умный, честный юноша. И от него до тебя пешком можно дойти.

Я пока что назвал ему следующие даты. Мы, D. V., уезжаем отсюда 25-го или 26-го января, может быть, задержимся у кого-нибудь в Бельгии на денек с ночевкой и вернемся в воскресенье 28-го января (новолуние) в С. Я смогу в тот же вечер поселиться у Вима. (Числа 8 февраля мне предстоит пара лекций в Бельгии, но это еще не точно. Скорее всего, я перенесу их на пару дней позже.)

Почта уходит сегодня, в субботу, уже в 12 часов, так что это письмо короткое. Если в понедельник получу твое письмо, напишу опять.

1 Вим Бергманс (1940) – зоолог, друг Реве; адресат «Писем к Виму Б.».

2 Зоопарк в Амстердаме.

Пока что – наилучшие пожелания от Матроса Лиса и твоего Герарда.

«Благодать», 8 января 1979

Дорогой Ян,

163

Огромная благодарность за твое длинное письмо от 3 января. Ты, наверно, между тем получил мое позавчерашнее.

Я одобряю всякое твое распоряжение, потому что просто-напросто почти ничего не знаю о терапии.

Пациент, конечно, может быть скептиком, но если он без особой охоты, не добровольно соглашается на терапию, из этого, по-моему, мало что выйдет. Мне кажется, что умному, красноречивому пациенту не составит труда основательно саботировать лечение, особенно если у него в распоряжении очень короткий отрезок времени.

Нужно иметь доверие и при этом не ожидать чудес.

Я занят подробным описанием трех снов, каждое снабжено моим истолкованием, это не есть что-то само собой разумеющееся. Большое преимущество, что я всегда серьезно относился к своим снам. Я согласен с Юнгом, что бессознательное порой осуществляет про-

зрение, чего сознательный ум в этот момент сделать совершенно не в состоянии.

164 Думаю, что мои основные недуги: 1. Чувство вины и 2. Чувство неполноценности. Чувство вины я компенсирую религиозной преданностью, чувство неполноценности – моими художественными достижениями и трепотней о *Великом Писателе*. Эти два чувства, вины и неполноценности, разумеется, тесно связаны и по большей части перекрывают друг друга.

Еще такое странное противоречие: в то время как я хочу написать уникальную книгу и горд результатом, которому нет равных, я в то же время страдаю от факта, что никто другой не обладает описываемыми мною чувствами или не способен выразить их словами так, как я. Иначе говоря: я достигаю высот одиночества и в то же время его не выношу. Возможно, это суть невроза и его парализующая сила: гнаться за двумя противоречивыми вещами.

Никто себя не знает – это просто невозможно – но у одного человека представление о самом себе ближе к истине, нежели у другого. Предполагаю, что я изображаю самого себя слишком благосклонно, гораздо более таким, каким я хотел бы быть, чем таким, каков я есть. Разнообразные воспоминания о том, что я вытворял или через что прошел, постоянно и болезненно нарушают эту картину. Разнести бы нам эту картину хорошим зарядом тротила.

Через пару дней надеюсь прислать тебе эти сны, переписанные набело. А пока что вновь наилучшие пожелания от Матроса Лиса и твоего

Герарда.

«Благодать», 11 января 1979 165

Дорогой Ян,

Сегодня утром получил в твоей «спасибо» – записке зеленые пилюли радости. Где-то с час назад принял одну, и эффект весьма благотворный: стимулирует, но не взвинчивает. (Я очень чувствителен к возбуждающим средствам, а бывают такие, что вызывают столь чрезмерную эйфорию, что от чистого возбуждения и ощущения благополучия делаешься совершенно бездеятельным и непродуктивным.) Хотелось бы иметь на них выписанный тобой рецепт, если это легальное лекарство, не предназначенное исключительно для обслуживания опасных психов.

Я – теперь уж, по человеческим понятиям, точно – в крайнем случае в воскресенье 28 января в С. Во вторник 30-го у меня интервью с г-жой Алисой Оппенгейм из «Элсевичского журнала»¹, но я всё еще могу пере-

1 Интервью не состоялось.

нести его, если ты, скажем, с понедельника 29-го задумаешь организовать нечто вроде марафонского заседания и не хочешь, чтобы оно прерывалось. Тогда: «Элсевир», например, в понедельник 29-го, или неделей позже, во вторник 6 февраля. Но в любом случае сначала терапия.

166 Я бы тоже хотел посвятить все силы тому, чтобы выступить в роли твоего терапевта. Но ты всё-таки лучше подумай о том, что я никогда не смогу быть в состоянии позволить себе принудительную объективность, которую терапевт обучен сохранять. Это тебе не беседа с приятелем, священником и т. д.: терапевт должен «отбрасывать пациента на самого себя», чтобы заставить нарыв лопнуть. Он, терапевт, должен воздерживаться от высказывания своего мнения. По крайней мере, если я хорошо понимаю суть техники.

Твое страдание, на мой взгляд, состоит, помимо прочего, из следующего. Неслыханное, поистине карикатурно огромное чувство неполноценности; кроме того, у тебя задатки к чрезвычайно тонкому чутью, и ты умеешь, что касается твоего подлинного характера, теоретически очень хорошо и четко, интуитивно судить, но не позволяешь себе этого: твоя эмоциональная жизнь осталась страшно недоразвитой, еще в большей степени, чем моя; ты хотел бы разделять религиозный опыт и трансцендентный экстаз, но закрываешь вход для них, поскольку они слишком уни-

зительны и постыдны для «просвещенного» ума. В твоих экспедициях по направлению к «безграничному» (ибо это есть суть религии) ты всегда заботишься о недреманном оке цензора. Ты ищешь покоя в Слангенбурге¹ и всячески стараешься, чтобы тебе понравилось там (с Гюсом, который имеет самые благие намерения, но который не знает какого бы то ни было религиозного переживания), в то время как этот самый Слангенбург есть всего лишь видимость и чепуха. Ты едешь в Лурд, но окружаешь себя обществом людей, которые обо всем знают, что «это всего лишь это, а это всего лишь то», так что ты всё пребывание там пролежишь в депрессии в автомобиле, потому что боишься, что проявишь «постыдное» волнение. Увы, или к счастью, религия есть нечто пассивное, нечто, что ты не можешь создать или приобрести. Ты наверняка скажешь, что она, парадоксально говоря, нечто негативное, капитуляция перед мифом и *numinosum*². Возможно, это проистекает изнутри (эмпирически психология не может сказать, есть ли Бог нечто иное чем собственное бессознательное), но человек всегда пережи-

167

- 1 Замок между Дутинхемом и Варсефельдом, с 1953 г. используется в качестве гостевого дома находящегося неподалеку бенедиктинского монастыря, открытый для любого желающего.
- 2 Нуминозность – понятие, характеризующее важнейшую сторону религиозного опыта, связанного с интенсивным переживанием таинственного и устрашающего божественного присутствия.

вает это как исходящее снаружи, и как овладевающее им вне его собственной воли. Слово «благодать» тут – самое адекватное описание. Тебе нелегко, поскольку всё твоё окружение, а также по большей части люди твоего ремесла, это городская среда, коллективно страдающая неврозом горожанина – атеизмом. Очень больших душевных сил стоит – заметить расстройство, если все и каждый ненормален, я имею в виду, задаться вопросом: «Это я чокнутый, или все остальные?» Заключение в пользу второго требует немало мужества и избавляет тебя, конечно, но не облегчает ежедневного общения с ближним своим.

Я, конечно, вру бойко, не особо логически последовательно, но в общих чертах верно. Современное официальное кредо таково: жизнь – это химический процесс; человек есть не что иное, как сложный кусок материи; старики – ничто, молодежь всегда – всё; эротика идентична биологической тяге к спариванию; проституция и порнография прекрасны; символа более не существует – пробирка наш Господь; добро и зло есть вымысел; любовь – старомодная, буржуазная иллюзия; и т. д. и т. д.

Сделаешь ты горожанина лучше, если предоставишь ему возможность открыться для ценностей, которые эта культура целиком отвергает? Сможет ли человек выдержать двойную жизнь – внутреннюю освобождающую правду и окружающую массовую ухмылку непонимания и самоуверенной глупости?

Я бы не смог. Но *мне* легко трепаться. Я могу обособиться, и я живу среди крестьян, которые знают, что надо сеять, когда луна прибывает; которые еще устраивают большие праздники; которые отмечают День Поминовения на могилах своих любимых; которые всё еще (по меньшей мере трижды в год) ходят в церковь. «Просвещенное» кваканье газет и Телеящика они пропускают мимо ушей, а Париж для них – «вавилонская блудница», куда, удивительное дело, никто из них не стремится.

Жизнь не простая штука, но это уже замечали и прежде.

Я себе графоспазм заработаю, если буду заботливо записывать все свои сны. Тяжелая работа, но свидетельствует о важности.

На сем – с любовью и пожеланиями мужества от Юпа и твоего
Герарда.

«Благодать», 16 января 1979

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое последнее письмо с размышлениями относительно наших шансов на проникновение к (бессознательной) сути проблемы. Определенно, мой вербальный интеллект и начитанность, что касается психологии и истории религии, могут испортить

терапию *ad infinitum*¹, но умение читать, писать и мыслить абстрактно тоже ведь может быть преимуществом? Люди с уровнем ниже определенного (я не имею в виду воспитание и школьное образование, но врожденную структуру личности) – они ведь не в состоянии нажить невроз? (Хотя, порой, психоз и истерическое состояние.)

170

И если кто-нибудь моделирует систему функционирования или неисправности человеческой души, вопросов этики, смысла существования, и т. д., тогда это учение или метод должны быть смоделированы для тех, кому вся проблема чужда, кто, например, еще не знает сильных душевных волнений, не умеет мыслить абстрактно? Какой смысл имеет система этики, какое-то конфликтное учение для людей, не умеющих разглядеть или испытать внутренний конфликт и которые, как животное, не помнят больше человека, как только он вышел за дверь?

Всего лишь один из десяти, или один из сотни, или один из (десяти) тысяч людей – человек, я имею в виду создание, такое, каким примерно его задумал Бог. Остальные – животные, бегающие на задних лапах. Да, конечно, порой даже «интеллигенты». «Маман»² обладает, в сущности, внушительным интеллектом, который с поистине ошеломительной

1 Навсегда, навеки (лат.).

2 Мать Мышонка.

верностью увлекает всё к провалу, разочарованию и разрушению. (Благодаря своему психопатическому «радару» она в состоянии, точно яснослышащий попугай, высказать все твои мысли еще до того, как ты произнес их вслух.) Но не должно принимать за истинный интеллект то, что не может судить и интерпретировать. Животным и почти всем людям свойственен исключительно *Erkenntnisz*, но не *Vernunft*¹. (Так различает Шопенгауэр.)

171

Я спрашиваю себя, действительно ли учение Юнга имеет силу только для художников. Я полагаю, что его учение – для людей, а не для, например, демонстрантов, выступающих против эмансипации или образования землевладельцев (более честного разделения земли) в Персии, и не для людей с нематыми бородами и усами, которые отлично умеют производить звуки, но не знают языка: «ценить» (для «расценивать», «оценивать»), «насаждать» (для «учреждать», «устанавливать»), «манипулировать», «крайняя ситуация», «согуманность» (звуки, не слова, что-то обозначающие). Я имею в виду дружелюбные создания, которых ты лечишь за столько-то в час (они должны платить тебе всего лишь 85 центов в час, но даже и этого количества никогда не получаешь), но которые, как только почувствуют себя лучше, раскроют тебе череп

1 Правильно: Erkenntnis (нем.). Различие между «знанием» и «рефлексирующим разумом».

в переулке, если узнают, что у тебя в кармане 35 гульдей; а потом их отпустят, поскольку в юности они недополучили любви и заботы. Но мне надо бы поосторожнее, ибо я гоню тебя из траншеи с палкой в руках на штурм пулеметной вышки.

172 Ну, не падай духом. Подводя черту, что касается дат: прибытие в Отчизну в последние выходные января. Потом звоню тебе и, если безответно, сразу же записку почтой. Всю последующую за этим неделю я в твоём распоряжении, живу и прописан у Вима Б., ***грахт 31-1, телефон ***. (В справочнике под буквой «С».) Договоренность на интервью с «Элсевирским журналом», что предположительно состоится на дому у самой журналистки, г-жи Алисы Оппенгейм, Лейден, телефон ***, во вторник 30 января. Если ты не хочешь нарушать бесперебойность, я без труда могу перенести дату на, скажем, неделю или даже позже, но дай мне знать ответным письмом.

Так что – с любовью от Юпа и твоего
Герарда Реве.

Прилагаю ксерокопию моих снов. Бумага прочнее и текст читабельнее, нежели оригинал, и можешь ее пачкать и мазать сколько душе угодно.

Дорогой Ян,

Вот некоторые мои сны, которые я записал; каждый сон сопровождается истолкованием, на какое только способно мое крестьянское разумение.

173

Для начала скажу, что хотя я всяческий другой треп записываю довольно легко, записывать сны стоит мне большого труда. То есть они почти все нуминозные, и, похоже, что я стыжусь их откровенно религиозного содержания, или, иными словами, я всеми силами сопротивляюсь религиозному опыту. По большей части это вещи, которые в современном обществе лучше не упоминать, если не желаешь, чтобы люди в ужасе отодвигали стулья, многозначительно переглядывались или подумывали, не вызвать ли «скорую».

К снам я отношу также и граничащие с дневными грезами галлюцинации: всё, что происходит ниже порога сознательного, как бы неглубоко оно ни было, я полагаю заслуживающим внимания.

Начну с такой «галлюцинации». В один прекрасный день в конце шестидесятых или в начале семидесятых, когда я неслабо закидывался успокоительными (хлоралгидрат и неулептил) и, надо сказать, вино пил (но ничего крепкого), но его-то как раз больше, чем надо,

я прогуливался в полдень в окрестностях моего дома «La Grâce», я имею в виду Дом «Трава»¹ в Греонтерпе. Внезапно я услышал сильный порыв ветра, но, хотя я совершенно отчетливо почувствовал его дыхание, на окружающих деревьях не шелохнулось ни одной ветки, ни одного листика. Одновременно с этим прозвучал голос; хоть и раздался он во мне самом, – я каким-то странным, необычным образом почувствовал как собственный: голос пронесся «сквозь меня» – отчетливей я, к сожалению, описать не могу, – слова: «Утешь Меня в Моих страданиях. Будь со Мной в Моём Одиночестве». Мной овладело огромное волнение, и я в тот же момент ответил вслух: «Обещаю. Я никогда Тебя не покину». Чистый Божественный опыт, если угодно, и притом такой, коего Майстеру Экхарту² или равноценному мистикю не пришлось бы стыдиться, но я не знаю, что с ним делать. Можно ли в наши дни рассказать об этом в интервью газете или Телеящику (в какой-нибудь другой программе, не посвященной Сантпорту, Мер-ен-Бергу и т. п.)³?

1 Игра слов: «La Grâce» (фр. благодать), «Het Gras» (нид. трава).

2 Meister Eckhart (учитель Экхарт), известный также как Иоганн Экхарт (ок. 1260–ок. 1328) – средневековый немецкий теолог и философ, один из крупнейших христианских мистиков, учивший о присутствии Бога во всём существующем.

3 Имеется в виду психиатрическая клиника.

Итак, сон первый.

Когда мне было лет восемь-девять, а может даже и меньше, приснился мне сон, который – возможно, из-за сказочного своего характера – остался у меня в памяти до малейших деталей. В этом сне я, верхом на спине огромной рыбы, ехал на Луну. Луна приняла меня очень гостеприимно, и по истечении моего визита сопровождала домой. Рыбина застыла в воздухе перед окном верхнего этажа родительского дома, где у отца был кабинет, выходящий окнами на улицу. Окно кабинета было закрыто, но, несмотря на это, Луна сняла меня с рыбьей спины и попыталась высидеть в комнату через закрытое окно. Разумеется, ее попытки увенчались неудачей, и она бросила меня. Я упал на землю, и тут сон кончился, потому что я проснулся.

175

В то время сон показался мне лишь гротескным и странным, и я не мог дать ему никакого объяснения. Только много десятилетий спустя я уловил его символику, и постепенно мне удалось его истолковать.

Рыба – издавна символ бессознательно-го, незащитно нечленораздельного – немого, в конце концов – внутреннего мира. Тот, кто, согласно вульгарно-фрейдистским понятиям желает видеть в рыбе мой стоящий между ног член и мое половое влечение, ради бога: я не исключаю этого значения, но тогда ее, рыбу, в свою очередь следует рассматривать как символ моей эротики в целом – сексуаль-

ной, социальной и религиозной: рыба есть целое моей эмоциональной и сексуальной жизни. Луна также символизирует чувство, женскую нежность, женское сопереживание, источник материнства, религиозные переживания и творческое начало. Если кому-то вздумается интерпретировать мое путешествие на рыбе вверх, на Луну, как инцестуальное влечение к матери, я соглашусь, но, опять же, это представление я смогу принять, в свою очередь, только как символ поиска заботы и тепла, защищенности и эмоциональное понятие в целом. Это стремление, кажется, в первой инстанции удалось, но теперь достигнутое должно быть реализовано. Если же дом, и в особенности его фасад, символизирует человека, то окно «верхней комнаты» моего отца должно означать его лоб, то есть его разум, в который я тщетно искал доступа. Отец мой был целиком и навсегда закрыт в так называемом «интеллектуальном» мышлении об историческом материализме и марксизме, которые всё подвергают сомнению и не приписывают чувствам ни единой определенной ценности или силы. Ни о глубочайших и подлинных основах существования, ни о том, что мною двигало в сложной моей жизни, я никогда не мог обменяться с ним ни единым осмысленным словом. Сон указывал мне на совершенно безнадежные попытки наладить хоть какой-нибудь контакт, за много лет до того, как я смог прийти к этому заключению из собственного опыта.

Можно, конечно, провести общую параллель между отцовским «разумом» и моим. В этом случае сон сообщает о том, насколько трудно, почти невозможно будет мне в жизни примирить чувство и разум.

Вес моему сну придает еще тот факт, что в моем гороскопе Луна стоит в знаке Рыб.

В середине лета 1975 г., примерно год после того как я купил дом «Благодать», ночью в маленькой спальне наверху был мне сон, который от всех других снов отличался яркой силой и тем, что оставил во мне глубокое, неизгладимое впечатление.

Мне снилось, что я проснулся. Во сне в комнате было светло, шесть часов утра. (В действительности была глубокая ночь.) Моя мать вошла в комнату – в сопровождении шестерых малышей. Во сне мне не подумалось, что она уже лет пятнадцать как умерла. Но я выразил удивление ее ранним визитом. «Что-то раненько ты поднялась, – заметил я. – Да, – отозвалась мать, – мне надо к... – Она не закончила фразу, или я не расслышал. Она тут же продолжила довольно решительным тоном: – Ступай к дяде Яну, на Ян Стенстраат. И прихвати бутылку чего-нибудь выпить». В этот момент я проснулся в крошечной тьме и услышал только вой сильного ночного ветра. Сначала мне захотелось выпить, чтобы прийти в себя, но, поразмыслив, я сварил кофе. Прошло несколько часов, почти рассвело, прежде чем я снова улегся в постель.

Некоторые сны мало или вовсе не впечатляют нас; но бывают такие, которые производят на нас столь неизбежное впечатление осязаемой реальности, что оно порой длится несколько часов после того как проснешься, прежде чем можешь дать себе полный отчет в том, что это был «всего лишь» сон. Это был определенно тот самый случай: я редко прежде переживал во сне подобное ощущение физического присутствия. По силе моего волнения я заключил, что сон пытался сообщить мне нечто очень важное, и я попробовал истолковать его.

Почему во сне, в таком противоречии с действительностью, это было в шесть часов утра, и почему мою мать сопровождали шестеро малышей, в то время как в действительности она родила всего троих детей?¹ В численной символике шесть – число Зверя, что истолковывается как тяжкий конфликт и сигнал срочной тревоги. Оно содержит, троекратно усиленное, двойственность, например, противопоставление Бога и творения, или борьбу Бога с Сатаной. В Апокалипсисе Зверь обозначается числом

1 В 1918 г. родился первый ребенок Г. Я. М. ван хет Реве и Я. Я. Дорнбуш. Его назвали Карл Владимир, и он умер шести месяцев от роду. 19 мая 1921 г. появился на свет Карел ван хет Реве; 14 декабря 1923 – Герард. Согласно дневниковым записям Анни Ромейн-Версхор у супругов Реве было в целом шестеро мальчиков: четверо умерли во младенчестве. (См. Теодор Холман, «Карел. Жизнь ненужного человека», Амстердам 1991, с. 20.)

666, что, полагаю я, не стоит читать как современное десятично структурированное число: сотни плюс десятки плюс единицы, но, скорее, как три раза подряд с нажимом повторенные цифры: «Шесть! Шесть! Шесть!». Время – шесть часов утра, и шестеро детей, должно быть, подчеркивали серьезность ситуации: время – одно из «сейчас или никогда», а количество детей должно придавать материнству моей родительницы драматический, предостерегающий вес. Что касается числа детей, то возможно и другое объяснение, которое не обязательно исключает вышеупомянутое: хотя моя мать родила троих живых детей, я знал, что у нее были выкидыши, так что шестеро детей представляли шесть ее беременностей.

Теперь вопрос, что означает ее первая фраза: «Да, мне нужно к...», окончания которой не было или я его не расслышал. Не была ли она на пути к Тому, Чье имя некоторые народы не смеют ни произносить, ни писать?

Кто этот «Дядя Ян, на Ян Стенстраат?» Дядя Ян был младшим братом моей матери, который и ее, и остальных своих братьей пережил на много лет. Он во всем был живая противоположность моей матери: бездельник, бахвал и паразит, который ни разу в жизни палец о палец не ударил, и уже с 1913 г., – возможно, поскольку некогда заседал в муниципальном совете Компартии Амстердама¹ и тем са-

1 Ян Дорнбуш состоял членом амстердамского муниципального совета с мая 1923 по сентябрь 1927 гг.

мым запугивал чиновников, – всю остальную жизнь, будучи физически совершенно здоровым, жил на социальном обеспечении; дома у нас он брал книги и продавал их на рынке, обчищал огород моего деда (своего отца), когда старика там не было, чтобы на дармовщинку запастись овощами, в последние его двадцать лет жизни соседки заботились о нем pro deo как о нищем отщепенце; и что же, когда он умер, не оставив завещания, выяснилось, что на его счету лежало тридцать тысяч гульденов.

Мы знаем теперь, стало быть, кто такой этот «дядя Ян» буквально, но «дядя Ян» в общем смысле означает еще и кое-что другое: ломбардщик, процентщик, у которого бедняк, социальный неудачник или пропойца обращают в деньги последнее имущество.

Почему дядя Ян во сне живет на Ян Стенстраат, в то время как в действительности он жил очень далеко, в часе ходьбы от этой улицы? Очень просто: потому что его мотовская и исключительно за чужой счет жизнь была «хозяйством Яна Стена»¹.

Теперь – бутылка, последнее, что моя мать кому-нибудь дала бы или вознамерилась бы дать. (Мои родители настолько редко прикасались к спиртному, что их, практически без преувеличения, называли трезвенниками.) Ее совет, стало быть, тоже был одним

1 Отсылка к жизни и творчеству нидерландского художника Яна Стена (1626–1679).

из саркастических: «Смотри, делай что хочешь, а я руки умываю». «Если выбираешь бутылку и хочешь сделаться тунеядцем, неудачником и человеком, который и себе и другим в тягость, сам смотри. Я теперь с итогом моей жизни на пути к Господу, и ты видишь меня в последний раз», – вот смысл появления моей матери и ее слова.

Во время этого сна, – за исключением некоторых маленьких побед временного характера, – моя битва с Королем Алкоголем была в самом разгаре, и о результатах приходилось только гадать.

Что должен был я думать о «правдивом» или «неправдивом» характере сна? Вопрос ли это явления кого-то, кого я могу рассматривать существующим вне и независимо от меня? Или же эта картина – продукт моего собственного состояния духа и нечистой совести? Возвышенный, абсолютный характер этого опыта заставляет меня ценить его как объективное, извне сошедшее на меня происшествие.

Однажды летом, и тоже сравнительно недавно после того, как я купил дом во Франции и стал жить в нем, я видел сон, который оставил в моей душе глубокий отпечаток.

Во сне у меня были намерения поехать куда-нибудь в отпуск за границу, и я спрашивал по этому поводу совета у друзей и знакомых. В основном мне советовали Бейрут, в Ливане:

не столь далеко, приятный климат, приветливые и честные люди – для голландца наиболее важное соображение – и всё там баснословно дешево.

182 Во сне я в одиночестве отправился в Бейрут. (В то время я жил уже примерно пару лет один.) Там я столкнулся с массовой проституцией мальчиков. Мальчик стоил что-то 40–50 центов. Отвращение и похоть вели во мне яростную битву. Похоть была почти непреодолимой, но в то же время я отвергал грошовое удовлетворение как глубоко унижительное и сводящее на нет всякое удовольствие. (Я нахожу, что после убийства, издевательство над детьми и животными, проституция и всё такое прочее – это самая низшая степень человеческого падения.) Я бродил, расстроенный, по улицам Бейрута и в какой-то момент вошел в здание в викторианском стиле, принадлежавшее некоему религиозному обществу. Члены его, в основном пожилые женщины, были кальвинисты, пиетисты или же пуритане («церковь черночулочников»), и всё, что там читалось, декламировалось и распевалось, было сухим, холодным, отчужденным от мира, бесчувственным и абстрактным. «Нет, только не это, – подумал я и, глубоко разочарованный, вновь вышел на улицу. Чаша моего отчаяния переполнилась, но тут я услышал Голос «откуда-то», обращавшийся ко мне. Голос произнес: «Но чего же ты тогда ищешь? – Я ответил: – Я ищу тайну, о которой знаю, что это

Любовь. – И если ты найдешь эту Тайну, что ты сделаешь? – спросил голос. – Преклоню колени перед нею», – ответил я и пробудился, обливаясь слезами.

Сон поведал мне, что, только освободив в моей жизни законное место для религиозного опыта (т. е. через это «преклоню колени»), я смогу противостоять двусмысленности существования.

183

(Удивительным совпадением был тот факт, что в ту же ночь израильтяне лихо высадились на побережье близ Бейрута, оккупировали дороги [на перекрестках аккуратно расставили солдат для регулировки движения, так что население думало, что идут «съемки фильма»], на летном поле Бейрута уничтожили все ливанские военно-воздушные силы и, не пролив ни единой капли крови, вновь погрузились на корабли.)

Отдельную категорию представляют собой сны, которые я называю «повторными». Иногда несколько ночей подряд, иногда с паузами человеку снится один и тот же сон. Однако он больше не возвращается, если удастся его истолковать или, если в нем всплывет по крайней мере один осмысленный элемент, который можно объяснить как интерпретацию во время самого сна.

Бесчисленное количество раз мне снилось, с пятидесятых до середины шестидесятых, что я вновь хожу в гимназию, в этом моем воз-

расте, и безнадежно пытаюсь сдать выпускной экзамен. (Моя неудача в гимназии и в связи с этим невозможность учиться в университете здорово тяготили меня даже тогда, когда я уже был известным писателем.) В последней версии сна, который затем уже более не повторялся, вдруг появился человек в кепке, который сказал: «Но тебе же совершенно не нужно больше ходить в школу?» Смущенный, я согласился с ним и с облегчением проснулся.

«Человек в кепке» – обычный человек из народа, который не умеет написать эссе о свободной воле и т. д., не может решить ни единой сложной проблемы, но чье в высшей степени упрощенное суждение порой может вершить чудеса. Я был настолько захвачен проблемой, настолько запутался в ней, что больше не способен был увидеть очевидного. Но мое подсознание могло.

Много раз мне снилось, что я убил человека, и хочу избежать разоблачения и наказания. Сны были кошмарной интенсивности и волновали совершенно по-настоящему. В последней версии сна я временно припрятал тело, после чего день за днем (во сне) сеть подозрений стала всё уже и уже стягиваться вокруг меня. Началась игра в кошки-мышки со следователем, как в «Преступлении и наказании». Прямо перед моим (определенно неизбежным) разоблачением я в поту проснулся. Я встал в 8, но лишь в 11 часов утра сообра-

зил, что приснившееся не было правдой! Сон такого длительного действия точно должен был означать нечто очень важное! Я начал пытаться истолковывать его, но вся история была и оставалась для меня «чушью». Тогда я стал копаться в деталях. Кто был этот убитый человек и как он выглядел? Он был слегка лысоват, но в остальном – моего возраста и примерно моего сложения. И тут меня озаорило. Не означал ли сон компенсацию за мое сознательное, возможно, слишком оптимистичное принятие и воинственную публичную защиту собственной моей гомосексуальности? Не означал ли, таким образом, сон глубоко проникшее самообвинение: «Не убил ли ты человека в себе?» Или: «Ты действуешь так храбро и так прогрессивно, но в действительности ты так же испуган и так же сильно презираешь себя, как первый попавшийся трусливый педрила?» «В глубине сердца можешь ли ты всё же, невзирая ни на что, сознаться в своей роли?» (Это не *признаться* в убийстве во сне.) Подобное истолкование меня не удовлетворило. Что-то было в этом объяснении, но катарсиса не вызвало. Открытое признание моей склонности определено было усилием всей моей личности, невзирая на случайные колебания, сомнения и стыд.

Я опять стал прослеживать детали. Почему был этот убиенный мною человек частично лыс? Что означает лысоватость? Потом, далеко не сразу, мне внезапно припомнились

«Вечера». Только тогда я понял, что хотел сказать мне сон: «Ты всегда будешь затравленным и преследуемым человеком, если не примиришься с тем, что стареешь».

186

Дважды снился мне один и тот же сон, возможно, всего лишь с двух-трехдневными паузами. В этом сне я совершал акт любви с Богородицей в образе молодой женщины. Восторг и совершенное удовлетворение превзошли почти всё, что я когда-либо испытал в любви. Это был безмерный, совершенный опыт в почти совершенно темной комнате, в которой лишь Ее тело и постель были ощутимы и смутно видимы. Я не помню окружения, обстановки комнаты или чего-то в этом роде. Могу заверить всех неверующих, что Она «может это» как никто другой: бурно и страстно, но в то же время с бесконечной нежностью.

Я живу в 1978, а не в 1378, но всё же хочу объявить «королям, языкам и нациям», что дважды переспал с Марией.

Но почему дважды, а не единожды или трижды? Думаю, что она затащила меня к себе в постель «для проверки», когда ее календарь показывал безопасные дни, или же предусмотрела контрацептивы. Я понравился ей, и мне было позволено послужить ей еще раз, и я был признан достойным быть с ней в ее плодотворные часы, без применения каких-либо противозачаточных средств, и сделать ее чреватой Младенцем.

Некоторые весьма странные, предположительно магические события я удобства ради также приписываю к области снов, ибо подозреваю, что во время исполнения этого большей частью должен был пребывать во власти моей подсознательной личности. Происшествие¹ имело место лет девять–десять назад. Тигр и я ехали из Нидерландов в мои Укромные Владения во французском департаменте Дром. Если двигаться к югу от Вердена² по скоростной дороге Марне («voie sacrée»³ 1914–1918), где-то в районе Ст. Дизье, где дорога ведет через лес, потом поворот направо, обозначенный деревянным указателем *N. D. Des Pauvres*. Дорога, немногим шире подъездной аллеи, через несколько сотен метров приводит к расположенному на границе леса и поля, довольно заброшенному святилищу, представляющему собой открытое с трех сторон,

1 Согласно 22 главе романа «Мать и сын».

2 Verdun – город в Лотарингии на реке Мёз, преимущественно на левом берегу, подле крепости. Во время Первой мировой войны в городе велись грандиозные бои между французской и немецкой армиями, в результате чего он был полностью разрушен.

3 «Священная дорога» (*фр.*). Во время удара по Вердену название было присвоено 135-километровому пути, связывавшему Бар-ле-Дюк и Верден через Роснис и Суи. Эта дорога была единственной, которая использовалась в 1916 г. для подвоза снабжения французской армии продовольствием и боеприпасами.

но увенчанное крышей храмовое помещение, в котором висит холст маслом; он изображает Марию, такой, какой она в середине тридцатых годов сего века предстала здесь некоей девочке¹. На памятной доске упомянуто, что «*véricité*»² этого события признано епархией. В часовне поддерживается относительный порядок, но цветы в вазе по большей части – я не раз посещал это место – были уже несвежими. Там имеется кружка для пожертвований и свечница со скривившимися свечами, полочка со скрученными от влаги брошюрами и т. д. Всё это произвело на меня впечатление напрасной попытки основать в этом месте в кризисные годы³ нечто вроде «собственного Лурда».

Неумелость и бедность духа всего замысла подавила меня, но в то же время пробудила смешанное с глубоким состраданием

1 Реве не совсем точен. Картина анонимного художника изображает явление Святой Девы Мариетте Беко в Баннё, в окрестностях Льежа (Бельгия). Двенадцатилетней Мариетте (1921–2011) в период с 15 января по 2 марта 1933 г., по ее признанию родителям и местному священнику, являлась «дама в белом, называвшая себя Девой бедняков». Впоследствии в Баннё была построена часовня N. D. Des Pauvres.

2 Достоверность (*фр.*).

3 Часовня в Ланевиль-а-Беар (Laneuville à Bayard), вторая во Франции часовня св. Девы Бедняков, была построена в 1954 г. Моделью ей послужила, конечно, часовня в Баннё.

чувство. Я послал Тигра стоять на страже – шанс, что сюда могут прийти, был ничтожен, но всё же не исключен полностью, – преклонил колени перед алтарем, взглянул на уродливую картину, расстегнулся и принялся мастурбировать. Я не подхватил свою «вторую, белую кровь», или «любовный сок», но излил ее на каменный пол: я ни в коем случае не рассматривал это как осквернение. Затем быстро застегнул брюки и поднялся. В этот момент появился автомобиль с семейством. После обычного ритуала паломников (зажечь свечу, помолиться) семейство отбыло восвояси. Моя похоть после первого удовлетворения не только не уменьшилась, а, напротив, возросла. Вновь встал Тигр на вахту, и вновь я совершил то же действие. Впрочем, после этого я чувствовал себя несколько смущенным и пристыженным, но иное чувство, всепобеждающее, непреходящее, было гораздо сильнее: глубокое осознание исполнения неопределимого, святого долга. И это чувство я сохраняю по сей день. Какое раздражение не вызывали бы у людей мои действия, я полагал их великим и священным событием, в котором я являлся всего лишь рабочим инструментом чего-то неизмеримо большего, нежели я сам, из собственной осознанной воли и вдумчивого размышления действующей личности.

Я больше не помню отчетливо, о чем думал во время свершения этих действий, но полагаю, что я пообещал Ей, если она пожелает,

наказывать и бичевать мальчиков (оскверняющих Ее имя?).

190 Человек желает отличаться от всех остальных, но также и соответствовать им. Он желает быть, насколько это возможно, «особым» и уникальным, но в то же время страстно мечтает, чтобы его уникальность всё же где-то «состыковывалась»: никто не хочет быть «чокнутым». Так что в последующие годы я искал в различных сочинениях по истории религии данные, которые могли бы спасти меня от моей изолированности. В конце концов, я нашел следующее: в Спарте нагих юношей до смерти бичевали пред статуей Артемиды в ее честь, так что белый мрамор ее был в изобилии залит кровью. И в Испании вплоть до 19 века существовал обычай, что молодые люди, еще не познавшие женщины, в определенные часы могли мастурбировать в церкви перед статуей Марии.

Закключение: в моем характере, несомненно, имеются как истерические, так и психопатические черты. Особенность истеричности, однако, в том, что она дезориентирует всю жизнь и действия, и в бесстыдном и досадном размере требует непрерывного внимания от внешнего мира. Намного больше того, что я тут написал, я заботливо приберег для самого себя, чтобы «хранить в сердце».

И разве мое поведение, мои представления – черты психопата? Для современного,

«просвещенного городского человека, возможно, да. С самой ранней юности моя эмоциональная жизнь подавлялась с почти всеокрушающей силой. Теперь же, когда она, наконец, получила возможность проявляться, это должно происходить в первой инстанции на элементарном, рудиментарном, примитивном, архаическом и т. п. уровне. Возможно, мои художественные способности способствуют произведению архетипических, вневременных представлений, и я благодаря этому дару могу распознавать и понимать символы посреди мира, в котором царит всеобщая к ним слепота.

191

Герард Реве.

«Благодать», 17 января 1979

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое письмо от 12-го, в котором ты называешь окончательную дату и рекомендуешь привезти фотографии и письма.

Очень хорошая идея – приехать сюда на Пасху для дополнительного курса лечения.

Вчера вечером – поистине пьяная драка. Насколько могу припомнить, Юп пытался запинать меня до смерти. Я перепугался и дал деру к соседям. Соседка Х. привела в порядок мою слегка помятую рожу. Я думал, что те-

перь всё, в смысле наш брак, на этом оборвется, но мы поговорили, и Юп остался со мной, на том условии, что я больше не пью. Я это условие принял. Это мне в целом совершенно несложно. Я ведь пил, скорее, по неосмотрительности и по привычке, нежели для настоящего удовольствия. Знаешь, что странно: я неоднократно по собственной инициативе переходил на сухой режим, но на второй-третий вечер появлялся Юп с бутылкой вина и двумя бокалами. Или он это из сострадания? Мне до лампочки, если кто-то пьет, а я нет.

В воскресенье или понедельник 28-го и 29-го, D. V., к Виму Б., как договаривались. Неплохо бы там акклиматизироваться пару дней. Его адрес и номер телефона (если я не написал прежде): ***грахт 31-1, телефон ***. (Если потеряешь номер, он стоит в разделе «С».)

Я тебе, разумеется, позвоню в воскресенье 28-го, или раньше. 30-го, во вторник, я занят, как я тебе уже писал, но и ты тоже, так что всё в порядке.

Я абсолютно не знаю, представляет ли собой всё это сновидческое великолепие, которое я тебе вчера послал, какую-либо ценность: я имею в виду, возможно, всё это лишь конфликты, которые скрывают истинный конфликт.

Юп написал тебе письмо и отправит его отдельно. В нем – его взгляд на положение здешних дел. Я его не читал. Полагаю, оптимизмом

оно не дышит. Его идея написать тебе возникла спонтанно и для меня явилась сюрпризом.

Нужно попытаться не падать духом. С любовью от Юпа и твоего

Герарда.

P. S. Что касается юпова письма: имей в виду, что в Нидерландах для некоторого количества людей – не истинных друзей, разумеется, – Юп – всего лишь «дружок Герарда Реве»; Тигр тоже от этого страдал: сквозь него просто смотрели – на меня. Я знаю, что письмо Юпа ты воспримешь столь же серьезно, как и мое, и придашь ему такую же важность, но, пожалуйста, избегай прежде всего любого притворства, что это не так.

193

«Благодать», 19 января 1979

Дорогой Ян,

Огромное спасибо за письмо от 17-го и за рецепт, на который я поставил штемпель с датой 28 января 1979, первый день, D. V., нашего пребывания в Отечестве.

Дата, которую ты еще раз упомянул в деталях, во всех смыслах подходит замечательно. В воскресенье 28-го (или раньше) я тебе позвоню.

Что касается твоего стремления к автономии, то ты ее в каком-то смысле добился,

и я полагал, что ты своей цели достигнешь, при условии, что с твоей стороны не последует никаких коротких замыканий, ведущих к кризису. Чем выше интеллект, тем более магически функционирует эмоциональное мышление. (Экстремальный пример – невротик; в то время как результаты собеседования еще не известны, он уже отказался от имеющейся должности.)

Я попытаюсь вместе с тобой проникнуть в твое прошлое. Должны существовать параллели, и, возможно, сравнительные опыты, которые я, к примеру, переживал так же, как и ты. Посмотрим.

Ты предполагаешь, что моя боль уходит корнями в прошлое. Я от всего сердца надеюсь, что так оно и есть. Говорят, что прошлого не исправишь, и что нужно думать о настоящем, но действительно ли это так? Прошлое можно рассматривать и интерпретировать как угодно. Оно больше не *in concreto*, и можно заклинать его, как злой дух, привидение и т. д. Это нечто застывшее, и можно всякий раз заново, со всех сторон, приближаться к нему. Если такое приближение один раз не получится, тогда, возможно, в следующий раз. В сущности, сегодняшний день еще более невозвратен и более могущественен, и над ним у тебя куда меньше власти. Так что я от всего сердца надеюсь, что твой предварительный диагноз верен.

Впрочем, есть ли у меня причины жаловаться на настоящее? В минувшие десять

лет я поистине прошел через всё. После того, как я – пусть частично – вырвался. Я – затонувший в море жизни корабль, все устои разрушены, всё отнято, целая череда третьесортных любовников, чуть ли не психопатов или преступников, пытающихся сравнить меня с землей, и т. д.

Но между тем я продолжаю писать! Если мы началом великого разброда укажем 1968/1969 гг. (покупка Укромных Владений в Веске, получение премии П. С. Хофта, но в то же время начало связи с семейкой чокнутых в Венендале, мой побег в Верт и т. д.), то увидим, что после этого перелома я написал ровно столько же, а то и больше, чем за все предшествующие годы вместе, а качество ничуть не хуже! Я, наконец, смог, географически и экономически, стабилизировать свою позицию. Каких бы там ни было заморочек с Юпом, по сравнению со всеми минувшими годами молодости он – коронный приз в лотерее любви. Ссор достаточно, напряжения хоть отбавляй, но что ты хочешь. И я между тем пить бросил, и всё это дерьмо, которое жевал или ложками вливал в глотку. Пятьдесят пять лет, да, конечно, но здоров и полностью работоспособен. И более не беззащитен против проходного двора всяческих проныр и маргиналов. При всем желании не могу никого в мире назвать, у кого дела обстояли бы лучше, чем у меня. Разумеется, совершенно никаких гарантий против депрессий, но если

я стал бы искать конфликт в настоящем, пошел бы по неверному следу.

196 Ты вот говоришь о фотографиях и письмах. Конечно, я привезу их, но в самом ли деле они нужны? Разве они не предназначены для людей, умеющих думать рассудительно, и для тех, кто уже в ящик сыграл, оставил сию юдоль? У меня и без фотографий каждый с фотографической четкостью запечатлен в памяти. Воспоминания сами по себе гораздо отчетливее снимков. Но не хочу рассусоливать.

Стоит очень печальная пасмурная погода. Кому нечем заняться, свихнуться может. К счастью, у меня гора почты.

Почти через двадцать пять лет я написал Руди Коусбруку¹ в Париж. (Я довольно хорошо знал его в начале пятидесятых.) Воодушевленный ответ, на который я за два дня ответил четырьмя письмами в примерно три кварто-листа. Теперь я больше от него ничего не слышу: «множество впечатлений» иссякло.

Уединение здесь чересчур полное, прежде всего для Юпа, который не может так вот взять да начать трепаться о том о сем с соседями. Мы должны тут что-нибудь придумать: чаще в Отечество ездить, или время от времени приглашать избранных гостей из Нидерландов.

¹ Недавно получил Нобелевскую премию для Нидерландов и Колоний (*прим. Реве.*). В августе 1978 писателю Руди Коусбруку (1929 – 2010) была присвоена премия П. С. Хофта за 1975 г. Вручение премии состоялось в сентябре 1978 г.

Как я уже тебе писал, было бы потрясающе, если бы ты приехал к нам на Пасху (в середине апреля). В чем твое поведение до сих пор отчетливо отличалось от моего: твое беспокойство и неспособность с этим бороться, сомнения по любому поводу, пару дней подряд сидеть на одном и том же месте, созерцающая облака и горизонт. Или же ты слишком застенчив, или сомневаешься, что здесь тебя ждут с распростертыми объятиями, или боишься мыслей, которые нахлынут, как только заглохнет мотор, одному Богу известно. Это беспокойство в любом случае стоит кучу бензина.

Так что: смело вперед! (Куда?) С любовью от Юпа и твоего

Герарда Реве.

«Благодать», 7 февраля 1979

Дорогой Ян,

По-моему, терапия дала результат. Мы оба сделали спокойнее, и настоящее напряжение ушло. Жаль, что я не могу немножко подольше взять тебя в оборот, но будем надеяться, что сможем сделать это где-то к Пасхе в «Благодати». Наши с тобой проблемы кое-где выказывают параллели и сходство, хотя скажем, вот тебя, например, терзают страхи, которых

я (больше) не знаю. Раздражение, агрессивность и остальное, это мне знакомо, но больше никаких существенных страхов.

198 Кстати, нынче ночью видел любопытный сон. Срал это я в каком-то предположительно тропическом сортире. Очко и душевой сток, как это у нас по большей части в Индии бывает, объединялись в клоаку. Сточная дыра была маловата, и мне пришлось смывать говно ручным душем. Мой мягкий тюрбан, оказалось, был набит живыми лягушками, которые постепенно все исчезли в стоке. Я было закручинился о зверушках, но кто-то заверил меня в том, что они попали в «открытую канализацию» для исключительно органических отходов, так что непременно «выйдут сухими из воды».

Если рыба – это подсознательное, то амфибия – предсознательное или почти сознательное. (Лягушка в сказке – зачастую очарованный принц.) Если сон в основном толкует смысл и картину подсознательного, то этот сон выносит благоприятный приговор терапии: «Определенные полусознательные или предсознательные содержания всплыли наружу, и ты их усвоил».

Короче, нам полегчало. Я и по Юпу замечаю, что он стал меньше раздражаться, и меньше запуган и подавлен.

Твоя и моя проблема остается – мы можем посмотреть ей в глаза и что-то в ней изменить, но полностью решить ее мы не сможем нико-

гда – это как стоять на обеих ногах, продолжая опираться на другого.

До Пасхи или что-то вроде того! С любовью от Юпа и твоего Герарда.

«Благодать», 15 февраля 1979 199

Дорогой Ян,

Большое спасибо за копию статьи Бар-Левао. Страх не-быть-более-накормленным, быть оставленным и т. д., глубоко въелся в меня. В повседневной моей жизни он прежде всего выражается в страхе перед бедностью и зависимостью от других. Моя *Возлюбленная Публика* (мой собственный как иронический, так и серьезный термин), которая лелеет меня, но так же и со дня на день может «бросить», положительно одна из проекций истинной матери.

Между тем терапия определенно помогла Юпу и мне. Мы сделались спокойнее, менее напряжены и т. д. Разумеется, радоваться пока рано. Еще ни в коем случае не установлено, не будет ли наше поведение в значительной степени управляться некоторым количеством разумных соображений типа «избегать ссор», «сохранять единомыслие», и т. д., при том что внутренне почти ничего не изменилось.

Вполне возможно, что в глубине мало что произошло, однако у меня есть избавительное чувство испуганного подростка, которого, лучше поздно, чем никогда, немного просветили в сексуальном отношении.

200 То, что я так много узнал о моей матери и родительском доме, я прежде счел бы за невозможное. Мысли о матери теперь больше не причиняют такой боли, или же она в большой степени ослабела. Мысль о том, что мать желала меня, и что я, в сущности, должен был быть ее тайным любовником, мне кажется поистине трогательной, волнующей и даже возбуждающей. Но какие только страсти не бушевали в этой женщине! Ей приходилось защищать весь свой внутренний мир (что в повседневной жизни означает: скрывать) от марксистской церкви и от моего отца. Теперь я думаю – в противоположность времени до наших сессий – что она лелеяла куда более неумеренные желания по отношению ко мне, нежели я к ней. Вероятно, я в какой-то определенный момент хотел освободиться от нее, чего она допустить не хотела и не могла, или же могла, но с огромным неосознанным упреком. Мое чувство вины лишено какого бы то ни было разумного основания. Это она взвалила его на меня, теперь я это отчетливо вижу. Вспоминая обо всем, что было, я теперь могу с улыбкой покачать головой; прежде всего о том, как она мыла меня, каждый вечер; я, голый, стоял перед ней на ящи-

ке. Я до сих пор чувствую некое возбуждение от этой картины, и это всё же лучше, чем если бы она внушала мне чувство страха, неприязни, стыда, вины и т. д.

Не знаю, у всех ли невротиков так, но у меня всегда было безнадежное чувство, что мое родительское окружение не идет ни в какое сравнение со всеми прочими, что я «никогда не смогу рассказать это кому-нибудь другому», и т. д. В действительности это, разумеется, говорит о том, что я не могу «объяснить себе самому». Теперь я отчетливее вижу обычное в якобы исключительном.

201

Завтра я начинаю обустроить ателье наверху. Юпу понадобилось несколько дней, чтобы разобрать и рассовать по надлежащим местам целую гору всякого добра (полная машина): книги, его собственная работа, части моего архива и т. п. В конце недели надеюсь приступить к новой книге¹, попробую к осени ее закончить. Думаю, что это будет не роман, но разнообразные взгляды в прошлое на всяческие странные происшествия из моей жизни.

Если только будет возможно, до конца сентября не хотел бы ездить в Отчизну.

С огромным энтузиазмом и энергией я стану пытаться в предпасхальные дни влезть тебе в душу. Между нами много общего, но твои отношения с матерью иные. Она, подозреваю,

1 «Мать и сын».

не оказывала мучительного сопротивления твоему отцу. Определенно, она страдала от него; но при этом «была в нем уверена», и потому, несмотря ни на что, желала принадлежать ему. Мой же отец не рассматривал мою мать как свою собственность и не выказывал ревности. Почему? Да просто потому, что едва ли интересовался ею – как и всеми остальными. Быть ревниво охраняемой собственностью супруга кажется мне более сносным, нежели иметь безразличного мужа.

На сегодняшней полдень я предсказал снег, – начинаю тут потихоньку получать представление о климате, – и что же, с раннего вечера бушует сильнейший буран. Останется вся эта куча снега лежать, не знаю. В любом случае у меня перед дверью наготове гора песку, на случай если утром придется разгрести. Вчера слышал, что ночью во вторник все Нидерланды замело.

(От всего этого психиатрического теоретизирования я порой малость утомляюсь.) Невроз – не так уж и страшно, если он не начинает управлять всей твоей жизнью и действиями. Я говорю *действиями*, но настоящий невротик более не действует: всякое решение откладывает, всё оставляет на волю судьбы, и парализующий скептицизм блокирует всё его существование. У меня не так: конечно, бывают периоды ступора и отчаяния, но, несмотря на все эти препоны, я всё же работаю и принимаю довольно верные решения.

Читаю о жизни Яна Слауэрхофа¹. Вот он себе жизнь осложнял похлеще, чем я. Умер молодым, что, конечно, очень красиво для поэта. Обо мне уж так не скажут, самое большое: «слишком рано умер».

Сплю хорошо, не пью и пытаюсь (тайком) как можно меньше курить.

Ну что ж, самые лучшие пожелания, здоровья, от Юпа и твоего
Герарда.

«Благодать», 28 февраля 1979

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое дружеское, длинное позавчерашнее письмо. Я попробую написать тебе письма об обоих мертвецах². Писательство – моя профессия, и посему, разумеется, существует опасность, что я, увлекшись стилизацией и оттенками, уклонюсь от главного, но всё же оно непременно прокрадется в текст, где властвует подсознательное: символ, который я не распознаю, но ты, как психиатр – заметишь. В любом случае: я вижу нечто во всем

1 Ян Jan Jacob Slauerhoff (также John Ravenswood), (1898–1936) – нидерландский поэт, прозаик, переводчик, корабельный врач.

2 Скорее всего, речь идет о письмах, изъятых Реве из книги.

замысле, пока что. Ничего уже хорошего не будет, но если у нас обоих будет больше воздуха и более глубокого представления, стало быть, наши усилия не напрасны.

204 Небрежность облика свойственна и мне, пусть даже в ничтожной степени, поскольку я всегда весьма утонченно выбираю покрой и цвет тех тряпок, которые иногда ношу. Полагаю, нет никаких доводов против хорошей вставной челюсти. Юп был со мной шесть месяцев, прежде чем я обнаружил, что у него нет ни единого своего зуба. И всё это время я убеждал его не есть много сладкого, хорошо чистить и т. п., поскольку это же «грех, такие прекрасные зубы портить». Я еще ни разу не слышал от него дурного запаха изо рта, самое большее перегар. Искусственные зубы в наши дни сделались бесконечно лучшего качества нежели, скажем, четверть века назад: они сохраняют форму рта и подчеркивают изысканную неправильность, совсем как настоящие. Хорошая вставная челюсть стоит пару центов, или 4–5 тысяч гульденов, но она того стоит. Запущенный рот опасен и, как говорят, является источником бактерий, например, ревматизма. И, прежде всего, это ужасающий вид: пациент тебя всерьез не принимает, или думает: какой же это врач, это упырь какой-то. Врач должен выглядеть опрятно: никаких сандалий, стало быть, толстовок или *flower power*-ленточек на лбу, ибо тогда пациент думает – это на мне капитализм экс-

перимент ставит и скоро впрыснут мне «укол ковровой пыли». (Исторически, нет, не как факт, но как размышление и обвинение.)

Ты уже знаешь, каким образом поедешь на Пасху – во дворце на колесах или каким другим автомобилем? Это чтобы я учел подходящие удобства.

Мы занимаемся расчисткой и окончательной обстановкой первого этажа. Я частенько дергаюсь, но делаю всё, чтобы избежать шума-гама, возможно, слишком много, но в любом случае угрожающее облако всякий раз проплывает мимо. Мой гороскоп до середины апреля дурной (8 янв.–20 февр. и 1 марта–15 апреля Уран образует квадрат с Нептуном). Потом – великолепный до 24 октября, что касается Любви, Творчества, всего! Стало быть, не беспокоиться.

Письмо короткое, но лучше чем ничего. С любовью от нас обоих. Твой

Герард.

«Благодать», 18 марта 1979

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое письмо от 11-го, которое я получил утром. Меня дата полностью устраивает, и мы будем очень рады тебе здесь на Страстную Пятницу. Погоду тут предска-

зять трудно, но всё указывает на раннюю весну: фруктовые деревья в цвету, я уже видел летучих мышей и ящериц, а куры разгуливают с цыплятами. Но по плохой погоде жилые и гостевые комнаты у нас гораздо более благоустроены и лучше обогреваются, нежели прежде, так что искать гостиницу – не заморачивайся.

Устроим и парочку приятственных дней, не всё же печали по косточкам разбирать. Надеюсь, что ты не привязан к какой-нибудь безоговорочной дате. Хорошо, что приедешь один, а то пришлось бы только о твоих весьма личных заморочках трындеть.

Я должен еще те два письма написать, и мне этого очень не хочется. Но я непременно это сделаю, и вовремя.

Я больше никого не ожидаю, в крайнем случае кто-нибудь зайдет на чашку кофе. Можем задернуть занавески за входной дверью и запросто притвориться, что нас нет дома.

«Сереста» еще разок не помешает. А не платил ли ты сам за предыдущее количество? Проверь-ка еще раз: это штука дорогая, а мне благотворительности не нужно.

Короче: с нетерпением ожидаем твоего приезда.

Забастовки только что закончились, и я опять утопаю под грудой запоздалой почты.

Горячие приветы от Юпа и твоего Герарда.

Дорогой Ян,

Поскольку я слишком затянул с ответом, накопилась досадная куча фактов, больших и мелких, которые осложняют сочинение письма. Этот механизм знаком каждому: чем дальше откладываешь письмо, тем труднее его начать. Позволь мне отказаться от разумного порядка.

207

Твой отчет мне кажется хорошо проработанным. Настоящих ошибок в нем нет. Что выделяется, это как моральное, так и интеллектуальное превосходство моей матери: брак был в той или иной степени мезальянсом. Ты формулируешь это так четко, как я раньше никогда этого не осознавал.

Я между тем написал тете Хенни, младшей сестре моего отца. Недели три назад. Она не дура, и доброжелательная, так что я отсутствие ответа объясняю тем, что ее нет дома, возможно, уехала в отпуск. Юп говорит, что здесь, в моем архиве, есть очень много старых писем, также и моих, сохраненных моей матерью. Я этой хрени боюсь и никогда не решался в нее заглянуть. Юп, D. V., в ближайшее воскресенье возвращается из Отечества, ему нужно было туда по работе на денек-другой.

Ты спрашиваешь: *crisis mediæ vitæ* или неизгладимый отпечаток юных лет? Я теперь думаю: второе. Климакс у меня один раз уже был, очень рано, на 42-м году жизни.

Моя работа служит (кроме Бога и моей Возлюбленной Публики) прежде всего мне самому: каждую книгу я пишу для восстановления собственной психологической стабильности. Я думаю, что моя творческая активность имеет мало общего со славой или с зарабатыванием денег, хотя я тщеславен и рассматриваю деньги как очень важный ключ к личной свободе. Моя работа – это психотерапия. В сущности я не делю с публикой что-то, но пытаюсь прояснить что-то самому себе. Мне это отлично удалось в «Старом и одиноком». Моя влюбленность в мальчиков – нечто совершенно иное, нежели сексуальное желание: я хочу вернуться и погрузиться в юность, чтобы исправить там что-нибудь, что пошло наперекосяк. Поэтому я никогда не получал удовольствия от писательства: это мучительная, тяжкая необходимость.

Я был поистине поражен твоей великолепной формой: за последние полгода ты почти неузнаваемо изменился. Мне показалось, что ты больше не зависишь от благосклонности и оценки других. Обуздать себя – это, в сущности, целая проблема в жизни невротика, в которой всё вращается вокруг этого. Меня всё так же терзают депрессии, но я решил не вешать их на Юпа. Он тут ничего поделать не может. К тому же депрессия проходит, и тем быстрее, чем меньше пьешь. Об осязательных проблемах – дом, здоровье, деньги, независимость – мне тревожиться не надо.

У нас уже три недели имеется G. S. Break¹. Мы им пользуемся для дневных вылазок. Пляж – например, поблизости от Монпелье – в двух часах езды. Удивительное дело – Юп вдруг стал находить фургон чрезвычайно комфортабельным, и мы – частично из-за того, что меновая стоимость сделалась ничтожной – оставили его у себя. Для поездки в Испанию или Нидерланды эта штука очень практична. «Ситроен» же этот крайне удобен для посещения музея, лавки древностей, рынка, – в Ниме, Валансе, Авиньоне, Оранже и т. д.: полдня туда и обратно.

Моя новая книга двигается не слишком споро (*Во что верую*²). Мне нужно рассказывать и теоретизировать, а это нелегко комбинировать так, чтобы не пропадала увлекательность. Боюсь, что получается этакий гибрид, непохожий на то, что я писал прежде. Однако у меня есть чувство, что я непременно должен ее написать.

«Свой дом» вышел 14 мая, и расходится очень хорошо. «Мы его недооценили», говорит «Элсевирский журнал». Они выслали мне подарочное издание, экспресс-почтой. Остальное в пути и лежит, вероятно, на таможне в Лионе. По предварительной продаже продано 12½ тысяч экз., и это необычно много. Жанр – проза, стихи, речи, всего понемножку – рань-

1 «Ситроен».

2 Название потом было изменено на «Мать и сын».

ше, лет двадцать назад, было бы совершенно невозможно продать, а сейчас он в огромной моде. Я еще не получал ни одного сообщения о рецензии, но по этому поводу не тревожусь, ибо рецензии теперь не влияют на продажи, не то что поколение тому назад.

210 Мы, наверно, останемся тут на всё лето, так что смотри, когда захочешь приехать. Очень вероятно, нагрянет на Троицу Руди Коусбрук с подругой.

Насколько я знаю, нас не посещают люди, предавшие меня долгосрочному или радикальному остракизму, так что приезжай, когда захочется.

Кафельный король приступил к цементированию пола в сарае.

Мне кажется, Юп делает превосходнейшую работу, ему наверху в полнейшую собственность отдана площадь. И до осени сарай, с моим собственным рабочим уголком, будет определенно готов.

Несколько беспорядочное, расхлябанное письмо, но лучше чем ничего.

Если найдется время, черкни мне пару строк. Длинное письмо не обязательно. Дай о себе знать, и то хорошо.

С любовью, твой
Герард.

Дорогой Ян,

Вот еще один образчик почерка. Это тетя Хенни, младшая сестра моего отца, я тем временем получил ответ. Письмо шло ко мне двенадцать дней, невзирая на правильное количество марок и верный адрес. Она подтверждает мое впечатление: брак с самого начала был несколько проблематичным.

211

В конце 20-х или начале 30-х мои родители подумывали эмигрировать в Россию. (Некоторое количество набожных нидерландцев так и поступили, но ни один – ни женщина, ни дети – не выжили.)

Довольно скоро у отца начались внебрачные связи. Не думаю, что у него был с этим внутренний конфликт, поскольку один человек заботил его в той же малой степени, как и другой. Я имею в виду: он, по сути дела, не был ни верен, ни неверен: быть связанным с кем-то было ему несвойственно. Он выбирал лишь в том случае, если его к этому неизбежно принуждали. Моя мать, следовательно, могла не опасаться, что он «от нее уйдет», но, вероятно, из-за этого как раз всё было безнадежнее.

Помню, что ребенком я постоянно ощущал присутствующую угрозу, давление, некую невидимую, но вседвлеющую фатальность. Я никогда в жизни еще не знал чувства покоя или защищенности.

Полагаю, обдумав еще раз всё хорошенько, что коммунизм – не признающий никакой привязанности и никакой этики – гораздо лучше подходил к характеру моего отца, нежели я думал раньше: он, подозреваю, в большей степени освободил его, чем разочаровал. У него не было ни явного таланта, ни нравственно развитого характера для свершения насилия в этом движении. Я, беря себя за образец, всегда слишком трагически рассматривал жизненный путь моего отца. Да, когда партия сделала с ним то, что она прежде – с полного его одобрения – делала с тысячами, миллионами других людей, вот тогда он содрогнулся, но прозреть эту связь так и не смог, во всяком случае мне так никогда не казалось.

«Старый архив» сохранен моей матерью. В нем отсутствуют ее собственные письма, прежде всего за период ±1920–1930 гг. Из 1933 г. – только эта трехстрочная приписка под письмом отца.

Здесь всё довольно хорошо. Кафельный король залил вчера бетонный пол в сарае.

До скорой встречи, и горячие приветы от Юпа и твоего

Герарда.

Перечень некоторых рукописей,
пронумерованы карандашом в кружочке.

1. Написанное мной, но не датированное письмо из санатория «Грот Денненлюст»¹, из которого я, при первом же посещении матери, запросился домой². Дата, 26 июня 1933, приписана кем-то другим.
2. Стихотворение, написанное моим братом Карелом (р. 1921).
3. Письмо брата Карела мне, во время моего пребывания в санатории.
4. Письмо матери «тете Хенни», младшей сестре моего отца.
5. Письмо матери мне во время моего пребывания в Лондоне, с приложением от отца.
6. Письмо отца своей сестре Хенни, 60-е гг.
7. Письмо отца мне во время моего пребывания в санатории, с припиской матери (7а).
8. Черновик моего письма французским властям Валанса, относительно разрешения на строительство.
9. Мои заметки. Дата: 1975 или 1976.

213

1 Христианский институт в Фортхейзен-Барневелде, куда Реве был отправлен для поправки здоровья. Поскольку там было мало детей, умевших читать и писать, Реве заставляли перед сном читать детям Библию в спальном зале.

2 Что не удивительно, дисциплина была очень строгая, а еда отвратительная.

10. Карта Москвы брата Карела, тете Хенни, 20.6.1965.
11. Письмо матери мне, с приложением от отца.

«Благодать», 4 июня 1979

214

Дорогой Ян,

Для полноты картины посылаю тебе еще два сна, из которых ни один не могу истолковать. Первый довольно смутен и обычен, и может означать что угодно.

Волки

В доме внезапно появляются волки. Это очень изящные, блестяще-черные твари, по виду не отличить от овчарок. Они постепенно исчезают все, кроме одного – крупный, взрослый, великолепный экземпляр. Я в восторге, но в то же время немного побаиваюсь. Зверь дает себя погладить, но при этом угрожающе скалится.

Возможно, сон изображает мою амбивалентность по отношению к сексуальности. В повседневной моей жизни я не отношусь с ненавистью ни к одному животному. Я очень переживал после того, как мне пришлось убить гадюку. На меня никогда не нападали звери, или же по ошибке кусали в за-

пале драки. Волк – это *Es*, ночная сторона, тень души, дионисийское и поглощающее («Красная шапочка», «Волк и семеро козлят» и т. д.)

Остров Мечты

Я путешествую на корабле на некий остров в Атлантическом океане. Он лежит к западу от Англии и является британской территорией. Он состоит из трех пиков в виде плиток, между ними – плато. Там живут примерно 300 человек. Во время сильного шторма и очень высокой воды – раз в десять–двадцать лет – море захлестывает плато, и подвалы затапливает.

215

Остров входит в группу небольших островков. Главный – на который я направляюсь – самый большой, там заседают власти. Другие островки, на каждом – едва ли дюжина обитателей, говорят по-французски, или, в любом случае, на каком-то латинском языке. Главный остров – протестантский, остальные – католические. (Я посещаю только главный.)

На главном острове, в центре деревни или городка – большая протестантская церковь с парадным крыльцом. Посреди прихожан, которые в ожидании службы стоят на крыльце, беседуя друг с другом, я замечаю мальчика лет шестнадцати, моего типа: «мальчик мечты». Он одет опрятно, но до умиления неэлегантно. Наивный, доверчивый, беззащитный. (Часто помогает маме мыть посуду

и т. п.) Я думаю: если я сейчас, вместе с этими людьми, стою чист перед Господом, то всё хорошо, и мальчик и я будем в безоблачном счастье и т. д.

216 Мужчины на крыльце все уходят бриться. Справа на крыльце стоит огромный старомодный буфет, похожий на старомодные холодильники сорокалетней давности, что на бойнях. Под буфетом – кран. Под краном мужчины после бритья умываются.

Сон показывает довольно много вещей одновременно. Вероятно, он сообщает о том, что я в гораздо большей степени протестант, нежели католик. Хотя протестантизм *de jure* строже относится к мужской любви, чем католицизм, он серьезнее относится к любви в целом. Протестантизм думает о моей проблеме, католицизм к ней безразличен. Протестантизм желает возвышать человека, католицизм мирится с полуживотным его состоянием. Кто прав?

Символизирует ли протестантизм мое «рациональное» прошлое, которое и до сих пор действительно, и унижает мой католический выбор? (Маленькие островки, неходовой язык.)

Что означает это бритье? Символическую кастрацию, или очищение лица (души) пред ликом Господа? Кто этот мальчик? Я сам, сорок лет назад?

Во сне я не стал входить в церковь, ибо после бритья сон кончается.

Я сейчас посреди 4-й главы новой книги. Всё еще не получил подарочный экз. «Своего дома». Не волноваться.

Горячие приветы и, надеюсь, до очень скорого свидания. Твои Юп и Герард.

«Благодать», 19 июня 1979

Дорогой Ян,

Большое спасибо за твое письмо от 14-го, которое пришло утром; я пока отвечу на него вкратце.

Вчера мы живые и здоровые вернулись домой после трехдневного пребывания в Париже. В Городе Света я провел необычайно плодотворные переговоры с директором «Нидерландского Элсевира». Из них проистекли два контракта, роскошные. Мне в ближайшие два года не нужно будет заботиться о продажах.

Директор вечером в постели прочел на больную, примерно как и у нас, со вчерашнего голову, 5 глав «Во что верую», которые я закончил, и очень теперь возбужден. У меня есть уже довольно отчетливые идеи о структуре книги, и все шансы, что я закончу ее еще в этом году.

Разумеется, прошлое преследует нас, но кого оно не истязало? Некоторое равнове-

сие, работоспособность, и я более чем удовлетворен.

218 Не думаю, что мастурбация, какой бы частой она ни была, вредна. Некоторым после любви необходимо полтора дня спать, или сказываться больными. Я же скорее чувствую прилив сил, нежели усталость. Если я правильно прочел в «книгах, которые навсегда, если их полностью усвоить, отбивающих охоту совокупляться» (Селин)¹, то всякий раз при этом сквозь кровь проходит волна гормонов, что способствует хорошему состоянию твоих волос, пищеварения, короче, всего твоего народного минздрава.

Алкоголь, который обычно принимают внутрь в качестве средства борьбы со страхом, парадоксальным образом является возбудителем страха. Человек депрессивного склада, подверженный страхам невротик, вообще не должен пить.

Эту неделю я должен был назначить недель без сновидений, но они, конечно, вернутся.

Самые теплые пожелания от Юпа и твоего Герарда.

1 «Путешествие на край ночи».

«Благодать», 6 октября 1979

Дорогой Ян,

Очень вкратце, до того, как в 12 часов (суббота) заберут почту, спасибо за возвращенные рукописи. Мои извинения, что мы еще не отдали копировать твою коллекцию писем: мы вернулись из С. с остатками моего архива, о котором я думал, что он содержит только входящую психопатологию, и собирался было выкинуть в канаву. Матрос мне запретил, и теперь всплыли 100 моих писем плюс примерно 100 набросков, апокрифические стихи и т. д., которые он отобрал после целой недели тяжелых трудов.

219

Мы надеемся, что ты пребываешь в добром здравии. После сравнительно короткого ступора я написал гораздо лучшую версию 10 главы, и вчера закончил 11-ю в чистовике.

Всё, времени больше нет. С любовью от Юпа и твоего

Герарда.

«Благодать», 29 октября 1979

Дорогой Ян,

Надеемся, что с новыми и неожиданными трудностями, угрожавшими стабильности твоего существования, ты благополучно совладал.

У нас тут всё сравнительно хорошо, или даже, в сущности, прекрасно. Никаких больше скандалов, в худшем случае – время от времени словесная перепалка. К собственному моему удивлению, переговоры – о контракте на мою новую книгу, и что касается экранизации «Языка любви / Милых мальчиков»¹ – и те, и другие привели к победному результату.

Мы почти управились с копированием моих писем к тебе. Литературный Музей хочет взять их в свою коллекцию². Возможно, несколько неточное наименование «музей» дает тебе ложное представление. В действительности же это архив, примерно такой же степени секретности, как Центральный регистр завещаний. Он задуман как источник для тех, кто желает изучать какого-то автора или его литературные труды. Доступ, однако, предоставляется лишь по запросу и письменному разрешению как автора, так и запрашивающего. Я это всё тебе объясняю, чтобы ты не подумал, что твои письма будут лежать в витрине для публичного ознакомления и т. д. Так что это для сохранности, не более того, и скорее сейф, чем библиотека. О публикациях никакой речи не идет, поскольку на всем, что вы-

1 Фильм «Милые мальчики» («Dear Boys»), поставленный Паулом де Люссанетом, вышел в 1980 г. Реве упорно называл его «Язык любви».

2 Письма Реве к Яну Гротхёйзе в коллекцию Литературного музея в Гааге не попали.

шло из-под моего пера и хранится там, лежит авторское право.

Я с периодическими простоями продвигаюсь в работе над новой книгой, и приступил к 12-й главе. У Юпа сейчас весьма плодотворный период.

Еще раз: продолжай сопротивляться, и не приноси из ложного чувства вины никому не нужные жертвы.

221

Крепись, и самые добрые пожелания от твоих Матроса и Герарда Реве.

С. [±ноябрь 1979]

Дорогой Ян,

Сегодня возвращаю тебе заказной почтой пакет писем. Мы отложили отъезд до утра понедельника; если можешь, пришли пожалуйста, отрывной купон подтверждения о получении писем сюда, в С. Еще желательно было бы знать, предпочтешь ли ты, чтобы письма остались у меня, или чтобы твои были помещены в архив, закрытый для публичного доступа.

Всё кажется несколько преувеличенным, все это консервирование, но литературное наследие, которое я хотел бы оставить потомкам, должно быть в порядке. Иногда для потомства это почти безнадежная задача. Пьер Дю-

буа, знаток Марцела Эмантса, сильно преуспел в своих изысканиях¹. В наследстве Эмантса († 1928?) имелись письма некоего еврейского критика, филолога, историка и т. д. Было очевидно, что Эмантс ему отвечал, но где же эти письма? Историка схватили и бросили в газовую камеру. Никто из членов семьи не выжил. А человек этот считался очень аккуратным. Если он пытался поместить письма в безопасное место, где он мог их оставить? В банковском сейфе? Фрицы и сейфы открывали. У еврейских друзей? Нет, ни у кого ничего не нашлось. Тогда Дюбуа сообразил, что историк работал в муниципальном архиве. Это уже было ближе к делу, может быть, он отнес их туда? Но в названном архиве ничего от имени Эмантса не было. «Имеется ли в архиве чердак?» После долгих просьб, наконец, согласились послать кого-то в пыльнике на чердак. И вот те на: пакет с 200 (весьма ценными) письмами Эмантса!

Ну, теперь еще раз – держись, и сохраняй трезвую голову! Наисердечнейшие приветы от Матроса Лиса и твоего
Герарда Реве.

1 См. прил. 14.

Дорогой Ян,

Юп (этим утром, D. V., возвращается из Отчизны) рассказал мне, что ты поведал ему свою озабоченность в отношении существующего для меня риска самоубийства. Возможно, он неверно тебя понял, но мне в любом случае показалось небесполезным написать об этом.

223

Терапия, если она имеет эффект, выливается в определенные сдвиги, при которых распадаются подавляемые страсти. Если вместо здоровой воинственности проявляется разрушительная агрессия, да, тогда она может искать фатального выхода.

У меня, однако, есть некоторые препоны для самоубийства. Моя агрессия и напряжение имеют выход: работа. Депрессии у меня никогда не заходят настолько далеко, чтобы я ненавидел жизнь. У меня, кроме того, имеется некоторое количество настоящих человеческих контактов.

Кто совершает самоубийство? Старые, смертельно больные люди, испытывающие невыносимую боль, телесную или духовную. Люди, которые не могут перешагнуть через подростковый возраст. Глубоко злопамятные люди, ненавидящие окружающий мир.

У меня есть сильное чувство долга и ответственности. Довольно большому количеству людей моя смерть принесла бы большое

горе. И прежде всего: я больше не предъявляю столь высоких требований к жизни, стало быть, разочарование не скоро приведет к короткому замыканию.

И еще: моя религиозная точка зрения. (Я здесь не намекаю на католический запрет.) Моя собственная жизнь не есть моя собственность, в столь же малой степени, как мой талант в последней инстанции принадлежит мне или создан мною. Жизнь дана мне, и посему я не могу легкомысленно покончить с ней. Самоубийство остается фундаментальным человеческим правом, да, но это право чрезвычайное.

Далее: это они, веселая братия, бонвиваны, шутники, которые день и ночь рассказывают о том, как всё «потрясающе», лезут в петлю. Ипохондрик и пессимист нередко доживают до глубокой старости. Стало быть, не волнуйся. Я часто думаю, прежде всего: так долго это не продлится, так что мы лучше посидим себе да подождем.

Дай знать о себе, если можно. А пока – самые теплые пожелания от твоего
Герарда.

Дорогой Ян,

За исключением того, что время от времени у нас бывают вспышки, всё очень хорошо. Я здорово продвинулся – до 21-й главы включительно – с моей новой книгой; 15 мая – крайний срок – я должен представить готовую к печати копию. По прикидке, я должен написать еще три главы.

225

В одной главе я хочу сослаться на одну католическую поговорку, которую слышал от тебя, но не совсем запомнил. Она звучит примерно так: «... знает, доминиканец понимает, иезуит может объяснить»¹. Не могу вспомнить первое слово, а мне помнится, она трехсложная была.

Я сделался довольно зажиточным. Все мои книги идут на «ура», от 500 до 5000 экземпляров в год. Новая книга, которая выйдет в октябре этого года, скорее всего, не встретит конкуренции, ибо ни Мюллерс, ни Волкерс, ни Херманс² в этом году нового романа не издадут.

1 В «Матери и сыне» поговорка звучит так: «Доминиканец знает, францисканец понимает, иезуит может объяснить».

2 Т. е. Харри Мулиш (Harry Kurt Victor Mulisch) (1927–2010) – писатель, с которым Реве был не в ладах. Jan Hendrik Wolkers (1925–2007) – писатель, скульптор и художник.

Что тебя, как врача, точно должно заинтересовать: хотя у меня не замечено увеличения простаты, уролог д-р Л. из С. всё же констатировал у меня *urethra prostatica*, очень вероятно, врожденную, ибо мне слишком уж часто нужно мочиться, всю жизнь. Всякий раз у меня в мочевом пузыре остается примерно 10 cc, и это более чем нормально. Но д-р Ли всё же за операцию. Он будет делать это изнутри, то есть не наоборот. В целом мне придется провести в больнице не более недели. Пока что мне с начала мая прописан постельный режим.

Фильм «Милые мальчики» сейчас временно смонтирован, черно-белый, прошел предварительный показ для заимодавцев (Тушински) и местных владельцев кинотеатров. Кажется, он очень взволновал зрителей. Через пару недель я получу цветную ленту.

У меня есть благое намерение – после больницы бросить курить.

Дай что-нибудь знать о себе. Тебе здесь всегда рады, когда мы здесь.

Самые теплые приветы от Матроса Лиса и твоего

Герарда.

P. S. У меня случаются кошмары, но не беспокойся. Это не то чтобы я боялся засыпать, и похоже, что сны сопровождаются критическим осознанием того, что «это всего лишь сны». Если один раз пережил делириум, ничего уже больше не страшно.

ПРИМЕЧАНИЕ НОПА МАСА

Текст этого сборника практически не отличается от оригинальных писем, находившихся в распоряжении автора. Два письма и два коротких пассажа по понятным причинам изъяты автором. Ошибки в написании исправлены издательством Veep. Имена не относящихся к делу людей указаны инициалами.

227

Некоторые события из жизни Реве (выступления, литературные ссылки) проследить не представляется возможности.

Харлем, июль 1991
Ноп Мас

ПРИЛОЖЕНИЯ

I 229

ПИСЬМО В МОЙ БАНК

Альхесирас, 8 августа 1963

Герард Реве, в ожидании и надежде на Сверхшение Всех Вещей и на Царствие, что не познает Конца, в отделение Текущего Счета... – го Банка О. А. О¹. г. А[мстердама]. Да пребудет с Вами Благодать и Любовь единого Господа нашего Иисуса Христа! Сим я подтверждаю, с благодарностью, разумеется, получение (хотя за что, собственно, спасибо, речь-то, вообще говоря, идет о моих собственных деньгах; однако ладно, не будем занудствовать) третьей пересылки денег, которые дошли сюда в целости и сохранности, и их не сперли по дороге, и не проделали в мешке дырки, и не утянули из него пару-другую монет. О нет, всё до последнего цента, и это, на мой взгляд, достижение, учитывая столь громадное расстояние, никак не меньше 3500 километров.

1 Открытое акционерное общество (нид.).

Но перед тем как иметь удовольствие перейти к делам второстепенной важности, я хотел бы обратиться к Вам с просьбой о переводе мне суммы в 400 гульд. (ЧЕТЫРЕСТА ГУЛЬДЕНОВ) в Banque Commerciale de Maroc, Boulevard Pasteur, TANGER, Мороссо, поскольку послезавтра я туда отбываю. Это письмо я пошлю сегодня вечером в Мадрид, со скорым поездом; правда, он вместо без десяти восемь отправится, скорее всего, только около десяти, ибо, хотя и утверждают, что при диктатуре поезда ходят точно по расписанию, я здесь никогда еще не видел, чтобы поезд отправлялся вовремя, но это связано с различными переговорами о найме купе, в которых по дороге, – разумеется, за здоровенную плату, – свершаются всяческие непристойные делишки, пока поезд знай себе разгоняется, тук-тук, тук-тук, а они того-этого, эти люди, но я считаю: это скандал, в чем смею Вас уверить, хотя что уж тут, можно протестовать сколько угодно, они только тебе в лицо рассмеются.

Вот к примеру: сегодня утром, около десяти, отправился я – с водолазной трубкой, в которую можно не только дышать, но и смотреть, и с воздушным баллоном, – на *la playa*¹. Ну вот, прихожу, спускаюсь вниз, погрузившись в мысли, напеваю себе тихонько, и вдруг вижу: дорогу мне перегородил бык весом этак в 800 кг; похоже, что всё стадо, голов шестьдесят – на-

1 Пляж (исп.).

до полагать, со скуки или из-за приятного прохладного морского бриза, спустилось с холмов до самой конечной черты прилива, где кончается всякая растительность. Что делать? Назад – невозможно, скажут, что стухнул. Обойти – тоже никак, решат, что прокрадывался, так сказать, коварно. Вот что было бы можно сделать, так это схватить тварь за рог и отпихнуть в сторону, но Вы же не будете на меня в претензии за то, что я не смог себя на это подвигнуть.

231

И вот стою я, не в силах – волей-неволей, и к тому же испытывая внезапное и непреодолимое желание помочиться – отвести глаз от этих рогов, подобных штопору великана и на концах отточенных, словно на токарном станке.

И тут подумалось мне, что иногда нужно говорить им всякие вещи, – об этом пишут порой в пацифистских газетах и прочее, так что я подхожу поближе и говорю: «Послушайте. Мне нужно пройти, ибо я есть Великий Гном. Я должен сделать кучу – я имею в виду, очень много нужно дел делать мне – орехи собирать, всякое такое. Всегда есть чем заняться, это Вы и сами прекрасно знаете». И что же: сперва он наклоняет голову, так что я решил, вот сейчас наподдаст, и стал прикидывать расстояние до моря, но нет, он вздыхает и уходит прочь, навверх, назад в холмы, звеня – динь-дон – колокольцем.

Тут много разных стад ходит, и все они очень милые, а то, что быки ужасно себя ве-

дут по отношению к людям – это небылицы, увековеченные в детских книжках с картинками или в юмористических журнальчиках, в которых толстяки от страха лезут на дерево, но если их не дразнить, ничего они тебе не сделают; кстати, у них это на мордах написано, они просто излучают добродушие. Я их вообще считаю невероятно красивыми, быков, эта их широкая грудь и ноги, потрясающий корпус и трогательный ершик на елде, вот что меня больше всего умиляет. Какие прелестные зверушки, почти столь же милые, как Слоны, – кстати, Слон – мой Покровитель, тоже замечательно сильное животное, которое, тем не менее, Удовлетворяется поеданием смиренных Трав Полевых. Я их считаю тоже замечательно милыми, слонов.

Но самые милые тут – ослы. Такие душки! Но очень им тут тяжело приходится. Я им всегда отдаю мой сахар, поскольку не употребляю его, когда пью кофе на террасах. Если Бога вновь засунут в Живую Плоть, то он явится в обличьи Осла, едва ли способного сформулировать пару слов, непризнанного, поносимого и избиваемого, но я Его пойму и тотчас отправлюсь с ним в постель; однако перебинтую его копытца, дабы не пораниться, когда Он, кончая, станет биться в судорогах.

Ах, порой сердце тает, когда смотришь на ослицу с осленком – как можно, увидев это, по-прежнему отрицать существование Господа, этого я понять не в состоянии. Ибо ма-

лютка ослик – в точности как щенок овчарки, но покрупнее, и очень трогательно стоит на высоких ножках и постоянно шалит, делая вид, что хочет напасть на маму. Просто сле- за прошибает, глядя на это. Я всегда целую их обоих в морду, поскольку так надо.

Ну вот, надеюсь, что вы все в добром здра- вии. Вообще говоря, Вам бы следовало мне на- писать разок, я имею в виду, вам всем вместе: один сядет за стол, бумага, чернильница, пе- рышко, голову этак маленько набок, кончик языка прикушен, а другие диктуют, что хо- тели сказать. Вы должны просто написать, что чувствуете, я хочу сказать – от чистого сердца, что за это время вообще произошло и, прежде всего, кто там опять помер, потому что я очень хочу это знать.

Испания тоже не ахти: восхвалите Госпо- да, что рождены нидерландцем. Нравится ли Вам работать в банке – это другой вопрос. Я не- которое время работал в отделе клиринга¹... – ского банка, у господ V. & d.K. Славное было времечко, и я хорошо справлялся, хотя и не по- нимал, что делаю. В субботу (тогда этот банк был по субботам открыт) «лоро-корзиноч- ку» нельзя было наверх², насколько я еще по- мню. И еще однажды не досчитались ю центов, но их потом списали на «издержки», посколь-

1 Система безналичных расчетов за товары, ценные бумаги и услуги, основанная на зачете взаимных требований и обязательств.

2 То есть они не занимались расчетами по субботам.

ку формуляр «сверху был уже разорван». Ну, всего наилучшего и хорошенько зачерпнуть из кассы желает Вам ваш преданный клиент
Герард Реве.

2

234

4 февраля 1965 г. Реве совместно с Эвалдом Ванвугтом, Яном Кремером и Симоном Винкеногом¹ принимал участие в форуме на тему «Цензура порождает порнографию». Форум был организован диспутом Олофспорт «Упражнение порождает искусство» и состоялся в отеле «Корона» в Амстердаме. Согласно репортажу в «Пароле» от 5 февраля 1965 г., выступал в основном Реве. Среди всего прочего он заявил, что «идет борьба не только с порнографией, но также и со свободным выражением мнения по отношению к сексуальности. Целью чего является недопущение каких-либо иных сексуальных воззрений, кроме тех, что одобрены правительством. Из этого, согласно Ванхет Реве, практически ничего не появляется публично. В этой области властвует диктатура Прокуратуры и полиции. А судья в роли литературного критика – это безумие».

1 Ewald Vanvugt (1943) – писатель, фотограф. Jan Cremer (1940) – писатель, художник. Simon Vinkenoog (1928 –2009) – писатель, поэт.

В среду 7 апреля 1965 г. Герард Реве выступал в студенческом клубе в Роттердаме по случаю десятой недели студенческой книги. Он читал «Письмо, размытое слезами»¹ и отвечал на вопросы публики. На вопрос «что такое порнография?» Реве ответил: «Возбуждающее описание сексуальных действий... Но запрет на них – часть тоталитарного государственного права. Докажите мне, что такое „возбуждающе“! Что некий прокурор, например, два года заседал на „Боба и Дафну“ [Хана Б. Албертсе²], так что издатель без суда разорился, я это рассматриваю как моральную цензуру».

235

-
- 1 Русский перевод см. в сборнике «По дороге к концу», 2006.
 - 2 «Боб и Дафна» – трилогия издателя, романиста и переводчика Johannes van Keulen (1917–1983), писавшего под псевдонимом Han B. Aalberse. Трилогия не претендует на художественную ценность, и ее скорее можно рассматривать как просветительскую сексуальную литературу для юношества. Тем не менее, по обвинению в эротическом характере книг против Албертсе был возбужден процесс, который не окончился для него тюремным сроком лишь благодаря умелой защите адвоката и некоторых коллег-писателей. Албертсе отделался легким штрафом, и книги его были изъяты с книжных полок.

Точные даты выступлений Реве в Делфте, Амстердаме и Хорне не определены. В Утрехте в книжном магазине Крузе он 6 октября 1965 г. читал «Письмо, размытое слезами». После перерыва Реве, отвечая на вопросы, в частности провозгласил, что именуется себя «гражданским писателем», протестуя против обожествления профессии художника. В Нидерландах существовали на тот момент две проблемы: секс и вера. Последнее он определяет как возможность любить безоговорочно.

ДРАЖАЙШИЙ СОБРАТ ПО ПЕРУ!

Дражайший Собрат по перу!¹

С большим интересом я прочел твои умозрения относительно выбора обращения в начале письма. Теперь я сам в этой связи имел замечательный опыт, который ты, возможно, поскольку он может пригодиться другим, упомянешь в своей рубрике.

Ты знаешь, что в моей популярной книге «По дороге к концу», на странице 79², я об-

1 Обращено к Симону Кармиггелту.

2 По русскому изданию.

суждаю некоторое количество искушений, из-за которых порой подвергаюсь нападкам и страдаю, ибо у меня, как тебе также известно, не всё в порядке с головой.

Вот эти три искушения: 1) до сих пор подавляемые поползновения «плюнуть прямо в церковную чашу»; 2) также по-прежнему подавляемое непреодолимое желание где-нибудь в магазине – к тому же пользующемся доброй славой и именем – большой бакалейной лавке, показать мою Секретную Штуковину; и 3) порывы начинать всякое письмо к властям с «определенного обращения».

237

Это последнее я сделал. После того, как я три четверти года бесплодно вел переговоры с департаментом и, заполнив бесчисленные накладные касаясь некоего дела, я, с мыслью «попытка не пытка», начал очередное письмо к Государственному Секретарю с обращения: «Старая Мышь!». И пожалуйста: через 6 дней я получил благоприятный ответ на мой столь долго тянувшийся запрос.

Некоторые друзья и знакомые советуют мне срочно «попробовать те две другие вещи», но об этом мне сперва нужно подумать, поскольку ты знаешь, каковы люди: из всякой мелочи устраивают шум и посылают жалобы.

И всё же я люблю мою возлюбленную Публику и неустанно продолжаю из сокровищницы моего Духа обогащать Народ и тем самым всё человечество. С братским объятием, твой
Герард Реве.

P. S. То, что я пишу, правда. Ты ведь знаешь, фантазией я не обладаю и выдумывать не умею.

«Пароль», 30 апреля 1966

В 1966 Ян Гротхёйзе выпустил небольшой сборник «рассказов» (500 экз. за счет автора) под названием «Слуга двух господ» («Eten van twee walletjes» – название, недвусмысленно подразумевающее игру слов: и Реве, и Гротхёйзе жили в квартале красных фонарей, «de walletjes».) Сборник содержит размышления и анекдоты, в большой степени заимствованные Гротхёйзе из его медицинской практики в Де Валлен и своей семейной жизни. В т. ч. он описывает свой визит к Реве и Тигре в третий день Рождества 1965 г., когда были приглашены жители Греонтерпа с приветственным визитом: «Молодая пара [...] между тем навела полный порядок. Вносят большой торт. Все деревенские раскошелились. Это располагает к веселью, а как же иначе. Только что деревенский священник приходил, сообщил, что еще три семейства не получили приглашения. [...] Мы подивились на собственноручно сколоченную мебель, некрашенные альковы, – чего там только нет. На стенах –

старинные гравюры, подходящие для молодой пары. Еще мы дали туманное обещание в отношении оконного вентилятора против кухонного чада, и после этого очистили территорию».

ЛЕСТНИЦА

Многие пьесы, в которых красной нитью проходит мотив гомосексуальной любви, конечно, сентиментальны и слезливы, но остаются драматически слабыми. То, что возмущение дискриминацией и несправедливостью может вызвать драматичное умиление – есть заблуждение, в то время как условия для этого в восприятии и построении работы отсутствуют. Несчастье – еще не трагедия, и отраженные в диалоге страдания – еще не драма.

Несчастий и страданий в «Лестнице» Чарльза Дайера больше чем достаточно, но здесь они сделались истинной драмой. На первый взгляд кажется невозможным дать объяснение для душераздирающего воздействия, которое оказывает эта пьеса, в которой как бы «ничего не происходит», но при этом продолжаешь, затаив дыхание, следить за тем, что разыгрывается между двумя персонажами, гомосексуальной парой парикмахеров среднего воз-

раста, Гарри и Чарли, – в течение половины дня и ни в каком ином антураже, кроме их парикмахерского салона. Я полагаю, что объяснение этому лежит в том, что в пьесе, как это ни парадоксально звучит, речь идет вовсе не о гомосексуальности: тот факт, что двое партнеров, подводящих баланс своей любви «осенью бессмысленной, жалкой жизни», являются приверженцами Греческих Принципов – есть не относящаяся к делу второстепенность.

Как бы высоко или сколь бы ничтожно мало человек ни поднялся по социальной лестнице, он остается на нижней ступени лестницы жизни. Так учит нас эта комедия недостаточности человеческой любви, разоружение всех иллюзий старостью и вездесущим, неизвестным Богом – Смертью. Возможно, вы – не гомосексуалист, не парикмахер и даже не человек среднего возраста.

И тем не менее – загляните в зеркало, пока Чарльз Дайер будет вас стричь и брить.

Программа «Нидерландской комедии»,
ноябрь 1967

МАРКИЗ РЕВЕ

Меня несколько развеселил коротенький пасквиль, направленный против моей персоны, с коим я ознакомился на стр. 9 в воскресном приложении вашей газеты от 18 сентября с. г. Под именем Аге Бейкарт¹ (попен est омен)² скрывается по той или иной малодушной причине нидерландский писатель В. Ф. Херманс, брат менее чем посредственного телекомика Тона Херманса. Свой своему брат, хочешь не хочешь.

241

Бейкарт-Херманс с 1945 по 1948 г. сидел в Канаде, где ошкуривал скунсов³, и вот теперь порет всякую чушь. Будь я шарлатаном или мошенником, угодно ли в таком случае было бы Ее Величеству Королеве возвести меня в рыцари ордена Оранских-Нассау? (1974). Опять-таки ссылаюсь на мой роман «Циркач», с. 129, и № 24 еженедельника «Стори» за этот год.

Мой благородный титул – спорный. Это титул русский, упраздненный государственным

1 С конца декабря 1973 г. по конец декабря 1976 Херманс под этим псевдонимом (Vijkaart (*нид.*) – маленькая географическая карта, помещенная в углу большой, «легенда») публиковал свои «Сердитые письма» в амстердамском ежедневнике «Пароль».

2 Имя – это предзнаменование (*лат.*).

3 Вторую половину 1948 г. Херманс провел в Канаде, где занимал должность ассистента контролера полуфабрикатов и изделий из древесины.

ленинским переворотом в ноябре 1917, положившим кровавый конец демократической революции марта 1917 г. Титул был подтвержден горюю документов, признан министерством, но не был включен в Императорский Альманах о Рангах и *Титулах*, который должен был выйти в Санкт-Петербурге осенью 1917 г. У меня имеется намерение всё это дело не торопясь раскрыть в моей следующей книге.

Я редко или вовсе не пользуюсь моим титулом, и уж конечно ни в коем случае для достижения недостойных целей. Англичанам, но, прежде всего, американцам он внушает уважение, и это может иметь смысл. Художник прежде всего должен (да сочтет Агье Бейкарт сие за афоризм) заботиться о качестве, но если в мире искусства не будешь время от времени пасть разевать, ничего не добьешься.

Герард Реве

«Пароль», 28 сентября 1976

Летом 1968 «Проприа Кюрес» и «Пароль» находились в состоянии войны. В «Проприа Кюрес» несколько раз печатались купоны для читателей, которые нужно было заполнить и отослать в главную редакцию и дирекцию «Пароля», чтобы отказаться таким образом от подписки на него: «Господа! Вы наверняка

получили уже немало подобных писем, но это не помешает мне уведомить Вас, что статья под названием... в Вашем „выпуске“ от... была последней каплей, переполнившей и без того полный сосуд. Вам должно быть стыдно за подобные публикации! Вы, конечно, понимаете, что мой абонемент на Вашу (красную!) периодику я прерываю, начиная с...».

В «Проприа Кюрес» от 25 мая 1968 было опубликовано отвергнутое «Паролем» письмо некоего В. Ван дер Схе (W. van der Schee), в котором он помимо прочего протестовал против Дагбуканира (псевдоним Генри Кнапа¹), который в «Пароле» сравнивал смертные приговоры, выносимые в Китае и на Кубе, с умерщвлениями в нацистской Германии.

В том же выпуске «Проприа Кюрес» была напечатана картинка карикатуриста Фрица Берендта², работавшего для «Пароля» (возможно, мистификация), изображавшая фигуру бородача, с довольным видом уносящего под мышкой экземпляр «ПК», в то время как маленький продавец газет плачет, стоя рядом с наполненными «Паролем» горящими сумками.

-
- 1 Henri Alexis Anne Reinier Кнап (1911–1986) – журналист, писатель, не бесспорный участник Сопrotивления во время Второй Мировой войны.
 - 2 Fritz Alfred Behrendt (1925–2008) – нидерландский карикатурист немецко-еврейского происхождения.

ДОСТОПОЧТЕННЕЙШИЙ Г-Н ТАЮНИР¹*Греонтерп, 14 февраля 1969*

244

Благодарю Вас за письмо от 10 февраля с. г. Сожалею, что не могу тем или иным образом принять участие в работе над проектом, о котором Вы говорите в письме. Я работаю над новой книгой & и все другие ангажементы (например, лекции и интервью) я примерно на год отложил. Относительно поименованного Вами предмета, однако, у меня имеются идеи – что, кстати, явствует из моей работы – но идеи эти в нашем современном обществе не имеют ни малейшего шанса на осуществление. Оба столпа нашей культуры отвергают Смерть: гуманистический рационализм, вместе с Эпикуром & Вольтером, утверждает: «Пока я здесь, смерти здесь нет, а если есть, то меня нет – стало быть, какое отношение я имею к смерти?»². Насаждаемое христианство говорит, что «вера» фактически может упразднить Смерть & интерпретирует понятие «вечной жизни» как личное продолжение существования после смерти. Оба воззрения ограничены и инфантильны, но в нашем мире середины двадцатого века они играют

1 Предположительно, имеется в виду коллега Хенка ван Эссена.

2 Ср.: «Пока мы есть, нет смерти, а когда есть смерть, то нет нас» (Эпикур, Диоген Лаэртский, X, 27).

первую скрипку и будут играть ее еще целый век: рационализм & отречение от всего, также и от потаеннейших & глубочайших порывов человеческого существования, развиваются по-прежнему и всё также на марше. (Вам наверняка известна эта песенка: «Секс – нечто совершенно обыкновенное, как еда & питье», и т. д. и т. п.)

Сражение на публичной арене за то, что люди рассматривают как правду & свет, – дело благородное, но я в нем совершенно отчетливо усматриваю ничтожность – в этом сочетании. То, что я хочу сказать, я говорю в стихотворении, в рассказе, в письме, в тексте мессы и т. д. Какой смысл имеет рассказывать на том или ином форуме, что Бог и Смерть порой для меня идентичны («Ближе к Тебе»?).

Наука без мистической, а именно без эмоциональной картины мира не может признать Смерть. Также и эмпирически нигде не указано, отчего человек должен стариться & в конце концов умирать: это биологическое; ни единой причины, почему обновление и замена клеток не может происходить в течение неопределенного времени. В большинстве случаев это неосознанное (а порой весьма осознанное) желание умереть, приводящее людей к смерти: Смерть – Господня воля, и путем этого также и воля человека, принимая во внимание то, что человек – одного рода с Богом. (Поднимите как-нибудь руку & спросите в колледже, например, у того милого & честного

& поистине недурного преподавателя, профессора Де Ф., который рассказывает первокурсникам, что с точки зрения анатомической в человеке «душе» негде помещаться. Честное слово, я это не придумал.)

246

Существует наука, которая оказывает поддержку беременной женщине & ищет создания оптимальных условий для родов, но это не задача медицины как науки, которая оказывает поддержку умирающему & ищет создания оптимальных условий для смерти. (Герiatrics имеет целью прежде всего предотвращение старения & преждевременного, биологически еще не сделавшегося неизбежным упадка сил, & к настоящей науке о Смерти, ТАНАТОЛОГИИ, стало быть, отношения не имеет, или очень малое.)

Современная медицина не только борется со Смертью & и не только предотвращает ее, но и не питает ни малейшего почтения к Смерти. Обычный врач, но также и высокоспециализированные именитые профессионалы, применяют, как роботы, так называемую медицинскую этику и продолжают, невзирая на здоровье пациента или его близких, отказывать Смерти в том, что Смерти, по праву, уже давно причитается. (К счастью, существуют также люди, которые тихо делают свое дело.) Я полгода работал в больнице помощником санитары & знаю, о чем говорю. Но, если кто-то усомнится в здравости моей точки зрения, я предложу ему следующий, произошед-

ший недавно случай, касающийся человека, который в это самое время, когда я это пишу, не приведи Господь, еще жив. У него примерно год назад обнаружили наиболее зловещую, насколько я знаю, разновидность рака, *меланому*. За промежуток времени примерно месяцев в восемь провели три успешные операции, всякий раз приводившие пациента в отличное состояние. Против этого у меня нет решительно никаких этических возражений, если операции не являются причиной ужасных увечий или невыносимой боли: нельзя требовать от врача, чтобы он умерщвлял каждого смертельно больного пациента, & я не думаю также, что какой-либо разумный человек этого желает. Таким образом можно саму жизнь назвать болезнью & к тому же с весьма скверным прогнозом: годами влачить жизнь, чтобы закончить ее смертью! Пациенту, которого я имею в виду, в конце концов, примерно два месяца назад, совершенно неожиданно вновь сделалось хуже: метастазы проникли во всю брюшную полость, в большую область спины и печени. И разрушение крови тоже началось в полную силу.

Итак: этого пациента вновь вернули к жизни переливанием крови. Метастазы в спине были, очевидно, расположены очень близко к нервной системе, или же так переплелись с ней и те, что в печени, и бороться с ними было невозможно, но с теми, что в паху – можно! Эти ему тоже старательно облучили, одну

за другой. Неделю – полторы спустя метастаза возникла у него в здоровом глазу, и т. д. Теперь, через какие-то два месяца после большого окончательного коллапса – когда пациенту еще можно было при помощи опиатов обеспечить спокойный & достойный конец – он всё еще жив, весит 40–45 кг, совершенно пожелтел, потерял все волосы & ослеп на оба глаза. И только несколько дней назад ему прекратили облучать метастазы в глазу!

И теперь Вы скажете: это произошло в какой-то заштатной больничке, начальник клиники был, вероятно, в отпуске. Нет: это происходит в клинике им. Даниэла ден Худа¹ в Роттердаме, руками Института Радиотерапии под руководством Д-ра², который без всяких сомнений мнит себя приличным человеком & с негодованием узнает о нидерландских военных преступлениях в Индонезии & сам никогда не предстанет ни перед каким нидерландским судом. Я же считаю этого человека преступником. Но весьма тяжкие телесные истязания, благодаря которым Смерть можно оттянуть на пару недель, не наказуемы. Какой смысл в том, что этого совершенно обесиленного человека – вместо того, чтобы дать ему физическое и духовное облегчение, которое современная фармакология может предоставить в бесконечно разнообразных формах,

1 Daniel den Hoed (1899–1950) – врач, значительный основоположник радиотерапии в Нидерландах.

2 Dr J. G. van Andel.

еще более (в угоду кому? ему самому? семье?) превратить в весящий около 40 кг, пожелтевший, ослепший и облысевший скелет?

Возможно, есть в вашем контингенте один-два человека, осмеливающиеся мыслить. В целом мире, я полагаю, только один врач, женщина в Англии¹, которая занимается умирающими.

В сущности, вышеизложенное не есть речь в защиту эвтаназии в ограниченном смысле «избавления от страданий». Мужество и готовность к этому уже означали бы большое улучшение, это точно, но ни то, ни другое еще не заключали бы в себе помощи и действительного уважения к умирающему ЕГО БЛИЗКИХ & САМОГО УМИРАЮЩЕГО. Я не думаю, что Вы или я еще переживем существенный перелом, ибо он должен иметь под собой религиозную почву & религия по-прежнему оттесняема. Римско-Католическая Церковь с ее дешевой кладбищенской роскошью, ее Последним таинством Причастия & ее ежегодным праздником солидарности Смерти и Жизни – Днем поминовения – вовлекает в свои обряды & учения всё же некоторые остатки дохристианского, поистине мистического экстаза смерти, но даже и она, наша добрая старая Мать, боюсь, церковь умирающая: если она возродится когда-нибудь, я этого уже не увижу.

249

1 Euthanasia Society of America (*прим. Реве*).

Вы можете опубликовать это письмо – при условии, что опубликуете его целиком. Да утешит, согреет, просветлит и направит нас Дух, что находится за пределами всякого понимания. Примите и проч., Ваш

Герард Реве

МФАС¹-экстракт, март 1969

250

II

РОБ ТОУБЕР: IN MEMORIAM

Сейчас, через несколько секунд, вы сможете вновь насладиться *Большим Шоу Герарда Реве*, последним большим телешоу, который молодой телережиссер Роб Тоубер завершил до того, как 17 апреля сего года, в этой же самой студии, откуда я к вам обращаюсь, на 37 году жизни, в разгар работы скончался от паралича сердца.

Роб Тоубер, родившийся 6 октября 1936 г. в Амстердаме, вел полную приключений скитальческую жизнь, прежде чем, вернувшись семь лет назад в Нидерланды из французской столицы – Парижа, путем журналистики и, прежде всего, телевизионной критики, примкнуть к миру нидерландского телеви-

1 Медицинский факультет амстердамских студентов.

дения; там он сразу же привлек к себе внимание оригинальностью и гениальностью своей работы.

Работать с ним, Робом Тоубером – выступать на телевидении или в подготовленной им передаче – было не шуткой, хотя на репетициях мы нередко смеялись. Годы работника искусства – индийские годы, как я некогда сказал, но телевизионные годы с Робом Тоубером были индийские годы вдвойне. Роб никогда не был доволен и требовал всего и даже больше, как от самого себя, так и от других сотрудников. Но в этом ведьмином котле телестудий я не могу припомнить никого, кто не принимал бы это как должное. Принимали то, что требовал Роб Тоубер, ибо осознавали, что перед ними – величина. Роб Тоубер должен был доносить для людей великое и умел призвать себя к выражению этого безграничного и неохватного. Как всякий человек искусства, Роб Тоубер хотел осуществить невозможное: можно сказать, что порой ему это удавалось, даже если задача казалась неподъемной.

За те семь лет, вплоть до своей смерти, в течение которых Роб Тоубер был режиссером на телевидении, он сделал не меньше 175 больших телепрограмм, из которых 31 вышла в одном и том же году.

Для него самого это было всего лишь началом. Он вынашивал большие и великие планы, к которым привлек и меня: фильм «Осенняя

паутина» по моему рассказу¹; с размахом сделанная телепрограмма о Лурде, знаменитом месте паломничества католиков; гигантская развлекательная радиопрограмма в шести выпусках, не с интеллектуальными заморочками, а по-настоящему веселая и забавная, как прежде, когда всё было еще хорошо. Эта радиопрограмма, некоего рода экскурсионный поезд под условным названием «Цирк Реве», готова по крайней мере на две трети и когда-нибудь, на что я страстно надеюсь, выйдет целиком. Остальное останется в планах, идеях и мечтах.

И вот мы подошли, со смертью Роба Тоубера в возрасте 37 лет, к завершению жизни, которая представляется нам далеко не целиком осуществленной – по нашим собственным меркам, но и, несомненно, по тем меркам, которые поставил для себя сам Роб Тоубер. Давайте же задумаемся о том, что Роб за свою короткую жизнь неоднократно дарил миллионам людей счастье, экстаз и красоту – множество того, чего другим за всю долгую жизнь осуществить не удалось.

Будем надеяться, что то, что осталось здесь незавершенным, будет завершено в ином месте. И теперь, когда Роб столь неожиданно покинул мир, который так любил, – странный мир света и жизни, именуемый телевидением – будем надеяться, что ангелы сопровождают его к Свету Вечному, к Жизни Вечной.

1 Русский перевод в сб. «Меланхолия», 2008.

ГЕРАРД РЕВЕ БЕСЕДУЕТ С ГЕРАРДОМ РЕВЕ

Герард Реве в телевизионном шоу. Как это возможно? Как он туда попал? Это лишь некоторые вопросы, которые мы хотели бы задать Королевскому Народному Писателю. Но у Великого Человека не нашлось времени. Он написал в «ТелеВизир»¹: «Я всего на несколько дней в Отечестве, и это время должен полностью отдать работе над шоу». Но он любезно прислал с обратной почтой статью, исключительно для ТелеВизира, в которой Герард Реве берет интервью у самого себя:

253

Вопрос: Г-н Реве, как случилось, что вы создали это шоу?

Реве: Шоу – творение не мое, а Роба Тоубера. Сама идея, весь сценарий и все тексты принадлежат Робу; только рассуждения позаимствованы из моих любовных романов: «Ближе к Тебе» и «Поющее сердце»².

Вопрос: Да, но как же всё началось?

Реве: Два, два с половиной года тому назад примерно, Роб Тоубер прислал мне сценарий весом в 1½ кило. Я мельком просмотрел его и нашел всё это весьма вульгарным. Месяцев девять спустя мне опять прислали сценарий весом около 3 кг: музыка, декорации, голые девицы, чего там только

1 Еженедельная программа теле- и радиопередач.

2 Реве имеет в виду свой поэтический сборник.

не было! «Вот же чушь собачья», – подумал я, но меня стало разбирать любопытство. Как-то в одну из бессонных ночей я начал читать внимательно, и от хохота у меня заболел живот и понос прошиб! Мне понравилось, но я всё еще колебался. Следующей, столь же бессонной ночью я прочел остальное, и мне пришлось скинуть с себя все одеяла, до того я возбудился. Последние сомнения я победил в третью ночь бодрствования, когда вдруг представил себе лица моих литературных коллег, – там, у себя в гостиных, по другую сторону экрана.

Вопрос: Не находите ли вы, что это ниже вашего достоинства, участвовать в шоу, которое в первую очередь задумано как массовое зрелище?

Реве: ...Подобная мысль меня никогда не посетила. Однако я частенько задаюсь вопросом, не находят ли все те одаренные личности, которыми окружил себя Роб Тобер, унижительным то, что они вынуждены работать с таким беспомощным дилетантом, как я, не умеющим ни ходить, ни танцевать, ни петь. Им пришлось всему меня учить, как обезьяну, право слово. Я должен лазать, ползать, вести программу; режиссер велел мне сбросить 5 кило веса (примерно вес обоих сценариев), потому что мне нужно было танцевать.

Вопрос: Есть ли у вас догадки, почему в Шоу хотели видеть вас самого?

Реве: Ну, тут вот в чем дело: я, как всем известно, молодой, красивый, а Роб Тоубер – глубокий старик и жалкий урод. Но у него имеются замечательные, прекрасные мысли и чувства в душе, в сердце, я бы так сказал. Ибо он – в самом деле юноша с золотым сердцем, истинная правда: г-н Тоубер – для вас, Роб – для меня! Вот что я имею в виду. Но г-н Тоубер не может сам выступить на сцене со всеми этими замечательными и прекрасными и возвышенными мыслями и песенками: у него для этого совершенно неподходящая наружность, напрочь отсутствует голос и ко всему прочему он – карлик. Посему я это взял на себя и горжусь тем, что у меня есть возможность вытащить на свет божий все эти потайные замечательные и прекрасные мысли г-на Тоубера.

Вопрос: Вы работаете бок о бок? Я слышал, что вы остановились у Роба Тоубера.

Реве: Да, это так. Так быстрее получается. Единственное, что Роб хочет заполучить меня в постель, а я этого не могу: я хочу сказать, это сокровище, а не парень, по-человечески, но телесно он возбуждает во мне отвращение. Он всякий раз пытается, но я говорю ему: «Нет, Роб! О койке мы не договаривались». Когда я ложусь спать, дверь гостевой комнаты тут же запираю изнутри, вот так. Счастье еще, что он настолько занят нашей эротической мис-

терией, что ни разу не прочел тот параграф, что маленькими буквами в моем контракте, хотя каждый ребенок знает, что их-то нужно читать прежде всего! Потому что там написано, что я должен полностью удовлетворять режиссера!

Вопрос: Вы в настоящий момент больше ни с кем, с юношей, который с вами, с которым вы, как бы это сказать...

256

Реве: ...Женат? Это вы имеете в виду? Нет, я снова один. Всё получается не так, как надеешься, с жизнью не поспоришь. Я – человек постоянный, верный и заботливый. С Вими я прожил 7 лет, с Тигром – почти ю. С Шакалом продлилось всего год. Это было как сон, чары, но продолжаться не могло.

Вопрос: А вы бы снова...?

Реве: Да, конечно... я знаю, что он вдруг опять появится. И мы оба почувствуем, что нас зацепило, и не нужно даже слов. В это я верю.

Вопрос: Вы говорите, что богаты.

Реве: Богат? Нет, нет. Я хорошо зарабатываю последние года два, это правда, но и откладываю много на черный день, болезни или депрессию, или Бог знает какие еще беды нагрянут. Я всё инвестировал в собственное наследство и в дом, который выстроил своими руками, в моих Укромных Владениях, за Границей. Я хочу покоя, мира и тишины, а роскошь меня не волнует. Я одеваюсь и питаюсь точно так же,

как во времена бедности. Нет, у меня нет ни радио, ни телевизора, ни проигрывателя. Это всё великолепные устройства, которые доставляют мне огромное наслаждение, если мне не нужно держать их дома.

Вопрос: В прозе и стихами вы пишете довольно много о смерти. Как вы ее себе представляете?

Реве: Как, и где, и когда я умру, вы это имеете в виду? Не бывает дня, чтобы я не думал об этом. Но всегда выходит не так, как хочешь и думаешь...

257

Вопрос: А как бы вам хотелось?

Реве: Я хотел бы умереть за моим рабочим столом, с пером в руке. А последнее слово, которое я успею написать, будет...

Любовь...

Или, если оно должно прозвучать короче:
Бог.

Герард Реве

(Королевский Народный Писатель)

«ТелеВизир», 11 мая 1974

12

Письмо написано в связи с фотокопией из французской газеты от 5 июня 1974, под заголовком «Poète maudit» dans son pays mais réhabilité par la reine Juliana; l'écrivain hollan-

dais Gérard Reve a choisi un vieux village drômois pour la période mystique de son évolution» («Проклятый поэт» в своей стране, однако реабилитированный королевой Юлианой, нидерландский писатель Герард Reve избрал деревушку в Дроме для „мистического“ периода своего расцвета»).

258 Поэт-Лаваль (Дром) – является ли Герард Reve (его истинное имя, могущее обозначать в Нидерландах как «rive» («берег, побережье»), так и «riff» («небольшая ритмическая фигура, сопровождающая партию в джазе») крупнейшим живущим писателем Нидерландов? В любом случае он – один из знаменитейших, своего рода монстр, которого некоторые объявили святым и превозносимый ими, другими же, прежде всего здравомыслящими, презираемый, хотя Reve предпринял нашумевшее обращение в католическую веру.

Четыре года – младший лейтенант в Индии, официант в кафе, журналист, коммивояжер, воспитанный на идеях марксизма.

Жизнь, полная приключений, которые он с двадцати пяти лет (ему шестьдесят) отражает в романах, стоивших ему пособия на путешествие (в 1954) из-за «аморальности».

Но в 1966 состоялось обращение. Он, который до тех пор рассматривался как – его собственными словами – «монстр, развращающий молодежь» – не обрел покоя. Когда в прошлом году епископ отказал ему в мессе, которую тот желал отслужить по случаю

двадцатипятилетия с начала своего писательского ремесла, Герард Реве понял, что ничего не изменилось.

Он возвратился в Поэт-Лаваль (Дром), где проживает с начала своего обращения. Туда явились слава и восстановление попорченной репутации, дабы вытащить его из укрытия. Слава – в виде романа «Язык Любви», тиражом в 110000 экземпляров – впечатляющее число для нидерландского писателя; реабилитация – благодаря королеве Юлиане, лично присвоившей ему в апреле рыцарский крест Оранских-Нассау (Почетный легион Нидерландов).

259

Герард Реве отправился на родину, чтобы получить награду, затем вернулся в Поэт-Лаваль, терпеливо продолжать свои длинные медитации.

«Гете, – говорит он, – писал: Сперва классицизм, затем романтика, предшествующая декадентству, и, наконец, мистика. Я – романтический декадент. Любимая тема? Любовь и смерть».

Но от «декадентской романтики» до «мистики» всего один шаг, который Герард Реве, похоже, уже сделал под небесами Верхнего Прованса.

Ж. Д.

Примечание редакции: Всего один роман Герарда Реве переведен на французский: «Вечера» (издательство «Галлимар»).

К этому письму прилагалась копия статьи примерно того же смысла, но чуть страннее. Возможно, она принадлежала перу того же автора» – Жана Дюрана. Статья была напечатана в «La Dauphiné Libéré» 5 июня 1974.

На открытии выставки на пятом этаже «Бейенкорфа» в Амстердаме Реве задается вопросом, отчего Кармиггелту посвящена выставка, а ему нет, «в то время как я гораздо более крупный и значительный писатель». Реве открывает выставку намеком на Кронкель (газетная рубрика Кармиггелта), который предваряет сообщением: «Он может, другой – нет. В любом случае не так, как он. Это была ревиристская штучка, так что тоже не хухры-мухры» («НРС Ханделсблад» от 12 февраля 1975). Реве перерабатывает текст в набросок «Дождь», который затем вошел в сборник «Свой дом».

Рассказ Реве о письмах Марцела Эмантса к М. Б. Мендесу да Коста содержит ряд неточностей. Эмантс умер в 1923 г. Письма

М. Б. Мендеса да Коста к Эмантсу неизвестны. То, что между они переписывались, явствует из двух статей Мендеса да Коста об Эманте в «НРС Ханделсблад» от 5 января и 26 апреля 1924 г. Мендес да Коста умер еще до Второй мировой войны, в 1939 г. Он работал в отделе рукописей Университетской библиотеки Амстердама. На чердаке УБ найдены письма Эмантса к Медесу. См.: P. H. Dubois, «Een speurtocht naar brieven» («В поисках писем»), Bzzletin № 55 (апрель 1978), с. 29–30.

НИДЕРЛАНДЫ ПО ДОРОГЕ К КОНЦУ?

В воскресенье 17 марта 1974 нидерландское телевидение показало программу из амстердамского Бельвю – интервью В. Л. Брюгсма с братьями Герардом и Карелом (ван хет) Реве.

263

Через десять минут после Ученого Брата в Night Watch Bar¹ отеля American прибывает Великий Королевский Римско-Католический Народный Певец Любви – для подготовки к Первому «Живому» Телевизионному интервью, на которое Герард Реве решился впервые в жизни.

Ученый Брат в скромном хаки заказывает «кровавую Мэри»; сенсационный писатель, избравший тоник, одет в скромный черный костюм с двойными шлицами, какие нередко видишь на британских дипломатах, хотя они никогда не надевают их по воскресеньям; при этом на нем лиловая рубашка, которую Foreign Office² вряд ли одобрил бы.

Интервьюер, скорбный желудочным гриппом, потягивает Bisquit³. Далее он оглашает

1 Бар «Ночной Дозор» (англ.).

2 Министерство иностранных дел (англ.).

3 Коньяк.

указ: единственной темой беседы будут перемены в Нидерландах.

264

Некогда многообещающий молодой, а теперь сделавшийся знаменитым писатель сообщает, что в этом отношении он упертый, и выкладывает сперва коробку с письменными принадлежностями, среди которых самописки и чернильница-непроливайка, затем – про сценарий своего нового телешоу (очень вульгарное, очень хорошее), про свою новую книгу (о ней непременно нужно упомянуть), про свою работу в целом (становится всё лучше и лучше), про свою сахарную болезнь (обзавелся в индийские годы) и о факте, что теперь у него впервые в жизни Прочный Порядок в Финансовом отношении.

По всей вероятности оттого, что желал бы этот Порядок поддерживать и впредь, он несколько раз восклицает: «Смерть рабочим», хотя никаких рабочих в Night Watch Bar не наблюдается. Об остальных голландцах он также ничего хорошего не говорит.

Когда писатель вновь заводит речь об уникальной комбинации: творческий художник и кассовый успех, у интервьюера случается припадок желудочного гриппа, им овладевает тяжкая тошнота, и он приносит извинения. Писатель сочувственно выражает мнение, что, возможно, это предвещает сердечный приступ.

За полчаса до начала передачи (по студии мечутся несколько нервных теледеятелей) писатель одалживает у интервьюера расчес-

ку, дабы прихорошиться, хотя его прическа и без того обладает небрежной элегантностью, которая в таком почете у аристократии. К сожалению, он причесывается с водой, и локон склеивается, что маркизу не пристало.

Прямо перед началом передачи он просит бокал вина. Вина нет. Писатель выглядит весьма удрученным.

265

Перед тем как приступить к разговору об изменившихся Нидерландах, я хотел бы немного подробнее узнать об изменившихся братьях Ван хет Реве. На словах и письменно вы сейчас производите впечатление некоторой сдержанности по отношению к обновленному обществу, но раньше это было не так, раньше вы оба были коммунистами. Как так вышло?

Карел ван хет Реве: Это потому, что мы родились и воспитывались в правоверной коммунистической семье.

Где это было?

Карел: В Бетондорпе¹, в Амстердаме. А именно, мы родились на Ван Халлстрат, где также...

Герард Реве: Я родился в той же комнате, на том же этаже, в том же доме на Ван

1 Район в Амстердаме, поблизости от Ватерграфсмер; экспериментальная застройка 20-х гг., социальное жилье из дешевых строительных материалов, преимущественно бетона.

Халлстрат, где родился покойный южно-африканский премьер Вервурд¹.

Но этого он знать не мог. Вернемся к Бетонной Деревне. Имеются ли у вас приятные воспоминания о тех временах, когда вы активно участвовали в коммунистическом движении?

266 **Карел:** Что ж, у меня действительно имеются приятные воспоминания. Ах, я не могу сказать «активно», мы были тогда еще маленькие, но мне это казалось интересным, и среди тех, кто приходил к нам, встречались очень милые люди.

Герард: Ну, мои воспоминания несколько болезненнее. Полагаю, что мой брат всегда отличался некоторой сдержанностью, в то время как я гораздо более решителен. Я верил, что весь этот вздор – правда. Я в это верил годами.

Сейчас происходит то, с чем я сталкивался сорок лет назад. Театральная труппа, показывающая некое представление, называлась тогда, по словам «агитация» и «пропаганда», Агитпроп. Выходит человек с мегафоном и говорит: «КАПИТАЛИЗМ ЗАГНИВАЕТ». И другой, стоящий рядом с ним, выходит вперед, в ином све-

1 Hendrik Frensch Verwoerd (1901–1966) – южно-африканский политик и социолог, 7-й премьер-министр Южной Африки с 1958 года до его убийства в 1966 году. Идеолог апартеида в ЮАР.

те, и говорит: «ОН ОБРЕЧЕН». И в Голландии сейчас опять происходит в точности то же самое.

А эти танцевальные группы, изображающие строительство социализма, сами знаете, этакие... И опять-таки были фигуры, которые этому строительству угрожали.

267

С точки зрения марксизма ваше происхождение безупречно. Ваш отец, насколько я знаю, сначала работал текстильщиком, потом сделался активистом и журналистом. Вы тоже немало подросли, в интеллектуальном смысле, под крылом Яна и Анни Ромейн¹.

Карел: Да, наш отец в 1921 и 1924 гг. был уполномочен на конгрессы Коминтерна в Москве. Он еще Ленина видел. Этого у нас не отнимешь.

И, несмотря на это, вдруг трещина. Отчего? Сомнения?

Карел: Возможно, было гораздо больше тех, чья вера пошатнулась, и они не могли сказать: это произошло тогда-то и тогда-то. Постфактум это реконструировать невозможно. Однако можно вызвать в памяти

¹ Jan Marius Romein (1893–1962), историк и журналист, и его жена Annie Romein-Verschoor (1895–1978), историк и писательница, марксисты.

случаи зарождающихся сомнений и сказать: тогда-то и тогда-то я уже полностью отошел от этого, но этому предшествовал очень длинный переходный период. Я бы совершенно точно не смог вспомнить.

Герард: Был период безоглядной веры, потом она сделалась более умеренной. Этот процесс тянулся десять лет.

268

И всё же: существует ли провал, чувство потери, вроде «у меня было всё, а теперь я остался ни с чем»?

Герард: Да, это вера, которая предусматривает фактически всё, хм. Я имею в виду, в точности как средневековая церковь: коммунисты, маниакальные марксисты, которые всё знают: социологию, сексологию, литературу, искусство, всё, всё, всё.

Карел: Для меня это как раз нечто вроде избавления. Я до сих пор чрезвычайно рад, что мне не нужно верить во что-то установленное, что я могу объехать весь мир, населенный самыми разными людьми, утверждающими самые разные вещи, и никто не загоняет тебя в угол, и не предполагает, что ты должен верить во что-то насаждаемое.

На каком мировоззренческом градусе широты пребываете вы в данный момент, с политической точки зрения?

Карел: Я за Юпа ден Эйла голосовал.

В наши дни случается чаще, что католики становятся марксистами, нежели наоборот.

Герард: Ну смотрите, и маниакальный марксизм, и католицизм, в принципе, де юре по меньшей мере, закрытые системы. Но в действительности католицизм – весьма открытая система и храм веротерпимости по сравнению с марксизмом.

269

Карел только что объявил о своем выборном предпочтении. За кого стали бы голосовать вы?

Герард: Я отдал и буду отдавать свой голос Народной Партии за Свободу и Демократию, поскольку верю, что основные конституционные свободы – свобода вероисповедования, искусства, свобода для нас, гомосексуалов, – при либералах надежнее, нежели при нынешних социалистах, которые являются оппортунистами и при случае жертвуют определенными конституционными свободами ради иного интереса, или интереса вымышленного.

Но это лишь предположение. Вам до сих пор не чинили никаких препятствий в Нидерландах.

Герард: Я считаю, что из-за нынешнего правительства и нынешней политики Партии Труда над великими завоеваниями в области социальных благ нависла угроза. И я считаю, что социалист, кем я, в сущности, был и являюсь, теперь должен голосовать не за Партию Труда, а за НПСД¹. Уже само название – «Партия Труда» – мне кажется насмешкой: можно подумать, что тот, кто не является членом симпатизирующим этой партии, не вкалывает.

Я сейчас, с вашего позволения, прочту вслух одну цитату из «Языка любви»², которая может вызвать некоторое недоумение, а именно: «Я – за Церковь и Государство и Порядок и Власть и наш Царствующий Дом, и против пролетариев. (Я считаю, что рабочие должны жить в специально обособленных кварталах, которые им разрешалось бы покидать только для выхода на работу & далее строго по специальным пропускам.)». Вопрос: это фигура речи, розыгрыш или всерьез подразумеваемый вклад в планировку пространства?

1 VVD, Народная Партия за Свободу и Демократию.

2 В первом издании «Языка Любви» третья глава состояла из писем С. Кармиггелту (1 мая–2 ноября 1971). В последующие издания эта глава не вошла. Цитату см. в книге «Письма Симону К.» (16 мая 1971 г.), 2014.

Герард: Это то, что ускользает от восприятия, и это, разумеется, нехорошо для Нидерландов, потому что у голландцев, в сущности, ужасно плохо с чувством юмора. Голландец считает, что он ужасный забавник и ужасный умник, но голландец, вообще говоря, этакий немец, который воображает, что он не немец, потому что пьет молоко. Когда читаешь такое, смех разбивается. Вся цитата, разумеется, возбуждает отвращение ко всему этому левому базару. Разумеется, это чтобы поддеть, но и пошутить. Это *cri de coeur*¹, некое излияние, вырывающееся произвольно. Потому что слышишь: рабочий всегда прав. Рабочий, который, не будучи больным, сидит на бюллетене да вдобавок еще и подрабатывает по-черному, – он под закон не попадает, его не нужно преследовать. Но пара тысяч людей, купивших яхту на «черные» деньги, попадает под суд. Отслеживание этих людей, разумеется, совершенно правомерно, но рабочие, сделавшие обшивку кают и устанавливавшие туалет, арестованы не были. Мой «караван» полностью оборудован людьми, получавшими по бюллетеню 14, 15 или 18 гульденов в час, а если им слово поперек скажешь, еще и наорут на тебя. В Амстердаме есть фирма, которая работает с такими бюллетенщиками, целая фирма.

1 Крик души (*фр.*).

Интервьюер по телефону передает это высказывание молодому рабочему Яну Йетте, который предполагает, что, если бы это зависело от Герарда Реве, то не осталось бы ни единого шанса на социальное страхование, и в заключение замечает: «Малыши вопят „какашка“, а потом с хохотом удирают, если кто-то принимает их всерьез, и я не думаю, вообще говоря, что его можно принимать всерьез».

Герард: Какое дурацкое высказывание, что я возражал бы против социального обеспечения. Я же сказал в начале программы: я считаю, что из-за нынешнего правительства и нынешних тенденций приобретенные крупные социальные гарантии находятся в опасности. Я полагаю, что это не сможет длиться долго, понимаете? Если, таким образом, 10 или 15 или 20 процентов рабочего населения занимаются мошенничеством, то терпение лопнет и в какой-то момент начнется сопротивление и дальше так будет нельзя. За последние двадцать пять лет произошли потрясающие вещи, Чрезвычайный закон Дреса¹, который впоследствии пе-

¹ Чрезвычайный закон об обеспечении по старости: в 1947–1957 гг. в Нидерландах был введен закон о пенсионной реформе (субсидии мужчинам и одиноким женщинам старше 65 лет, не обладающим достаточными доходами). Назван по име-

перос в настоящий закон об обеспечении старости, пенсии вдовам и сиротам, пособия по безработице, пособия по болезни, это всё потрясающие завоевания, но если их не охранять...

Вопрос о злоупотреблении социальной защитой я бы хотел задать и Карелу. Вы в этом отношении кажетесь не столь неистовым, в отличие от вашего брата.

273

Карел: Да, не могу сказать, что не сплю из-за этого ночами, и сколько там процентов, тоже не знаю. Конечно, некоторое злоупотребление было всегда, а принимает ли оно сейчас существенно крупные формы, моральные и экономические, не имею понятия.

Ваши воззрения на эти предметы отличаются от воззрений вашего брата, и вы также голосуете за другую партию, ПвдА, которую он описал, как всё больше походящую на НСБ¹. Насколько это верно, согласно вашему опыту?

Карел: Я бы тогда не стал бы за нее голосовать, разумеется.

ни инициатора этого закона, тогдашнего министра социальной защиты Виллема «Папаши» Дреса (Willem Drees (1886–1988)).

1 NSB, Национал-социалистическое движение.

Откуда же взялось такое сходство? Довольно сильное, однако.

Герард: Дааа... Это партия черни.

И кто же в нее входит?

274 **Герард:** Это банда, люди, которые умеют мыслить исключительно клише и лозунгами. Я считаю, что этот тип отвратительный, Юп ден Эйл, который только и ищет популярности у стадионной публики и говорит, что «Аякс» должен получить кубок в Королевском дворце на площади Дам. Но не говорит, кто должен будет потом платить за ущерб, причиненный сокровищам искусства в этом здании. Мне всё это кажется мерзким.

Что явно заметно в вашем рассказе, это страх перед массаами, бандой, революцией, перед всем, что многих людей одновременно поднимает на ноги. В этом кроется соответствующее влечение к аристократии. В одном из писем к Симону Кармиггелту¹ вы спрашиваете, не был ли фашизм по духу более аристократичным, чем национализм. Что навело вас на эту мысль?

Герард: Хочу еще немного сказать о спорте. Почему нужно быть против и почему бы

1 См. «Письма Симону К.», 20 октября 1971.

не поддерживать человеческую массу и также восхищаться тем, что они развлекаются, это потрясающе, это возбуждающе, это приятно. Но строить на этом исходную политическую позицию и разыгрывать ее на людях – я считаю, что это пошло и опасно.

Вы называете себя народным писателем.

275

Герард: Это просто для того, чтобы словечки придумывать, чтобы подчеркивать что-то, понимаете. Это чушь. Людей я порой дурачу, но не самого себя. Я пишу и пытаюсь остаться в живых, и сегодня я говорю, что пишу ради денег, а завтра – что пишу для Бога и искусства, и это тоже, в сущности, верно, и потом, через день, что высокопоставленные особы восхищаются моими книгами и так далее и тому подобное. Всё это – шоу.

Но склонность к аристократическим замашкам...

Герард: Это присуще всякому романтическому художнику.

Я – обыкновенный буржуа, и мне всегда говорили, что аристократы недосыгаемы, это нечто вроде газона, который ты должен был засеять триста лет назад, а если этого сделано

не было, то никогда и не получится ничего. Так что это, должно быть, разочаровывает – стремиться к тому, чего не сможешь достичь в действительности.

276

Герард: Но я чувствую себя аристократом лишь в тот момент, когда вижу людей, топчущих искусство, и людей, требующих от искусства, чтобы оно было важным, преобразующим общество, что, по сути дела, есть развитие кальвинистской точки зрения: что искусство должно быть созидательным.

Вернемся к терпимости. Я могу полностью ошибаться, но у меня создается впечатление, что терпимость, которой вы требуете, прежде всего, терпимость по отношению к вам.

Герард: Нет, тут вот что, глядя на меня, можно подумать: этому и удавить тебя ничего не стоит. Но я всего лишь человек, который взвинчивает себя и вредит себе, знаете ли, хотя я ведь мухи не обижу. Если я говорю «толерантность», я, разумеется, имею в виду толерантность по отношению к каждому, что можно делать что угодно, но в рамках закона, а теперь, на мой взгляд, видишь демократию, вырождающуюся в массовое собрание, растущее недоразумение: что демократия будет господством большинства и подавлением всяческих стремлений меньшинства.

Никогда никакой демократ этого не говорил, разумеется.

Герард: Нет, но я сейчас вижу развитие этого.

Внепарламентское, агрессивное, мы видим, что государство и полиция теряют власть, и возникают террористские группы, которые добиваются чего-то. Которые через пять лет станут жечь издательства, книги станут жечь, газеты станут жечь, а через десять лет, вероятно, станут жечь людей.

277

Пока что до этого не дошло.

Герард: Но дойдет. Если бы вы в 1939 г. сказали какому-нибудь еврею на террасе кафе «Де Крон» в Амстердаме: через три года тебя и твою семью выволокут из дому и удушат газом где-нибудь в Польше, затолкают тебя в угол душевой, а сверху пустят газ, и ты умрешь, – вы бы поверили?

Я говорю людям: если тебе дорога жизнь, позаботься о том, чтобы через десять лет ноги твоей тут не было, но если сможешь, то и через пять лет.

Вы говорите вещи, о которых всегда можно сказать: шутка, и не принимать их всерьез. Но если бы я был суринамцем, живущим в Бейлмермере¹, ваши высказывания о них при-

1 Bijlmermeer (Bijlmer) – район на юге Амстердама, застроенный высотными домами.

влекли бы мое внимание. Высказывания типа «все кофейные зерна в джумбо¹ и скатертью дорога».

Герард: Ха-ха-ха-ха.

278 *Вы смеетесь, но сами-то вы – сравнительно бейный, а они нет. Я думаю, что у этих людей гораздо больше поводов опасаться подобного рода высказываний, нежели у вас для того, что через десять лет вас сожгут живьем.*

Герард: Я бы хотел подчеркнуть бесчеловечность эксперимента: вывозить людей из совершенно другой части света, из области с совершенно иной культурной структурой, совершенно иной сферой жизни, и укоренять их тут и надеяться, что всё будет хорошо, в то время как люди не могут найти работу и становятся жертвами социального развала.

Их здесь не укореняют, они приезжают сюда по доброй воле.

Герард: Да, конечно, но это поощряется, в любом случае им не препятствуют, и люди погибают. Эта ассимиляция зиждется на каком-то бреде.

1 Пассажирский самолет.

Но вы не опасаетесь того, что упрощение этого утонченного заявления до «все кофейные зерна в джумбо и скатертью дорога» может вызвать недоразумения?

Герард: Ах, это мысли, какие есть у всякого, я имею в виду три четверти населения Нидерландов – антисемиты. Я – нет, но если я заявлю об этом в обществе, все рассмеются. Всё зависит от того, как ты это подашь.

279

Да, вы говорите «я не расист», и я сам хотел бы в это верить, но вы, однако, против многих вещей. В этом у вас некоторое сходство с братом, хотя он куда мягче вас. И в его, и в ваших произведениях видна склонность сразу переходить на личности. И что мне при этом бросается в глаза, это громадная нидерландскость. Каким бы великодушным или захватывающим ни было написанное вами, в этом всегда ощущается обертон или полутон сублимированной и гениально проведенной соседской ссоры. Так мне представляется. Как вы сами подходите?

Карел: Мда, я собственные сочинения, разумеется, не могу хорошо оценивать. Но я в некоторой степени полемист, некто, чье мнение отличается от мнения остальных. И это я нахожу интересным для работы. Если ты где-то с чем-то согласен, можешь держать язык за зубами.

Герард: Моя позиция гораздо более шаткая. Мой жизненный путь сложился иначе, и я чувствительнее, более пылок, я романтик. Мой брат вышел из этой системы и никакую другую не принял. Я же принял другую систему. В 1959 г. мои сомнения касательно коммунистической веры окончательно развеялись. В том же году умерла моя мать, и в этот момент я соприкоснулся с римско-католической церковью, и мне представился, в сущности, институт, который совершенно перенял эту роль, который называет себя нашей матерью, и во главе которой тоже стоит мать. Я имею в виду: де юре делом заправляют отец и сын, но фактически Мать, слава богу, глава. И я это принимаю. Я живу в мифологии, я живу в религиозных картинах, в символах, я не рационалист, я совершенно другой человек, нежели мой брат. Ему это всё не нужно, он находит удовольствие в дебатах, в полемике на академическом уровне, в то время как я, всегда, да... мне всегда хочется быть услышанным и понятым.

В конце интервью все чувствуют облегчение и удовлетворение, кроме интервьюера, который вновь ощутил спазмы желудка. Из непрерывного треска телефона явствует, что консерваторы довольны, потому что, наконец, великий писатель высказал о кофейных зернах

и рабочих то, что они всегда думали про себя. Прогрессивные умы счастливы оттого, что полагают, что Ван хет Реве сорвал с себя маску и на всякий случай уничтожил ее.

Писатель сам считает, что действовал отлично. Только, говорит он интервьюеру, и губы его вновь складываются в недовольную гримасу, нетактично было с вашей стороны зачитывать цитаты о рабочих и кофейных зернах. Всё это вода на мельницу черни и толпы.

281

Затем его лицо вновь просветляется. Он сжимает правый кулак, восклицает: «Власть белым!» и отбывает в такси по направлению к Осдорпу.

БЫТЬ АЛКОГОЛИКОМ БОЛЕЕ НЕ БЛАГОСПРИСТОЙНО

Герард Реве
о «Письмах моему врачу»

283

«Это был рабочий квартал, в котором жил Гротхёйзе, но его можно было вполне назвать околотком. Ему приходилось зарабатывать на жизнь, и он рассказывал мне, что вначале временами носился рысцой по улицам и переулкам с таким специальным, на защелках, сак-воляжем. Забегал в книжный магазин или к газетному королю и, побыв там немного, опять выходил на улицу. Таким образом он подчеркивал, что его снова вызвали к пациенту. Это был его метод саморекламы».

В своем доме в Схиедаме Герард Реве вспоминает о Яне Гротхёйзе. С 1963 по 1980 гг. он написал этому врачу, имевшему практику в амстердамском Валлене¹, внушительное количество писем. В книге «Письма моему врачу», вышедшей в конце ноября 1991 г., речь идет, в основном, о болезнях, лекарствах,

1 Де Валлен – крупнейший и наиболее известный из кварталов красных фонарей в Амстердаме.

спиртном и смерти, – темы, которые доминируют в беседах с писателем.

284 «В этом квартале было заведено слегка дурачить нового врача, – продолжает Реве. – Классическая шутка состояла в том, чтобы вызвать доктора к постели умирающего ребенка и положить в колыбельку щенка. Но Гротхёйзе было голыми руками не взять. У него всегда имелся с собой флакон и столовая ложка, он выслушивал щенка стетоскопом и говорил: „Поправится“. И вливал в пасть собаки ложку безвредного, но весьма эффективного слабительного. Как только он уходил, собака выскакивала из колыбели и засирала весь дом». Мрачное выражение лица 67-летнего писателя на мгновение сменяется ухмылкой.

Реве долго не решался опубликовывать эти письма. «Поскольку человека, о котором идет речь, более нет в живых. Ни одной ошибки уже не исправить, и он уже не может возразить. Есть поговорка: о мертвых – только хорошее. Прежде эту поговорку высоко ценили, ибо страшились мести покойника. Теперь же идея в следующем: он ведь не сможет опубликовать отосланные письма. Но самая важная причина моих колебаний была такова: из этой публикации явствует, что Реве не чужд человеческих слабостей.

Что характерно для всей моей опубликованной переписки – я никогда не копировал личные письма перед тем, как отослать их. Иначе письма уже не будут спонтанными. То-

гда потомки станут смотреть на тебя с презрением. Наследники предоставили мне копии для этой книги. Моим принципом было и остается: ничего не публиковать против воли адресата. Нужно с уважением относиться к законным требованиям».

«Гротхёйзе бился над огромным количеством бесперспективных пациентов», – рассказывает Реве. И, прежде всего, он сам страдал депрессиями. В 1983 г. он покончил с собой. Реве до конца их переписки непрестанно ободряет его. В 1979 он пишет, обсуждая самоубийство, которое обдумывает Гротхёйзе: «Это они, веселая братия, бонвиваны, шутники, которые день и ночь рассказывают о том, как всё «потрясающе», лезут в петлю. Ипохондрик и пессимист нередко доживают до глубокой старости. Стало быть, не волнуйся». Реве: «Он писал очень редко и очень кратко. По его понятиям, только тот, кто не здоров, может быть идеальным врачом. У Гротхёйзе были серьезные переутомления, он крепко пил, но не думаю, что он был алкоголиком».

285

Реве и сам несколько раз упоминает в письмах о своем стремлении к смерти. «Если существует право на жизнь, должно существовать и право на смерть, – излагает писатель свой взгляд на самоубийство. – Шопенгауэр подчеркивает, что ни в античности, ни в иудаизме, ни в христианстве нельзя найти осуждения самоубийства. Так что мы можем на-

звать это законным правом. Однако нельзя пользоваться им опрометчиво. Если я сведу счеты с жизнью, я принесу несчастье большому количеству людей. Стало быть, делать мне этого нельзя. Моя Святая Мать, Римско-Католическая церковь, запрещает самоубийство, но оно не наказуемо. Церковь столь прагматично и человечно устроена, чтобы сказать о том, кто прекратил свое земное существование, „его рассудок был помутнен“ и устроить ему освященные похороны. Прежде всего, церковь хорошо вникает в человеческие слабости. Категорический запрет может привести к тому, что человек, понуждаемый к самоубийству, станет сопротивляться. Вот, например, скажут: „Бабушка, пора бы тебе с балкона сигануть, мы тогда твою каморку сынишке отдадим, потому что он сейчас в школу ходит“, тогда бабуся имеет право ответить: „Возлюбленная дочь моя, моя церковь мне это воспрещает“».

Реве переводит беседу на то, как писал под влиянием дурманящих средств, после моей просьбы рассказать о тонизирующих и успокоительных таблетках, которые он в больших количествах заказывал у Гротхёйзе. Он описывает употребление психоактивных лекарств в кругах, в которых вращался году в 1970. «В то время там была куча депрессивных. Раньше психическими расстройствами страдали только высшие классы. Вся машина Фрейда работала на тех, кто мог пла-

тять. Но тут наступило время, когда кто угодно без особых хлопот мог приписать себе всяческие расстройства. При депрессиях тогда на день выписывали амфетамин, а на ночь – успокоительные, валиум или либриум. Сереста появилась позже, это антидепрессант для людей с несложной структурой характера. Я тогда принимал только 5 мг, чтобы уснуть. В то время, если у тебя имелись деньги, можно было частным порядком закупать эти лекарства мешками. Я знал людей, умерших оттого, что они принимали тонизирующие средства, выписанные тремя различными врачами».

287

Из писем явствует, что Реве выписанными Гротхёйзе лекарствами иногда пользовал своих друзей. «Ко мне постоянно обращались люди, отягощенные и перегруженные заботами. Хотел я того или нет, мне приходилось играть роль Иисуса Христа. И я, наверное, заказывал так много лекарств, потому что думал: вот случись война, останешься на бобах.

Из меня бы вышел очень хороший врач и компетентный специалист, в малоразвитой стране уж точно. Но, оглядываясь, я понимаю, – всё же хорошо, что я избрал иную карьеру. Я бы не достиг академического уровня и был бы слишком блестящ и артистичен. Эта удивительная, почти извращенная смесь смирения и гордости мне бы не подошла. Величайшие специалисты и хирурги остаются анонимными. Ты спасаешь жизнь бесчис-

ленному количеству людей и больше никогда их не встречаешь. Это жертвоприношение твоей профессии».

288 Писатель находит естественным, что его друзья приходили к нему за советом в случае телесного или психического недуга. «Я умел ободрять людей. К тому же я где-то год, в начале пятидесятых, работал братом милосердия в неврологической клинике в Лондоне – National Hospital of Nervous Diseases – крупная, всемирно известная больница. Мне нужно было найти работу в Англии, а для иностранца это сложно. Я пришел на собеседование в эту больницу, к молодому врачу. Он спросил: „Отчего вы не хотите работать на кухне?“ Но мне хотелось ухаживать за больными. Он сказал: „It will break your heart“. Он оказался прав. Но я понял это лишь потом.

С точки зрения медицины это была весьма передовая больница. Туда приходили люди, которых сразу же можно было отправить в очередь в морг. Но они выходили оттуда совершенно здоровыми. Персонала не хватало. Порой мне приходилось присматривать за целой палатой пациентов, человек восемь–десять, большая часть которых находилась без сознания. Я должен был переворачивать их на бок и растирать камфарой. И я видел все нюансы преданности и эгоизма в смысле отношения членов семьи пациента к нему. Страдания, болезнь и смерть представляли мне в совершенно другом свете. Я видел очень много умира-

ющих. Я видел смерть моего деда, но таких мучений вблизи не наблюдал никогда.

Когда кто-то попадает в больницу, всплывают все его дурные особенности. В мужском отделении, где я работал, мне никогда не встречались ходячие больные, которые были бы готовы приподнять другого и покормить его. Но в женском отделении было иначе. Там я видел женщин, которым разрешалось вставать, и они кормили лежачих и опраивали им постели.

289

Пару лет назад я попал на день-другой в больницу с какой-то ерундой, здесь, неподалеку. У меня была страховка третьего класса, – она покрывает физическую медицинскую помощь. Меня поместили в небольшую, на три персоны, палату. Справа от меня лежал человек в довольно скверном состоянии. У него была остеосаркома, и он с трудом мог есть и глотать. Я размалывал для него таблетку, чтобы он мог ее в один прием клюкнуть. Когда по утрам ему нужно было вставить челюсть, я приносил ее в такой довоенной целлулоидной коробочке. Я ее хорошенько протирали и со словами „Это верхняя“ вставлял ему в рот. Когда меня выписали, он плакал, потому что я столько для него сделал. Но это же само собой разумелось.

Чем больше улучшений происходит в области здравоохранения, тем больше жалоб. Народ хочет знать, за что он платит. Десять–двадцать гульденов в неделю – это очень много.

У медсестер обычно не хватает времени. Но я, по крайней мере, в состоянии подсунуть утку под зад лежащего и подтереть его; я же свой-то подтираю! Для некоторых это слишком противно, – пусть лежит себе в собственном дерьме. „Кто-нибудь другой сделает“. Я тут говорю не о человеческой низости, а о том, каков человек на самом деле».

290

Практически в каждом письме к Гротхёйзе содержится отчет о борьбе Реве с Королем Алкоголем. «В те времена люди пили по-черному. Нынче же быть алкоголиком не благопристойно. Меня можно назвать непьющим алкоголиком. Я мало-помалу с алкоголя соскочил. Алкоголь на время снижает напряжение, но также пробуждает агрессию. Похмелье – другое дело. Ты уже больше не во хмелю, но в значительной мере расслаблен. „По дороге к концу“ и „Ближе к Тебе“ от и до написаны с похмелья».

Реве рассказывает, как в августе 1966, после приступа белой горячки в поезде, его забрали в больницу в Ассене. «Перед тем как выписать, меня очень тщательно обследовали. К ярости невропатолога у меня оказалось всё в порядке, и печень была целехонькая. Я тогда круто переменял курс и подумал: ускользнул. Они там еще сделали мне „башкограмму“, сканирование мозга. И врач констатировал: „Патологический порог“. Я сказал: „Слава Богу“. Он имел в виду, что у меня сниженный порог сознания. Мое подсознательное гораздо легче доходит до сознания, нежели у нормаль-

ного человека. Поэтому я до какой-то степени ясновидящий, и у меня бывают видения и галлюцинации. Но битву с Королем Алкоголем я выиграл.

О человеке, который хнычет, бесится и за-растает грязью, говорят: „Он несчастлив“. Я тоже несчастлив, но в чем разница? Я превращаю свое страдание в музыку. И, если удастся, в музыку, своим шелестом возвышающую. Это единственная дельная музыка».

291

В одном из писем к Гротхёйзе Реве пишет: «Я еще ни разу в жизни не испытывал чувства защищенности или безопасности». Он считает это следствием коммунистического окружения, в котором вырос. «Это был искусственно мыслящий мир чувств. Моя чувственная жизнь многие годы подавлялась замечательным учением: всё относительно, на всё нужно смотреть с рациональной точки зрения. Но рассудок, не знающий чувства, есть рассудок искалеченный. Все ужасы были „исторически необходимы“. Это была неверная, лживая картина мира, для ребенка вовсе не здоровая. Совершенно непрагматичная и нереалистическая. Юнг называл атеизм „неврозом городского жителя“. Атеизм – это религия, не терпящая рядом с собой никакой другой религии. Атеизм – это психическое отклонение.

У меня болезненная память, – способность, развившаяся из-за тяжелых условий моей юности; я обращал на всё внимание и был

бдителен. Когда я сижу в поезде и кругом относительно тихо, я могу читать книгу или газету и в то же время подслушивать разговоры окружающих. Человек всегда регистрирует всё своими органами чувств, но не каждый это осознает. Лет восемь–десять назад, одним субботним утром я заметил двух женщин, укрывшихся в воротах на Плугстрат III. Одна сказала другой: „Много зелени и чуток картошки, какая это еда для мужчины“. Такие воспоминания иногда очень кстати, разумеется, и притом даром».

«Я не получал недоброжелательных оценок „Вечеров“, – говорит Герард Реве о своем первом романе. – Но эта книга тормозит мою карьеру, поскольку, что бы я ни опубликовывал, мне вечно ставят ее на вид. Я потом стал писать совершенно по-другому. Но о каждой новой книге мне говорят, что она не такая, как „Вечера“. Это примитивная книга, и в этом, похоже, ее сила. И если книга вот уже полвека имеет успех у читателя, у нее определенно есть прочная, универсальная ценность. Ее переиздают ежегодно, и можно что угодно писать в учебниках, но публику не проведешь.

Выступления всегда давались мне трудно. „Вечера“ же великолепно подходят для чтения на радио. Перечитывая, я нашел, что это весьма недурная работа для двадцатидвухлетнего парня. Обнаженность и неприкрытость „Вечеров“, возможно, и является секретом ее успеха.

Любой может ее дополнить тем, чего в ней нет. Сейчас можно блестяще сдать выпускной экзамен по нидерландскому, ответив на вопросы по „Вечерам“, если перерыть сотни описаний из учебников: Кто такой Фриц Эгтерс? Какова его роль в книге? Можно их экзаменовать по этой книге, которую они и в руки не брали. Образование в Нидерландах столь измельчалло, что его уже нельзя назвать образованием.

293

Людей можно убедить в чем угодно, потому что они этого хотят. Нужно им говорить то, что они хотят услышать, на это они имеют право. В конце концов, мой народ – это мое средство к существованию. Но себя не нужно вводить в заблуждение: что ты единственный в своем роде, незаменимый, что никогда ничего подобного еще не появлялось. Нужно привносить что-то хорошее, а не что-то новое. Нечто оригинальное – это ничто. В сущности, нет ничего нового. Всё важное уже было прежде. Главное в моей работе опирается на уже существующие труды, так же, как и многие фигуры речи, композиции и сцены. Я всегда пытался писать как Тургенев, но мне никогда это не удавалось. То, что я написал, кое-что значит, но что? Какие права мне это дает? Могу ли, в свою очередь, ими воспользоваться?»

(1991)

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Письма моему врачу	9
Приложения	229
<i>В. Л. Брюгсма. Нидерланды по дороге к концу?</i>	263
<i>Том Роудейн. Быть алкоголиком более не благопристойно</i>	283

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ГЕРАРДА РЕВЕ**

МАТЬ И СЫН

Мать – это Святая Дева Мария, а сын – сам Реве. Писатель рассказывает о своем зародившемся в юности интересе к католической церкви и, в конечном итоге, о принятии крещения. По словам Реве, такой исход был неизбежен, хотя и шел вразрез с коммунистическим воспитанием и его открытой гомосексуальностью. Единственным препятствием, которое Реве пришлось преодолеть для того, чтобы быть принятым в лоно церкви, являлось его отвращение к католикам. На страницах книги Реве ищет не только духовного единения с Девой Марией, но и плотского союза с идеальным партнером – юным вокзальным носильщиком, которого он окрестил Матросом. Мечтая о новой встрече с Матросом, автор не забывает и о других «милых мальчиках».

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ГЕРАРДА РЕВЕ**

МЕЛАНХОЛИЯ

Повесть «Меланхолия» – первый английский текст Герарда Реве – вызвала недовольство министерства культуры Нидерландов. Чиновники сочли непристойной сцену мастурбации и отказали Реве в стипендии для заграничной поездки. В знак протеста писатель объявил о своем решении эмигрировать. Несколько лет он провел в Лондоне. В сборнике «Меланхолия» собраны произведения Реве, написанные в Англии.

ЦИРКАЧ

В этом романе Народный писатель Герард Реве размышляет о том, каким неслыханным грешником он рожден, делится опытом проживания в туристическом лагере, рассказывает историю о плотской любви с уродливым кондитером и получении диковинных сластей, посещает гробовщика, раскрывает тайну юности, предается воспоминаниям о сношениях с братом и непростительном акте с юной пленницей, наносит визит во дворец, сообщает Королеве о смерти двух товарищей по оружию, получает из рук Ее Светлости высокую награду, но не решается поведать о непроизносимом и внезапно оказывается лицом к лицу со своим греховным прошлым.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ГЕРАРДА РЕВЕ**

ВЕРТЕР НИЛАНД

Рассказ – страниц, скажем, на сорок, – означает для меня сотни четыре листов писанины, сокращений, скомканной бумаги. Собственно, в этом и есть вся литература, все искусство: победить хаос. Взять верх над хаосом и подчинить его себе. Господь создал все из ничего, будучи и в то же время не будучи отрицанием самого себя. Ни изменить этого, ни соучаствовать в этом человек не может. Но он может, словно ангел Господень, обнаружить порядок там, где прежде царила неразбериха, и тем самым явить Господа себе и другим.

ПИСЬМА СИМОНУ К.

Герард Реве дорожил своими письмами Симону Кармиггелту (1913–1987). Он считал послания друзьям отдельной частью своих сочинений, эквивалентной романам и рассказам. Переписка с Симоном К. продолжалась с 1971 по 1975 год. В это время Реве работал над лучшими своими книгами – «Язык любви», «Милые мальчики» и «Циркач». Реве пишет «собрату по перу» о депрессиях и литературных успехах, политике и коварстве алкоголя, превратностях любви и милости Богоматери.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ГЕРАРДА РЕВЕ**

МИЛЫЕ МАЛЬЧИКИ

Достоин зависти человек, который впервые открывает книгу Герарда Реве. Российским читателям еще предстоит проникнуть в мир Реве – алкоголика, гомосексуалиста, фанатичного католика, которого привлекали к суду за сравнение Христа с возлюбленным ослом, параноика и истерика, садомазохиста и эксгибициониста, готового рассказать о своих самых возвышенных и самых низких желаниях. Каждую секунду своей жизни Реве превращает в текст, запечатлевает мельчайшие повороты своего настроения, перемешивает реальность и фантазии, не щадя ни себя, ни своих друзей.

ПО ДОРОГЕ К КОНЦУ

В романах «По дороге к концу» и «Ближе к Тебе» Реве нашел свой стиль: непрерывный поток размышлений, воспоминаний и описаний незначительных, на первый взгляд, событий, из которых он творил собственную вселенную, царство ревистской теологии. Говорит ли он о Выпивке, Боге или Беспощадном Мальчике, его многословный, возвышенно-комический стиль заставляет читателя плакать и смеяться одновременно.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ КНИГИ ГЕРАРДА РЕВЕ**

ТИХИЙ ДРУГ

Три истории о невозможной любви. Учитель из повести «В поисках» (1995) следит за таинственным незнакомцем, проникающим в его дом; герой «Тихого друга» (1984) вспоминает встречи с милым юношей из рыбной лавки; сам Герард Реве в знаменитом «Четвертом мужчине» (1981), экранизированном Полом Верховеном, заводит интрижку с молодой вдовой, но мечтает соблазнить ее простодушного любовника.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести в *Москве*:

«Фаланстер», Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Индиго», ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Циолковский», Большая Молчановка, д. 18
«Dodo», Таганская ул., д. 31/22

в *Санкт-Петербурге*:

«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Все свободны», Наб. Мойки, д. 28, второй двор

через *Интернет*:

«Ozon» ozon.ru
«Книга» kniga.ru
«Esterum» esterum.ru
«Petropol» petropol.com
«Чакона» chaconne.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

на *Украине*:

«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ооо «Берроунз», тел. (495) 971-47-92
Национальный книжный дистрибьютор
«Книжный Клуб 36.6», тел. (495) 926-45-44
Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте mitin.com

Герард Реве

ПИСЬМА МОЕМУ ВРАЧУ (1963–1980)

КОЛОННА PUBLICATIONS

Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301
Подписано в печать 16.03.2015. Тираж 500 экз. Заказ № 18-28
Формат 70×100/32. Объем 9,5 п. л. Гарнитура гтс Charter
Отпечатано странной весной 2015 года в обанкротившейся
типографии литературного альманаха «Русская луковая
жизнь», брошюрование и операции подбора произведены
на листоподборочной машине ТАЙСОН, выкупленной
на средства фан-клуба народной песни «Моя мама вся
в часах». 142605, Орехово (Зуево), улица размахайчика
Зелёные Глазки, 1-Г, телефон инициативной группы
отставных полиграфистов-эксцентриков (496) 422-52-96